

*Концептосфера
взаимодействие
многоаспектный
авторско-редакторский
временный русский язык
формальный и содержательный
интерпретатор и коммуникант
математический и структурный
стилистическая конструкция
лексическая словоформа
лексические элементы
литературный стиль
томатизация и актуализация
революционные трансформации
коммуникативная атмосфера
наглядно-образный
картина мира
жанрово-художественный
стиль
математический код
диалогическая оппозиция
временный русский язык
формальный и содержательный
интерпретатор и коммуникант
математический и структурный
стилистическая конструкция
лексическая словоформа
лексические элементы
литературный стиль
томатизация и актуализация
революционные трансформации
коммуникативная атмосфера
наглядно-образный
картина мира
жанрово-художественный
стиль
математический код
диалогическая оппозиция
временный русский язык
формальный и содержательный
интерпретатор и коммуникант
математический и структурный
стилистическая конструкция
лексическая словоформа
лексические элементы
литературный стиль
томатизация и актуализация
революционные трансформации
коммуникативная атмосфера
наглядно-образный
картина мира
жанрово-художественный
стиль*

Интерпретация произведения

Olomouc 2014

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2014

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., Mgr. Jitka Komendová, Ph.D., PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc. (Bratislava)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Redakční kolegium – Editorial Advisory Board – Редакционная коллегия:

prof. Alla Arkhanhelska, CSc. (Olomouc)	Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D. (Olomouc)
doc. PhDr. Jiří Gazda, CSc. (Brno)	д-р Екатерина Солнцева-Накова (София)
PhDr. Jan Gregor, Ph.D. (České Budějovice)	prof. Ludmila Stěpanova, CSc. (Olomouc)
prof. dr hab. Andrzej Charciarek (Opole)	PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D. (Olomouc)
Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. (Olomouc)	PhDr. Marta Vágnerová, Ph.D. (České Budějovice)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
l.voboril@centrum.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 150 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1

Num.

Vol. LIII

Olomouc 2014

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Toto číslo časopisu *Rossica Olomucensia* je tematicky zaměřené, věnuje se otázkám současné translologie i výuky tlumočení a překladu. Publikované příspěvky zazněly ve zkrácené podobě na mezinárodní konferenci XXII. Olomoucké dny rusistů pořádané katedrou slavistiky FF UP v Olomouci ve dnech 04.–06.09. 2013.

evropský
sociální
fond v ČR

EVROPSKÁ UNIE

MINISTERSTVO ŠKOLSTVÍ,
MLÁDEŽE A TĚLOVÝCHOVY

OP Vzdělávání
pro konkurenceschopnost

INVESTICE DO ROZVOJE VZDĚLÁVÁNÍ

Vydání tohoto čísla časopisu bylo financováno z ESF projektu *Interdisciplinární filologická inovace translologických modulů na cizojazyčných katedrách FF UP, CZ.1.07/2.2.00/28.0095*.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2014

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

АНДРЕЙ АРТЁМОВ: К проблеме поиска русского словарного эквивалента для чешского слова « <i>pohoda</i> »	5
МАРТА ВАГНЕРОВА: Практическая транскрипция русских антропонимов и топонимов латиницей как одна из проблем чешского переводчика	11
ХАРРИ ВАЛЬТЕР: Переводчик на судопроизводстве: солдат между двух огней?	17
ЗДЕНЬКА ВЫХОДИЛОВА: Язык современной русскоязычной прозы как транслатологическая проблема	25
JAN JENÍŠTA: Titul prozaického textu jako překladový problém na příkladu nové polské prózy ...	33
ЙИНДРЖИШКА КАПИТАНОВА: Устный перевод по теме «преступность/ правосудие» – методика работы в аудитории	39
ЙИНДРЖИХ КЕСНЕР: Коварство железнодорожной лексики: «Почему чехи и русские иногда не понимают друг друга»	47
ЛЮБА МРОВЕЦОВА: Лингвокультурологическая специфика пословиц с компонентом «ложь»/„lež“ в русском и чешском языках	57
ОЛЬГА УСЕНКО: Роль субъективизма переводчика при выполнении последовательного перевода	71
ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА: Переводной словарь и фразеология «отраслевых языков»	79

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

СЕРГЕЙ СКОРВИД: Helena Confortiová, Jitka Cvejnová, Natalja Rajnochová: Чешский язык / Čeština pro rusky hovořící.....	85
JINŘIŠKA KAPITANOVÁ: Kubánek, M., Molnár, O., Zehnalová, J. (Eds.): Teaching Translation and Interpreting Skills in the 21st Century	88

INFORMATIVNÍ STATI, ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

ИЛОНА ШПРЦОВА, РОМАН ГУЕР: Русский язык в судебном делопроизводстве – теория и практика, или анабазис переводчика русского языка с 90-ых годов по сегодняшний день ...	91
ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ: Международная научная конференция: XXII Оломоуцкие дни русистов 4–6 сентября 2013 г.	94
MARTINA PÁLUŠOVÁ: Ukrajinská prekladateľská konferencia – UTIC 2013	97
Pokyny pro autory	99

АНДРЕЙ АРТЁМОВ

Чехия, Ческе Будейовице

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА РУССКОГО СЛОВАРНОГО ЭКВИВАЛЕНТА ДЛЯ ЧЕШСКОГО СЛОВА «POHODA»

ABSTRACT:

On The Issue of Searching For A Russian Dictionary Equivalent Of Czech Expression “*pohoda*”

The author deals with the semantics of the Czech word “*pohoda*”. The semantics of the word, the development of a new connotation brings up the question of finding appropriate equivalents in other languages. The reality of this word can be described by means of foreign languages and specifically also the Russian language. Finding equivalents to the word “*pohoda*” is not only associated with its frequent use during the last twenty years, but also with abstract concepts that are hidden in the semantics of the word. The word reflects the attitude to the contemporary world, the atmosphere of certain events as well as life mood and subjective evaluation. As a part of constant expressions that word realizes its potential enriched with expressive connotation being manifested in different languages.

KEY WORDS:

Czech – Russian – semantics – the expression “*pohoda*” – phraseology – equivalent.

В последние годы в чешском языке ещё более частым стало использование слова *pohoda*. При наблюдении за чешским разговорным узусом возникает вопрос, является ли данное слово и производные от него, постепенно возникающие всё в большем количестве, простым явлением языковой моды или же постепенно развивается новое ключевое понятие, характерное для языковой картины мира чехов.

Специфичность семантики данного слова, развитие новых коннотаций создаёт также почву для размышлений о поиске подходящих эквивалентов в других языках. Приходится также констатировать, что реальность, обозначаемую данным словом, довольно сложно с необходимой точностью воспроизвести средствами других языков и в частности русского языка.

На протяжении последних нескольких десятилетий из сферы разговорного языка слово *pohoda* стало в большей степени проникать в беллетристику и публицистику с новым значением, что демонстрирует и частотный словарь чешского языка [FSČ 2004: 195]. Сохраняя коннотации, характерные для разговор-

ного языка, данная лексема стала основой для развития своего значения в производных словах и фразеологических единицах, например: *pohodáč*, *pohodář*, *pohodový*, *pohodově*, *být v pohodě* [NSČ 1998: 212]. Как само имя существительное *pohoda*, так и его производные находим в различных толковых словарях чешского языка.

Словарь «Литературного чешского языка для школы и общественности» [SSČ 2001: 284] в издании 1994 года, приводит только слово *pohoda* без производных слов и всего с двумя значениями. В качестве первого значения присутствует ‘*благоприятная погода*’ (*příznivé počasí*) с примером: *letní pohoda*, второе значение обозначает ‘*благоприятные условия*’, ‘*состояние спокойствия и счастья*’ (*příznivé podmínky, stav klidu a štěstí*) с иллюстрациями: *životní pohoda*, *žít v rodinné pohodě*. С тем же значением данное слово присутствует в том же словаре издания 1978 года.

Наибольшее распространение и развитие в течение примерно последних двадцати лет получило второе значение.

Значение, прямо связанное с климатом, наоборот уже фактически вытеснено, оно воспринимается как архаичное, узко специальное или региональное, и не известно простому носителю языка. В силезских (ляшских) говорах находим народное предсказание-прогноз (ед. ч.: *pranostika*): *Na Kazimíra (22. III.) pohoda, na kobzole úroda*. – ‘*На св. Казимира благоприятная погода – к урожаю на картофель.*’ (Второй специфический элемент здесь диалектизм *kobzole*, означающий *brambory – картофель*) [Vašků 1998: 93].

Как было отмечено выше, расширился репертуар единиц лексического гнезда. Это демонстрируют разнообразные толковые словари чешского языка. Например, в «Словарь неологизмов» [NSČ 1998: 212], изданный в 1998 году, уже помещено пять новых единиц с элементом *pohod-*, расширяется и семантический репертуар лексических единиц:

– коннотацию успешности несёт фразеологизм со значением ‘*быть в порядке, без проблем*’:

♦ **бýt v pohodě** (o člověku, situaci) *být v pořádku, bez problémů*: *spoluzáci byli ještě před nedávnem v pohodě, ale teď kouří marihuanu nebo si píchají tvrdé drogy; na pracovišti je všechno v pohodě*

[Ibid., 51]

– элемент психологического равновесия, невозможности выбить из колеи ощущается в семантике существительного *pohodář*, обозначающего спокойно-го, внутренне уравновешенного человека:

pohodář -e m.

kdo je klidný, vnitřně vyrovnaný a šíří kolem sebe pohodu: *on si s ničím nedělá hlavu, je to pohodář*
[Ibid., 212]

– тем не менее в имени прилагательном *pohodový* или в наречии *pohodově* просматриваются и другие коннотации, связанные с безмятежностью, распространением приятного состояния, получением удовольствия:

příběh začíná pohodově; zpívat pohodově; pohodová muzika, pohodový den, pohodový večer, po-

hodová atmosféra; být pohodový
[Ibid.].

Многие из зафиксированных в словарях лексических единиц с рассматриваемым элементом *pohod-* имеют экспрессивно маркированную семантику. Это иллюстрируют «Тезаурус чешского языка» [ТЈС 2007] и «Словарь нелитературного чешского языка» [SNČ 2009]. В «Тезаурусе» находим такие слова, как *pohodovost*, *pohodička*. В «Словаре нелитературного языка» обнаружим *pohodovka* («приятная песня»), *v roho* («в порядке» в сленге современной молодёжи).

«Тезаурус чешского языка» [ТЈС 2007] предлагает ещё большую дифференциацию значения слов с основой *pohod-*. Репертуар значений здесь представлен в компаративном плане в соотнесённости с другими понятиями. Например, слово *pohoda* соотносится с такими областями или «облаками» значений, как:

Чешский язык	Русский язык
hezké počasí	хорошая погода
pohodlí	комфорт, уют, удобство
pohovění	отдых, релаксация, расслабление
poklid	спокойствие, успокоение, умиротворённость
příjemnost	приятность, приятные ощущения
přízeň osudu	благосклонность судьбы, «улыбка фортуны»
radost	радость
snadná věc	лёгкое дело, лёгкость

Таких областей значений можно, вероятно, обнаружить ещё больше, если рассматривать все приведённые элементы гнезда, а также неологизмы и окказионализмы, возникшие в узуальной среде. Окказиональные употребления часты в разговорной речи и нередко приходится удивляться возможности использования данного слова в такой ситуации, в которой оно звучит несколько неожиданно. К примеру, автор данной статьи наблюдал сценку в раздевалке фитнес-зала: проходя мимо, один молодой человек случайно задел другого, возник короткий диалог на чешском языке: «*Sorry!*» – «*V pohodě*». Ответ второго на русском языке имел бы оттенок значения «ничего», «ничего страшного». Каким конкретно эквивалентом стоит в таком случае воспользоваться, когда толковые словари дают такое множество значений?

Как это часто бывает при поиске более точного эквивалента в процессе перевода, ситуации спонтанного характера довольно сложны для переводчика, поскольку таят в себе определённую детерминированность, исходящую из конкретного момента, когда важно, где, что, как произошло, с какой интонацией произносилась реплика и т.д.

Один из современных «Чешско-русских словарей» [ČRS 2005] фактически повторяет уже имевшиеся в более старых словарях элементы словарной статьи, немного расширив её содержание за счёт добавления фразеологических единиц:

pohod||a, -y ž (*nedělního odpoledne ap.*) спокойствие *s*; životní ~а жизнерадостность *ž*; duševní ~а хорошее расположение (духа) byl v ~ě он был в хорошем расположении духа; je to v ~ě дело благополучно

Как видим на приведённом примере, эквиваленты (что для словарных эквивалентов в целом характерно) лишь обрисовывают, «намечают» определённый набор значений. В данном случае несколько просматривается попытка универсализации значения в единственном слове *спокойствие*, не исчерпывающем репертуар значений рассматриваемого слова. Такой эквивалент воспринимается, скорее, как «безобидный» и ничуть не самый точный. В следующей далее – как нам кажется, недостаточной, – конкретизации семантики с помощью устоявшихся сочетаний и фразеологизмов находим немногие проявления коннотаций заголовочного слова данной статьи.

Такой критический взгляд на соответствующую статью ни в коей мере не связан с нападками на словарь, а лишь подчёркивает необходимость более кропотливого разбора актуальных примеров употребления лексической единицы, на которых и должна в большей степени основываться словарная статья в двуязычном словаре. В особенности это касается реалий, а также абстрактных понятий, характерных для национального менталитета. К последним как раз и можно отнести слово *rohoda* с производными от него.

В целях более тщательного подбора русского эквивалента безусловно необходимо обращаться к примерам употребления, взятым из различных областей использования данного слова. Частично такую возможность предоставляет параллельный корпус *InterCorp*. В нём находим, прежде всего, примеры из художественной литературы.

При работе с параллельным корпусом ограничимся только самим словом *rohoda* и некоторыми наиболее показательными случаями, связанными с производными от него.

Из тринадцати обнаруженных результатов с параллельными контекстами оригиналов и переводов наиболее точным с точки зрения содержательной стороны семантики представляется эквивалент *благодать* (2 результата), не встретившийся ни в одном из двуязычных словарей. Например:

Na trávu přede mnou svítilo slunce, keře se zelenaly a ptáci zpívali. Klid a **pohoda**. Bylo těžké uvěřit, že se tu dějí tak nepřijemné události. (Překlad Pavel Weigel, 1985)

На лужайке перед кораблем светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и **благодать**. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события. (Булычёв, Кир: Девочка с Земли. Москва 1974)

Касательно приведённого примера речь идёт о переводе на чешский язык, т.е. здесь более правильно говорить о подборе эквивалента к русскому слову *благодать* (к сожалению, параллельный корпус при отображении результатов в таблице прямо не показывает, какой текст переводной, а какой является оригиналом, хотя в ряде случаев, так же как и в данном примере, определить оригинал не сложно).

Далее следует также не встречающийся в словарях контекстуальный эквивалент *штиль* (2 результата). К примеру:

Jako vrabci v odpadcích a koňském trusu, tak se hrabou velkoměstské samičky ve smetí současnosti, nákaza, která se hemží v žilách, saxofony, alkohol, a všechno začouzené a prázdné. A tady je věčná modrá, jasná **pohoda**. Vánek pohnul jedním hruškovým listem a potom je dlouhé, nekonečně dlouhé ticho.

Точно воробы в пыли и конском навозе, роются женщины больших городов на мусорных свалках современности - зараженная кровь, саксофоны, алкоголь, а вокруг копоть и пустота. Здесь же вечный голубой, ясный **штиль**. Легкий ветерок качнет грушевый лист, и снова воцаряется долгая, бесконечно долгая тишина.

Не менее интересны и другие эквиваленты, отражающие семантику имени существительного *pohoda* в данном контексте и встречающиеся один раз: *настроение*, «лёгкость» (в контексте употреблён предикат *не легко*), *веселье*, *непринуждённость*. Найдём среди них и вышеупомянутый словарный эквивалент *спокойствие*, который в контексте является синонимом к существительному *благодать*. Особняком стоят такие находки, как «уют» (в контексте *уютный*), *здорово* (в качестве предиката) и *ништяк* (из сленга молодёжи 90-х гг. XX-го в., также употреблённое в предикативной функции):

1. Místo sosen se objevily buky a duby a soumrakem vládla utěšená **pohoda**.
Сосны сменились буками и дубами, и сумрак стал нестрашным и уютным.
2. Z dálky sem tlumeně doléhala hudba z rádia. „Slyšíš?“ zeptala se Šmudlina. „**Pohoda**, co? Mám tu veškerý komfort.“ „Je to tu bezpečné?“ strachovala se Míci.
С бензозаправки доносились звуки радио, - Слышишь? - спросила Помоечница. - Правда **здорово**? Я тут с комфортом устроилась. - А здесь не опасно?
3. Všechno jak má bejt, dva strážci konvoje, tohleto, támhleto, dole basa, nahoře rajská **pohoda**.
Всё как положено, два конвойных, все дела, снизу карцер, сверху **ништяк**.

Первый приведённый пример снова соотносим с элементами семантики спокойствия, благодати, умиротворённости. Второй и, особенно, третий примеры значительно отличаются от предыдущих прежде всего своей стилистической окраской. Во втором примере «*Правда здорово?*» несколько не соотносится по стилю с „*Pohoda, co?*“, которое воспринимается, как менее наивное, т.е. выражение более уверенного в себе человека, вероятно, имеющего определённый опыт. Третий пример достаточно оригинален, в нём, как нам представляется, слово *ништяк* так же, как и чешский вариант *rajská pohoda*, не нарушают единообразия стиля и создают очень колоритное экспрессивное эквивалентное соответствие. Эквивалентным к третьему примеру может быть и англицизм *кайф* и часто встречающееся в последние годы «вездесущее» *cyner!*

Отдельно необходимо обратиться к фразеологической единице *v pohodě*, которая тоже представлена в параллельном корпусе. У данной единицы в различных контекстах обнаружим как минимум три различных значения (на основании 15 результатов, представленных в параллельном корпусе *InterCorp*), выражающих:

1. Состояние отрешённости от проблем и забот:

být v pohodě: (je) v pohodě – (он) в порядке, (у него) всё в порядке, всё о'кей
Так jsem se ho zeptal: „A co dělá náš mukul?“ „Ten je v pohodě.“ „Už se zase zbláznil. Celý ráno si zpívá Širáká straná majá radnája. Zejtra jde před komisi.“
Я спросил: – Что с нашим эжком? – Порядок. Он снова рехнулся. Всё утро поёт: «Широка страна моя родная». Завтра у него обследование.

2. Подтверждение успеха, успешное сопровождение активного действия: (udělat, zvládnout něco) v pohodě

V momentě jsem se zahřála a do metra jsem se dostala v pohodě, ani jsem necítila mráz. Моментально стало тепло, и до метра я добежала, не почувствовав мороза.

3. В ответе на извинение:

Omlouvám se. – V pohodě.: Извините. – Ничего (страшного).

„Rozumím.“ Armanskij chvíli přemýšlel. „Je to naprosto v pohodě.“

– Понятно. – Он немного подумал, - Все нормально.

При поиске русского эквивалента для производных слов (*pohodář, pohodový, pohodička*) снова сталкиваемся с проблемами, которые усложняли нам поиск эквивалентов для существительного *pohoda*. Параллельный корпус *InterCorp* не предлагает ни одного русского эквивалента, что объясняется новизной и экспрессивностью, «разговорностью» данных слов.

Довольно сложным может быть определение эквивалента для слова *pohodář*, ставшего предпочтительным среди молодёжи при положительной оценке другого человека. По наблюдениям можно констатировать, что так чаще называют *‘уравновешенного неконфликтного человека, живущего в согласии с собой и остальным миром’*. Имя прилагательное *pohodový* обозначает приятное состояние, заключённое в слове, признак которого оно описывает, семантика слова *pohodička* уже в некоторой степени связывается с такими словами, как: *леность, безмятежность, ничегонеделание*.

В заключение хотелось бы отметить, что сложность поиска эквивалента к слову *pohoda* связана не только с частотой его использования в последние двадцать лет в различных (часто стилистически маркированных) контекстах, но, прежде всего, с комплексом абстрактных понятий, скрытых в его семантике, когда на ряду с определением состояния индивидуума оно отражает и мироощущение, и саму атмосферу каких-либо событий, кроме того жизненный настрой, а также субъективную оценку. В составе устоявшихся выражений данное слово по-новому реализует свой семантический потенциал, привнося экспрессивность и оригинальные коннотации в то или иное выражение. Было бы также интересно обратиться к сопоставлению семантики слова *pohoda* с русскими словами *отдых, лень, уют*, а также *наслаждение* и *счастье* в рамках изучения языковой картины мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ČERMÁK, FR.; KŘEN, M. a kol. (2004): *Frekvenční slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. (FSČ)
- FILIPEČ, J.; DANEŠ, FR. a kol. (2001): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia. (SSČ)
- HUGO, J. a kol. (2009): *Slovník nespisovné češtiny*. Praha: Maxdorf. (SNČ)
- InterCorp*: Český národní korpus – InterCorp. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit. 01.10.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
- KLÉGR, A. (2007): *Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny. (TJČ)
- КОРЕЦКÝ, L. V.; FILIPEČ, J. (1976): *Česko-ruský slovník*. 2 díly. Praha, Státní pedagogické nakladatelství. M.: Nakladatelství Ruský jazyk. (ČRS)
- MARTINCOVÁ, O. a kol. (1998): *Nová slova v češtině*. Praha: Academia. (NSČ)
- SÁDLÍKOVÁ, M.; KREJČÍŘOVÁ, I. (2005): *Velký česko-ruský slovník*. Praha: Leda. (ČRS 2005)
- VAŠKŮ, ZD. (1998): *Velký pranostikon*. Praha, Academia.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А., ЛЕВОНТИНА, И. Б., ШМЕЛЁВ, А. Д. (2005): *Ключевые идеи языковой картины мира: Сборник статей*. Москва: Языки славянской культуры.
- СТЕПАНОВА, Л. И. (2003): *Очерки по истории чешской фразеологии*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.

МАРТА ВАГНЕРОВА

Чехия, Ческе Будейовице

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ И ТОПОНИМОВ ЛАТИНИЦЕЙ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЧЕШСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

ABSTRACT:

Practical Transcription of Russian Anthroponyms and Toponyms with Latin Letters as One of the Problems of Czech Translators

The paper presents the possibility of transferring Russian anthroponyms and toponyms in the graphic system of the Czech language (transliteration, transcription, transplantation, translation), special attention is paid to their practical transcription and its related problems (variability and lack of standards for the transcription of certain letters, the unresolved question of the use of the letter „ě“ Russification of non-Russian anthroponyms and toponyms, etc.).

KEY WORDS:

Russian – Czech – anthroponyms – toponyms – transliteration – transcription – graphic transplantation – practical transcription – translator`s problems.

Имена собственные в любом языке – особенные слова. Они выполняют несколько важных функций (об этом пишут, напр., Д. И. Ермолович, А. В. Суперанская, М. Кнаппова и др.), тем не менее, их обычно не включают в переводные словари, ими почти не занимаются в учебниках по языку и переводу. Переводчик, однако, с ними ежедневно встречается и должен решать проблему их передачи с языка-источника на целевой язык. Для чешского переводчика с русского языка эта проблема осложнена тем, что данные языки пользуются разными графическими системами.

В нашей статье мы хотим коснуться некоторых проблем передачи русских собственных имён при помощи латинского алфавита, в частности, при помощи графической системы чешского языка. В принципе есть 4 возможности такого рода передачи: транслитерация, транскрипция, т.н. трансплантация и перевод.

Транслитерация (от лат. trans – через и littera – буква) обычно характеризуется как написание путём передачи букв одного алфавита буквами друго-

го алфавита без учёта произношения. Транслитерацией часто пользуются для исторических и географических текстов, картографических документов или при составлении международных библиографических или топонимических списков, каталогов, регистров и т.п. Принципы транслитерации урегулированы международной нормой ISO 9, причём каждая страна имеет свою версию этой международной нормы, в случае Чешской Республики это ČSN ISO 9 (01 0185), в РФ действует ГОСТ 7.79–2000. Передача кирилловского алфавита латинскими буквами возможна при помощи строгой или ослабленной транслитерации¹. **Строгая транслитерация** основана на использовании диакритики, одной букве кириллицы отвечает одна буква латиницы, напр. *ёлка* – *ělka*, *журнал* – *žurnal*, *общество* – *obšestvo* (примеры согласно ГОСТ 7.79–2000). Другим видом транслитерации является транслитерация с использованием буквосочетаний, так называемая **ослабленная транслитерация**. Здесь одной букве кирилловского алфавита отвечает или одна буква, или буквосочетание латинского алфавита. В ЧР пользуются ослабленной транслитерацией, основанной на графической системе английского языка. В состав используемых для транслитерации букв входят: **a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, x, y, z**, а также небуквенные знаки, напр., знаки препинания и специальные знаки, используемые распространёнными массовыми печатающими устройствами. Буквосочетания используются для передачи букв ж-zh, zj; х-h, kh; ц-c, ts; ш-sh; щ-sch, shch и для передачи йотированных букв е-je; ю-ju, iu; я-ja, ia² в определённых позициях (в начале слов и после гласных)³. Как видно, здесь допускаются варианты, таким образом, этот способ конверсии является одним из источников многовариантности написания собственных имён. В повседневной жизни ослабленная транслитерация кирилловского алфавита в латинский чаще всего используется в библиотечном деле, а также для написания и-мейлов и смс-сообщений на русском языке на компьютерах или мобильных телефонах, где не работает кириллица, и для передачи русских имён и фамилий в личных документах, прежде всего, в загранпаспортах.

Транскрипция (от лат. transcriptio – переписывание) – это письменное воспроизведение слов и текстов с учётом их произношения средствами определённой графической системы. Необходимо различать транскрипцию **научную** (фонетическую и фонематическую) и **практическую**. **Практическую транскрипцию** следует понимать как запись средствами данного национального алфавита непереводаемых иноязычных слов. Она применяется, главным образом, именно при передаче на письме иностранных имён собственных и представляет собой некий симбиоз транскрипции и транслитерации. Прак-

¹ Кроме этих двух систем существует и **расширенная транслитерация**, при которой некоторые буквосочетания исходного текста передаются особым образом, напр. *-ый* передаётся как *-y*. Для славянских языков она не применяется.

² Буква *ё*, об обязательном использовании которой ведутся споры, в официальные таблицы транслитерации пока не введена.

³ Согласно ГОСТ 7.79–2000

тическая транскрипция менее точна, чем научная, индивидуальна для каждого языка; в ней нет специальных знаков, отсутствующих в алфавите данного языка. Например, *Пушкин* передаётся в английском тексте как *Pushkin*, во французском – *Pouchkine*, в немецком – *Puschkin*, в венгерском – *Puskin*, в польском – *Puszkín*, в чешском – *Puškin* и т.п. Правила передачи букв русского алфавита буквами чешского указаны в академических «Правилах чешской орфографии»⁴. Система транскрипции (или транслитерации, как этот процесс называют в данном пособии) здесь разработана подробно и довольно однозначно, но и здесь есть пространство для **вариативности**. Она возникает, в частности, при передаче буквы **е**, которая транскрибируется как: **а) је** в начале слова, после гласных и после твёрдого и мягкого знаков, напр., *Есенин* – *Jesenin*, *Вересаев* – *Veresajev*, *Арсеньев* – *Arseňjev*; **б) ě** после *д, т, н*, напр., *Державин* – *Děržavín*, *Теплов* – *Těplov*, *Тургенев* – *Turgeněv*; **в) e** после *д, т, н* в именах западноевропейского и украинского происхождения, напр., *Штернберг* – *Šternberg*, *Цандер* – *Cander*, *Потебня* – *Potebňa*, и после других согласных, напр. *Абакеев* – *Abakejev*, *Лермонтов* – *Lermontov*, *Менделеев* – *Mendělejev*, *Петровка* – *Petrovka*, *Сергей* – *Sergej* и др. Именно этот пункт влечёт за собой **неоднозначность**: после губных согласных, как указано и в «Правилах чешской орфографии» [Pravidla českého pravopisu 2005: 78], в некоторых именах, напоминающих нам чешские слова, допускается и написание по традиции через *ě*, напр., *Бедный* – *Bednuj* и *Bědnuj* (напоминает чешское *bědný*), *Белинский* – *Belinskij* и *Bělinskij* (*bělit*, *bělost*), *Медведев* – *Medveděv* и *Medvěděv* (*medvěď*), *Пеша* – *Peša* и *Pěša* (*pěší*, *pěšky*) или хрематоним *Известия* – *Izvestija* и *Izvěstija* (*zvěst*, *věstník*) и др. Второй способ мы считаем более подходящим, он ведь и отвечает принципу, что хорошая практическая транскрипция всегда отражает исконное звучание слова.

Затруднения возникают также в связи с буквой *ё*. Её передача при помощи чешского алфавита однозначна: или **а) буквосочетанием је**, за исключением позиций после *д, т, н* и после *ж, ш, ч, щ*, напр., *Ёдарма* – *Jodarma*, *Королёв* – *Koroľov*, *Семёнов* – *Semjonov*, *Фёдоров* – *Fjodorov*; или **б) о** после *д, т, н* и после *ж, ш, ч, щ*, напр. *Будённый* – *Budonnuj*, *Тёркин* – *Ťorkin*, *Коченёво* – *Košeňovo*; *Жёлтые Воды* – *Žoltyje Vody*, *Чебышёв* – *Čebyšov*, *Ербогачён* – *Jerbogačon*, *Щёголев* – *Ščogolev*. Проблема заключается в том, что буквой *ě* пользуются далеко не всегда. Хотя в течение XX и XXI веков было сделано несколько попыток ввести применение или даже обязательное применение этой буквы в повседневной практике, этот процесс до сих пор не завершён (см. об этом подробнее [Vágnerová 2007–2008]). Согласно последней редакции «Правил русской орфографии и пунктуации», принятой Орфографической комиссией РАН, буква *ё* пишется только в избранных случаях: когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова (напр., *узнаём X узнаем*), когда надо указать произношение малоизвестного слова (напр., *река Олёкма*) и в специальных

⁴ Кроме того, Национальная библиотека ЧР для целей составления каталогов создала документ «Doporučení pro přepis nelatinských písem do latinky», где разработаны рекомендации для передачи с кириллицы на латиницу при помощи букв чешского алфавита.

текстах: букварях, школьных учебниках русского языка, учебниках орфоэпии, в словарях. Об обязательном написании этой буквы в личных или вообще в собственных именах здесь ничего не указано. Однако, Министерство образования и науки Российской Федерации в своём письме №АФ-159/03 от 3 мая 2007 г. в соответствии с решениями Межведомственной комиссии по русскому языку рекомендовало «употребление при написании имён собственных буквы ё» [<http://bazazakonov.ru/doc/?ID=1370172>], причём, совершенно правильно, по нашему мнению, отнесло этот случай к пункту о необходимости обязательного использования **ё** в случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. Неупотребление **ё** в фамилии, имени, месте рождения российских граждан причиняет серьёзные проблемы не только им самим, но, естественно, и переводчикам. Если в русском тексте указана фамилия *Артемов, Грачев, Ковалев, Лихачев, Нефедов, Селиверстов, Черемушкин* и др. вместо правильного написания *Артёмов, Грачёв, Ковалёв, Лихачёв, Нефёдов, Селивёрстов, Черёмушкин*, то переводчик должен исходить из указанного неверного написания⁵.

Третья возможность конверсии текста – **трансплантация** (от лат. *transplantatio* – пересаживание) – представляет собой такой способ передачи, когда иностранное имя переносится в иноязычный текст в исконном написании. Графическая трансплантация, правда, разрушает принцип единственности письменности, часто служит для рекламных целей, для привлечения внимания, но иногда она весьма оправдана, напр., для написания наименований фирм и торговых марок: *доброе имя фирмы Westinghouse, автомобили марки Peugeot, стиральные машины Bosch* и др. По сравнению с практической транскрипцией она отличается несколькими преимуществами: 1) сводит к минимуму опасность искажения графического облика слова в случае его неточной транскрипции; 2) сводит к минимуму проблемы идентификации данного имени собственного, т.к. иногда написание на кириллице сильно отличается от исконного написания, напр., *Peugeot – Пежо/Пёжо, Renault – Рено, Whirlpool – Вирпул*; 3) экономит время и усилия, необходимые для правильной транскрипции иноязычных наименований, или же для их ретранскрипции в случае восстановления их исконного написания; 4) в настоящее время, когда тексты пишут и печатают при помощи компьютеров, чередование разных графических систем очень просто (графической трансплантацией более подробно занимается, напр., Й. Газда [Gazda 2002]).

В нашем случае, однако, этот способ применяется только при передаче собственного имени, написанного на латинице, в текст, написанный кириллицей, а не наоборот, и касается в большинстве случаев хрематонимов.

Для топонимов и хрематонимов в некоторых случаях возможен и **перевод**, напр., для названия города *Санкт-Петербург* можно использовать чешское название *Petrohrad, Зимний дворец – Zimní palác, Благовещенский собор – Chrám Zvěstování Bohorodičky* и др. Перевод здесь сочетается с принципом указания топонимов «**по традиции**». В связи с развитием международных, межнацио-

⁵ Около 3% граждан Российской Федерации имеют фамилии, имена или отчества, в которых содержится буква ё.

нальных контактов, международной торговли переводчик очень часто встречается с наименованиями фирм, организаций, учреждений, изделий и т.п. Путём перевода он справляется с наименованиями типа «Международный деловой альянс» – *Mezinárodní obchodní aliance*, «Брянский машиностроительный завод» – *Brjanský strojírenský závod*, Объединённый институт ядерных исследований – *Společný ústav pro jaderný výzkum*. Ради точности можно прибегать к дублированию: собственное имя переводится, а в скобках даётся русское наименование, транскрибированное буквами чешского алфавита. Если наименование в тексте повторяется, то предпочтительно в дальнейшем пользоваться только наименованием, переведённым на чешский язык.

Переводя разного рода личные и другие документы (свидетельства о рождении, о заключении брака, о расторжении брака, о смерти, доверенности, договоры, справки и т.п.), переводчик ежедневно сталкивается с затруднениями, связанными с транскрипцией, в частности, русских антропонимов, но и топонимов и хрематонимов. Самым важным является перевод свидетельства о рождении, т.к. из него обязаны исходить сотрудники отделов метрических книг (чешских ЗАГСов) при регистрации брака, рождения ребёнка и т.п. Переводчик, с одной стороны, обязан соблюдать способ передачи русских собственных имён буквами чешского алфавита, закреплённый в Законе⁶ и в Постановлении правительства ЧР⁷ (составной частью которого является таблица для этой передачи, идентичная таблице в академических «Правилах чешской орфографии»), с другой стороны, в заграничных паспортах имеется передача имён буквами алфавита английского языка, как мы об этом говорили выше. Эти паспорта люди предъявляют, поступая в чешские школы, регистрируя свои фирмы и т.п. и поэтому они часто просят переводчика использовать данный вариант имени и в переводах на чешский. Ситуация иногда осложнена и тем фактом, что личные и др. документы на русском языке имеют и представляют для перевода и жители других стран бывшего СССР. Тогда возникают ещё и другие проблемы:

1) Многовариантность одного и того же имени: а) в данной стране в письме **пользуются кириллицей**, но для транскрипции использован не английский, а другой алфавит. В 90-е годы, например, в Белоруссии (но и в самой России) использовался алфавит французский, в настоящее время пользуются английским. Тогда, напр., белор. фамилия *Бядуля* транскрибирована иногда как *Biadoulia*, иногда как *Biadulia* или *Byadulya*, на чешском *Bjadulja*; *Шамякин* – *Chamiakine* – *Shamiakin* – *Shamyakin*, на чешском *Šamjakin*; имя *Сергей* транскрибировано то *Serguei*, то *Sergey*, то *Sergei*, а на чешском *Sergej*;

б) в данной стране в письме **пользуются латиницей**, ввиду чего при выдаче документов, оформленных на русском, имя транскрибируется кириллицей, а при переводе на чешский ретранскрибируется. Напр., туркменское имя

⁶ Закон №326/1999 Свода законов ст. 81 «О проживании иностранцев» в редакции Закона №290/2004 Св. зак. ст.82

⁷ Постановление правительства ЧР №594/2006 Свода законов, Приложение №2 «О передаче знаков кириллицы», или же его новая редакция с 2007 г., в которой, однако, Приложение №2 остаётся без изменений.

Janna Akorjanova на русском будет *Жанна Акорджанова*, в более поздних документах переписано с русского как *Zhanna Akordzhanova*, а на чешском *Žanna Akordžanova*.

Как видно, часто происходит тройная, иногда даже четырёхкратная латинизация.

2) Русифицированные собственные имена: в данной стране документы оформляются и на русском языке. Вследствие этого в документах, в том числе и в таких важных, как, напр., свидетельство о рождении, появляются русифицированные имена и названия городов. Происходит **а) изменение формы** на более свойственную русской грамматике и фонетике (или даже перевод), напр., из молдавских имён *Aleh Antropai* получается *Олег Антропов*, *Iuliana Petrovici (Garcu)* – *Ульяна Петровна (Гарчу)*, из украинского *Василь Миколайович* – *Васил Николаевич*, *Андрій Володимирович* – *Андрей Владимирович*, *Сергій Васильович* – *Сергей Васильевич* и т.д.; укр. село *Олександрівка* – *Александровка*, белор. город *Наваполацк* – *Новополоцк*, молдав. город *Apenii Noi* – *Новые Анены* и др.; **б) приспособление иноязычных имён русской орфографии** – типичным примером является приспособление написания *и* в украинских именах. При транслитерации украинских имён *Василь Кривчик*, *Владислав Коньшин*, *Борис Лавришин* и др. в латиницу получается *Vasyl Krivchuk*, *Vladyslav Konshyn*, *Borys Lavryshyn*, но если документы выданы на русском и транскрипция производится с русского, то получается *Vasil Krivchik*, *Vladislav Konshin*, *Boris Lavrishin*, или же на чешском *Vasil Krivčik*, *Vladislav Koňšin*, *Boris Lavrišin*.

Транскрибируя с русского, переводчик в вышеуказанных случаях не может добраться до исконного графического облика данного антропонима или топонима.

Переводчик, значит, часто встречается с многими вариантами написания одного и того же имени. Уже в 90-е годы чешские переводчики, стремясь пойти навстречу носителям иноязычных имён и одновременно соблюдать норму и требования отделов метрических книг, стали в переводе документов писать имена чешским алфавитом и транскрипцию, приводимую в загранпаспортах, водительских правах и других текстах, имеющих официально-юридический статус, вносить в качестве примечания переводчика в сносках. Этот способ удовлетворил и сотрудников отделов метрических книг и, как мы узнали, в 2011 г. был одобрен Палатой судебных переводчиков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Česká technická norma. Informace a dokumentace – Transliterace cyrilice do latinky – slovanské a neslovanské jazyky*. ČSN ISO 9, ČSN 01 0185. Český normalizační institut 2002.
- GAZDA, J. (2002): Konkurence grafických kódů v ruském publicistickém textu. In: Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny. Brno: Masarykova univerzita.
- HLAVSA, Z. a kol. (2005): *Pravidla českého pravopisu*. Praha: Academia.
- VÁGNEROVÁ, M. (2007–2008): *Z historie a současnosti jednoho písmenka*. In: Cizí jazyky, 2007–2008, r. 51, č. 5, s.162–164.
- ГОСТ 7.79–2000 «Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом». <http://standartgost.ru>
- ЕРМОЛОВИЧ, Д. И. (2001): *Имена собственные на стыке языков и культур*. Москва: Р. Валент.
- Письмо Министерства образования и науки РФ от 3 мая 2007 г. НАФ-159/03 „О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку“*. <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=1370172>
- Толковый словарь Ушакова. (2008–2009)*. <http://ushakovdictionary.ru>

ХАРРИ ВАЛЬТЕР

Германия, Грайфсвальд

ПЕРЕВОДЧИК НА СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОЛДАТ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ?

ABSTRACT:

The Interpreter During Law Suit: Soldier Between Two Fires?

The paper discusses the role of interpreters during law suit. Namely, the following issues are dealt with – what role the interpreter plays, whether he is allowed to help accused persons, how to behave with integrity during talks of the defendant with his counsel for defence, which parts have to be translated during tribunal, which can (must) be ignored, what techniques can be used, how to avoid cultural misunderstandings etc.

KEY WORDS:

Interpreter – law suit – forms of translation – techniques to avoid misunderstandings – functional text characterization – equipollency of original text and its translation.

В своей профессии устный переводчик выполняет роль промежуточного звена в процессе коммуникации между отправителем и получателем сообщения, одновременно являясь социокультурным посредником между обеими сторонами. Именно в условиях судебного перевода нравственные, психологические, социальные и прагматические аспекты деятельности и личности устного переводчика выходят на первый план, осложняя позицию переводчика между отдельными участниками судопроизводства. В дальнейшем обсуждаются вопросы нравственного и профессионального поведения переводчика в судопроизводстве. Приводятся конкретные факты возможных (оправданных и неоправданных) расхождений вариантов перевода судебных текстов, зависящих именно от позиции переводчика.

Одним из требований, выдвигаемых к устному переводчику, является его беспристрастность. Судебный переводчик не должен быть заинтересованным в исходе дела. Но бывают ситуации, когда переводчик из разговоров подозреваемого или обвиняемого с его защитником знает факты, которые смогли бы влиять на исход судопроизводства (в положительном или отрицательном для сторон направлении), т.е. факты, которые при переводе он может передать адекватно, но в пользу того, кто может выиграть судебный процесс. С другой стороны, перевод-

чик может владеть информацией о будущих намерениях судьи. Или, в другом случае, действия суда могут не совпадать с его чувством справедливости.

Итак, возникает извечный вопрос: «Быть или не быть?». Имеет ли переводчик в таких ситуациях право говорить об этом с обвиняемым или судьёй? Как он должен переводить во время судопроизводства, если данные непонятны одной из сторон? И вообще – имеет ли он право принимать сторону той или иной заинтересованной стороны? Или должен подчиниться древнему принципу, по которому живёт герой комедии А. С. Грибоедова Молчалин: «Не должно сметь своё суждение иметь»?

Разрешите в качестве иллюстрации привести следующий пример существенно-го срыва в коммуникации в результате подачи неудачного в прагматическом отношении перевода. Один совершенно обыкновенный день в зале судебного заседания. Обвиняемый – англоязычный гражданин одной африканской страны. Он прилетел вместе с другими в Европу. Один из них вызван в качестве свидетеля. Обвиняемый неизменно называет его *brother*. Переводчик, привлеченный к судебному делу, настойчиво переводит это как *брат*. В дальнейшем течении процесса выясняется, что обвиняемый и свидетель не состоят в родственных отношениях, из-за чего правдоподобность показаний обвиняемого подвергается сомнению – в отношении обвиняемого же это несет серьезные последствия.

Этот простой пример позаимствован из рассказа очевидца о процессе по предоставлению убежища [Pollabauer 2005: 111]. Однако, так или иначе, он мог произойти в любом уголовном процессе, как на полицейском, так и прокурорском или судебном допросе. В чем же проблема? У участников процесса возникли незамеченные затруднения в коммуникации. В немецком языке – так же, как и в русском – слово *брат* обычно обозначает лицо мужского пола, с которым человека связывает как минимум один общий родитель. В культурной среде обвиняемого же английскоязычное понятие *brother* может также включать в себя лиц той же самой этнической группы или просто дружелюбно настроенных лиц. Переводчик, однако, не разглядел расходящиеся значения одинаковых понятий, обусловленных различными культурами.

Профессионального переводчика такие случаи не удивляют. Для переводчика то, что значение слова или понятия всегда зависит от общего контекста и часто от культурных рамок, должно быть так же неоспоримо, как таблица умножения. Так же не ново то, что коммуникация всегда протекает на различных уровнях и почти никогда не является чисто объективной информацией, а напротив, всегда содержит информацию о том, кто коммуницирует, и о том, в каких отношениях он состоит с адресатом сообщения [Klement 2006: 1–2].

Большинство юристов, как автору кажется, об этом недостаточно уведомлены. Преобладает точка зрения юстиции и соответствующей литературы, согласно которой во время уголовного процесса переводчик должен переводить высказывания, прямо касающиеся процесса, *дословно*, в остальных случаях достаточен *перевод основного смысла*, см. Карлсрурский комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу; § 85 Закон о судостроительстве [Karlsruher Kommentar 2008: Rn. 4]. Даже самые актуальные юридические издания не изменяют своей позиции, согласно которой только дословный перевод гарантиру-

ет точность «информации, содержащейся в тексте исходного языка» [Lankisch 2004: 149 и сл.].

Судя по данной позиции, переводчик выполняет функцию переводческой машины или хорошей электронной переводческой программы, которая декодирует зашифрованное сообщение и переносит его на другой язык. Указанное представление, казалось бы, давно неактуально в языковедческой области и в науке о переводе. Хёниг и Кусмауль [Hönig, Kussmaul 2003: 150], следуя принципам науки о переводе, отвергают различие между дословным переводом с одной стороны и свободным переводом с другой, явно стоящее за высказываниями юстиции и юридической литературы, называя это «пре-теоретическим и ненаучным подходом».

Несмотря на различные методы в переводеведении имеется консенсус, что любой перевод нуждается в исходной точке. Здесь можно привести в качестве примера эквивалентные типы Райс. Функционально подходя к текстам, она разделяет их на экспрессивный, информативный и оперативный типы, к каждому из которых предъявляются следующие специфичные требования эквивалентности (см. [Reiß/Vermeer 1991: 157 и сл.]; [Reiß 2000: 81 и сл.]; [Kranjčić 2010: 48]).

тип текста	описание	(первичное) требование эквивалентности
экспрессивный текст	Ориентирован на получателя, значение формы, ориентирован на выразительность (напр., роман, лирика, биография)	Формально-эстетическая эквивалентность
информативный текст	Ориентирован на передачу фактов (напр., отчет, инструкция по использованию, научная книга)	Денотативная эквивалентность; не стилистическая, а скорее смысловая корректность
оперативный текст	Ориентирован на поведение (предназначение текстов, напр., проповедь, реклама, сатира)	«прагматично-коммуникативная эквивалентность» с «идентичностью апелляции, имманентной тексту»

Хотя здесь мы возвращаемся к лингвистическому подходу, проблематика остается в принципе той же, как это, например, показывают соотношения по Коллеру [Koller 2004: 216].

соотношение	тип эквивалентности
Внеязыковое содержание	Денотативная эквивалентность
Коннотации, возникающие через «способ вербализации»	Коннотативная эквивалентность
Текстуальные и языковые нормы для определенных текстов	Текстуально-нормативная эквивалентность
Текст с индивидуальными условиями для его понимания	Прагматическая эквивалентность
Определенные эстетические, формальные и индивидуально-стилистические особенности	Формально-эстетическая эквивалентность

Касательно вышеупомянутой типологии Райс возникает вопрос, выдвигается ли на первый план в случае высказываний в контексте уголовного процесса форма, предметное содержание или прагматика текста. Требование «дословности» в юридическом понимании скорее всего подходит под критерий *формы*. Ведь если переносить как можно более *дословно*, то есть, ориентируясь на отдельное понятие исходного языка, то реципиент перевода ставится в известность о том, как выразить что-то на другом, данном языке. Метод дословности имеет свое обоснованное место особенно в процессе изучения языка [Koller 2004: 232]. В уголовном же процессе языковая форма исходного языка практически никогда не является решающим фактором. Следовательно, альтернативы *предметного содержания* и *прагматики* остаются главной целью перевода.

Однако коммуникация может не удалиться и по совершенно другой причине. Возьмем для примера недавний случай: 29-го ноября 2012 г., в предполагаемый день оглашения приговора,¹ в земельном суде города Кёльн было остановлено судебное разбирательство, длившееся несколько месяцев, по делу убийства. Причиной была названа установленная пристрастность переводчика, урожденной филиппинки (63). Судебное следствие, а также заслушивание около 15 филиппинских свидетелей с другой переводчицей должны состояться повторно. Для этого суд назначил девять дополнительных дней слушания дела, во время которых 14 адвокатам и прокурорам, 3 судьям, 2 судебным заседателям и 2 заместителям судебных заседателей нужно будет вновь заняться данным делом.

В деле речь идет о бесследном исчезновении филиппинки Лотис К. в 2007 году. В убийстве обвинены ее муж, деверь и золовка. Это дело было также названо в прессе «убийством без трупа». Причиной неожиданного поворота в ходе судебного процесса оказался газетный репортаж в *Кёлнер Штад-Анцайгере* о демонстрации, на которой требовали справедливости для пропавшей без вести 33-летней филиппинки.

На фотографии, отпечатанной в газете, запечатлена и уполномоченная судом переводчица, держащая в руках плакат с портретом пропавшей. СМИ сообщили, что переводчица к тому же участвовала в другом митинге две недели назад и якобы критиковала в газетном интервью то, что обвиняемым предоставляется право отказаться от дачи показания, а также требовала для них пожизненного заключения. По сообщению газеты *Кёльнише Рундшау*, женщина распространяла в судебном фойе листовки с фотографиями пропавшей и установила контакт с сестрой пропавшей через фэйсбук. Адвокат главного обвиняемого потребовал отстранения переводчицы от суда по причине ее пристрастности. По его словам, имеется обоснованное подозрение, что переводчица, возможно, переводила «не объективно». Другой адвокат добавил: «Это немислимо, в последний день суда установить, что переводчица настолько предвзята». Подвергнувшаяся же критике переводчица подчеркнула, что она всегда переводила корректно. Председательствующий судья после долгого совещания удовлетворила ходатайство. Прокурор назвал это «уникальным случаем», и заявил, что он огорчен и не может скрыть свое недовольство.

¹ <http://uepo.de/2012/12/07/koln-dolmetscherin-in-mordprozess-fur-befangen-erklart-neutralitatspflicht-verletzt/> 10.9.2013.

Представитель земельного суда заявил: «Обычно переводчики знают свои обязанности и ведут себя нейтрально». Этот случай «чрезвычайно необычен». Судья обратила внимание на то, что этот прецедент может иметь финансовые последствия для переводчицы. Часть дополнительных издержек судебного разбирательства, возможно, будет возложена на нее.

Участники процесса поздно узнали о том, что эта женщина, которую на одной веб-странице называют «этнологом, публицистом, переводчиком и межкультурным тренером», уже десятилетиями являлась активным общественным деятелем основанной в 1992 году организации „Philippine Women’s Network in Europe“, где работала членом правления и руководила немецким отделением. Эта организация борется, среди прочего, за справедливое отношение к филиппинским мигранткам и против насилия над женщинами. Переводчица, о которой идет речь, хорошо известна среди живущих в Германии филиппинок.

Приведенные факты ранее не были известны суду и не были проверены до начала процесса. Хотя, казалось бы, хватило простого поиска ее имени в Гугле, чтобы обнаружить страницы с информацией об ее более чем 30-летней социально-политической деятельности. Исход судебного процесса мог сложиться по-другому.

Коммуникативная ситуация в суде может не удалась из-за социокультурных недоразумений, которые нуждаются в пояснении. Для переводчика остановка текущей речи всегда проблематична, поскольку прерывается ритм коммуникации, представители суда же, возможно, опасаются неуместного вмешательства в дело или ограничения их полномочий. Автору кажется, что следующие стратегии могли бы предотвратить или минимизировать вмешательство переводчика:

1. Попытка перевода, дающего сторонам возможность объясниться самим;
2. Если эта попытка была unsuccessful, переводчик обращает внимание суда на возникшее недоразумение, чтобы суд мог сам принять инициативу по его устранению;
3. Если и это не удалось, переводчик просит разрешения дать необходимое объяснение самому. Оно должно быть максимально кратким и точным.

В условиях судебного процесса устный переводчик для себя открывает и в своей работе учитывает намерения и замыслы сторон-участников судебного дела. В уголовном процессе имеют место две юридически оправданные цели. А именно, с одной стороны, интерес государства распознать правду, чтобы на основе установленных обстоятельств дела осуществить свое право на уголовное преследование. С другой стороны, есть интерес обвиняемого в защите – право, которое не должно ущемляться отношением переводчика во время процесса [Gussmann 2004: 84], [Driesen, Petersen 2011: 114 и сл.].

При установлении фактов суд очень часто нуждается в сотрудничестве подсудимого или свидетелей. Достоверность свидетелей, как показывает практика, часто связывается с «нормальностью» показания, причем эта нормальность относится как к содержанию, так и к манере показания (то есть к изложению как таковому). Чтобы проверить правдоподобность, необходимо рассмотреть не только максимальное количество информации, вытекающей из показания, но и максимальное количество информации о лице, дающем показания и о его обстоятельствах.

Интерес обвиняемого в защите сложно изложить абстрактно, поскольку он всегда зависит от позиции конкретного обвиняемого. Он может преследовать

различные цели, например, дать суду как можно больше сведений, чтобы доказать свою невиновность или вину третьего лица или чтобы добиться смягчения наказания; дать только определенную информацию, чтобы получить более мягкое наказание по другой статье или чтобы добиться прекращения процесса; по возможности не давать никаких сведений, потому что он исходит из того, что добьется этим оправдательного приговора.

Эти цели, приведенные в качестве примера, совершенно законны (как, впрочем, и другие возможные цели обвиняемого), ведь никто не обязан обвинять самого себя в преступлении или способствовать своему же изобличению. С точки зрения защиты, прагматика показания стоит на первом месте. Исходя из этого соображения, в идеальном случае словесный перенос переводчика в суде вызывает такое же действие, какое он вызвал бы у слушателя исходного языка.

Вернемся к нашему исходному примеру: *Bram – brother*. В целях обнаружения истины переводчик мог бы добавить объяснительный комментарий. Если же, например, в интересах защиты обвиняемого не следует вводить в недоумение других участников процесса, целесообразно использовать другую, более уместную формулировку, например, *приятель* (лишь в качестве примера, без претензии на удачный перевод) [Krajinčić 2010: 48–49].

Интересы сторон процесса могут противоречить друг другу, и в таких случаях невозможно учитывать все интересы в одинаковой степени. Однако тогда непременно возникает вопрос, какой цели в случае необходимости отдать предпочтение.

В переводоведческой литературе нередко можно встретить мнение, что переводчик служит установлению истины. Переводчик обязан переводить так, чтобы суд мог правильно оценить «реакции и ответы подсудимого» и «особенности его личности», что важно для беспристрастного выяснения фактического состояния дела и вынесения приговора. Переводчик участвует в обнаружении истины и согласно другим источникам. По суждению некоторых коллег, переводчик является подручным у следственных органов и должен, в случае необходимости, быть готовым «отречься от самого себя». Далее, он должен переводить все сказанное, каким бы бессмысленным или лишним это ему ни казалось, так как это может являться частью тактики допроса. Личные интерпретации переводчика здесь неуместны [Driesen, Petersen 2011: 6 и сл.]. Из этого следует, что переводчик принужден использовать определенные методики. Лишь при помощи быстрого анализа коммуникативных обстоятельств и применения соответствующих переводческих приемов переводчик может соответствовать этическим требованиям: последовательно, чтобы соблюсти принцип гласности; перевод шепотом, чтобы полностью проинформировать стороны процесса и ненавязчиво разрешить возникающие социокультурные недоразумения [там же: 6].

Социологические исследования показали, что переводчиков используют также в немецкоязычной области для полицейских целей, как, например, в делах по предоставлению убежища или в полицейском предварительном расследовании. В международной практике встречаются случаи, когда переводчики перенимают ведение разговора с потерпевшими, особенно, если они выступают в качестве свидетелей. Это необходимо, поскольку жертвы по причине своего часто отрицательного опыта имеют предубеждения против государства, но доверяются переводчику,

который знает их культурную среду или является их соотечественником. В целом, это является не отдельным, а общим решением, касающимся всей структуры. И это несмотря на то, что переводчики обязаны выполнять свою работу объективно и беспристрастно, следуя уже хотя бы законам своей профессии.

В Германии право пользоваться переводчиком в судебном процессе дано законом. Следовательно, Европейское право предусматривает в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод человека² обязательное вовлечение переводчика, если один из участников процесса не владеет языком судопроизводства. Существует консенсус о том, что подсудимый, не владеющий языком судопроизводства, не должен представлять собой лишь объект процесса, но ему должна быть дана возможность организовать свою защиту.

Основными пунктами названной «Декларации всеобщих прав человека» являются: «...не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете» (2); «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности» (6); «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (8); «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» (10).

Ответ на вопрос, стоит ли в уголовном деле для переводчика предметное содержание или прагматика на первом месте, зависит от того, стоит ли на первом месте интерес нахождения истины или интерес защиты подсудимого. При правовом взвешивании интересов необходимо учесть, что обвиняемый, если переводчик используется против его интересов, становится именно объектом дела – чего, по общей точке зрения, быть не должно. Органы уголовного преследования теряют с переводчиком, работа которого не направлена против обвиняемого, лишь одну из многих возможностей исследования истины. Обвиняемый же теряет с переводчиком, использованным против него, языковую связь с окружающим миром, что ненадлежащим образом ограничивает его возможности защиты – если не делает защиту полностью невозможной.

По этой причине переводчик должен переводить по возможности вещественное содержание высказываний полиции, прокуратуры и суда *в сторону обвиняемого*, ведь только это дает гарантию, что обвиняемый сможет организовать свою соразмерную защиту. Иноязычный обвиняемый должен быть настолько информирован, чтобы его ситуация была сравнима с положением человека, владеющего языком судопроизводства как своим родным. Если это вызывает сомнения, стоит увеличить количество информации. Перенос же высказывания обвиняемого

² http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/ger.pdf. 18.6.2013. Особенно преамбула, 1, 2, 6, 7, 8, 10, 11.

в сторону органов уголовного преследования, переводчику нужно переводить так, чтобы эффект, на который рассчитано выражение исходного языка, соответствовал эффекту на языке судебного разбирательства.

Остальные участники процесса, например, свидетели, как правило, не преследуют свой особый интерес, как интерес обвиняемого в защите. Ввиду этого суть таких показаний составляет их вещественное содержание. С преувеличением можно сказать, что стоя между обвиняемым и органами уголовного преследования, переводчик является переводчиком для обвиняемого. Стоя между свидетелем и судом, он исполняет роль переводчика для суда. Переводчик обязан в любом случае предоставить перевод, верный исходному смыслу. Последнее возможно только в том случае, если переводчик разносторонне квалифицирован, например, имеет широкий спектр фоновых знаний, владеет переводческими методиками (синхронный и последовательный перевод, перевод с листа, перевод шепотом) и профессионально подготовлен. Следовательно, ему следует отказаться от заданий, превышающих его квалификацию [Driesen, Petersen 2011: 10-11].

Для оптимальной подготовки к судебному процессу переводчику нужен доступ к документам дела. По мнению автора, в случаях неясности (например, когда кажется, что текст и реальность расходятся, при ошибочных выражениях, при возможных недоразумениях и возможно непонятных местах) он должен узнать у обвиняемого о его целях. О сомнениях же, связанных с показаниями свидетелей, суд должен быть поставлен в известность.

Очевидно, что такие требования к переводчику могут выполнить только высококвалифицированные профессионалы. Ведь только если они привнесут свое знание дела и свой опыт, возможно прийти и к юридически целесообразным результатам. Переводчики, однако, должны всегда осознавать, что и у них нельзя исключить конфликт интересов, ведь нанимают и оплачивают их часто органы уголовного преследования. В то же время законом и правом им поставлены задачи, которые не разрешают без раздумий принять роль подручного у следствия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- DRIESEN, C.; PETERSEN, H.-A. (2011): *Gerichtsdolmetschen. Grundwissen und Fertigkeiten*. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag.
- GUSSMANN, K. (2004): *Verteidigung von Ausländern. Was muss im Verfahren gedolmetscht werden?* In: Bundesverband der Dolmetscher und Übersetzer. 4. Deutscher Gerichtsdolmetschertag. Tagungsband. München: Landesverband Bayern e.V.
- HÖNIG, H. G.; KUSSMAUL, P. (2003): *Strategie der Übersetzung*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- KARLSRUHER KOMMENTAR (2008): *Karlsruher Kommentar. Strafprozessordnung*. Aufl. München: C.H. Beck.
- KLEMENT, A. (2006): *Russisch im Polizeialltag. Ein Leitfaden für Polizeibeamte. ПОЛИЦИЯ!* Frankfurt a.M.: Verlag für Polizeiwissenschaft.
- KOLLER, V. (2004): *Metaphor and gender in business media discourse: a critical cognitive study*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- LANKISCH, B. (2004): *Der Dolmetscher in der Hauptverhandlung*. Berlin: Duncker & Humboldt.
- POLLABAUER, S. (2005): „I don't understand your English, Miss“: *Dolmetschen bei Asylanörungen*. Tübingen: Narr.
- KRANJČIĆ, C. (2010): *Die Rolle des Dolmetschers bei Gericht und Polizei. Dolmetschen für den Angeklagten*. In: Mittelungen des Bundesverbandes für Dolmetscher und Übersetzer. Nr. 3. S. 46-50.
- REIß, K (2000): *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen*. 2. Aufl. Wien: WUV-Universitätsverlag.
- REIß, K.; VERMEER, H. J. (1991): *Grundlagen einer allgemeinen Translationstheorie*. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer.

ЗДЕНЬКА ВЫХОДИЛОВА

Чехия, Оломоуц

TRADUTTORE, TRADITORE, ИЛИ КОВАРСТВО ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

ABSTRACT:

Traduttore, Traditore, or Trickiness of Translation of Contemporary Russian Fiction into Czech

The aim of the article is to point out the problems of translation connected with an unprecedented development of the Russian language and the changes it has witnessed in the past three decades. The issues of translating marked and substandard expressions, puns, phrasemes, neologisms, occasionalism, allusions, culturally marked expressions and other selected phenomena are demonstrated on students' translations from the works of contemporary Russian fiction writers. Practical demonstrations of different interpretative approaches to these issues show the good level of the art of translation by young translators – students at the Department of Slavonic Studies at the Philosophical Faculty of Palacký University in Olomouc.

KEY WORDS:

Contemporary Russian fiction – translation – substandard expressions – puns – new Russian idioms – neologisms occasionalisms – allusions – interference-

Современный русский язык, который мы наблюдаем в литературных произведениях русскоязычных прозаиков молодого и среднего поколений, сформировался в результате интенсивных процессов развития последних десятилетий после общественно-политических изменений так наз. перестройки Михаила Горбачева. Автор настоящей статьи хочет обратить внимание на некоторые особые транслатологические аспекты, которые связаны с переводом русской литературы на современном этапе ее развития. Одновременно она хочет представить студенческий переводческий проект, осуществляемый на кафедре славистики Университета им. Палацкого (г. Оломоуц, ЧР) в течение последних двух лет. Импульсом для возникновения проекта послужил тот факт, что чешским читателям до сих пор не было представлено творчество многообещающего молодого поколения русскоязычных прозаиков, в котором есть многие замечательные произведения, которые заслужива-

ют перевода на чешский язык. Проект, возглавляемый профессором Зденеком Пехалом, носит название «Современная русская, украинская и польская литература как явление эстетическое и проблема переводческая», его основной задачей является представить чешской публике самых интересных молодых российских прозаиков, причем сделать это в форме репрезентативной монографии, содержащей отрывки из произведений избранных авторов в переводах студентов магистерской и докторской учебных программ кафедры славистики Философского факультета Университета им. Палацкого в г. Оломоуц. В антологической части монографии фигурируют такие имена, как: Андрей Аствацатуров, Дмитрий Бакин, Дмитрий Быков, Павел Крусанов, Павел Санаев, Михаил Шишкин, Максим Осипов, Дмитрий Горчев, Ирина Ясина, Александр Иличевский, Захар Прилепин, Алан Черчесов и Тарасик Петриченка, если привести лишь русскоязычных писателей.

Изменения, происходящие в русском языке в данное время, чаще всего описываются терминами *жаргонизация и вульгаризация, интернационализация и американизация, ревитализация забытых слов, смешение стилей, языковая игра, демократизация или либерализация, «карнавализация языка»* (термины В. Г. Костомарова [Костомаров 1999; Костомаров, Бурвицова 2001]) и многими другими. С приведенными характеристиками также связано изменение статуса литературного языка, характерной чертой которого стала вариантность, заменившая прежнюю нормированность, вследствие чего литературный язык уже не отождествляется с аксиомой исключительной правильности.

Переводчику, который не имеет прямого контакта с современной языковой средой (что в сущности значит, что он в данной среде не живет) очень трудно успешно справиться с переводом такого языка. Неадекватная переводческая интерпретация угрожает главным образом лексико-семантическому уровню переводимых произведений, который характеризуется многочисленными неологизмами, часто окказионального характера, жаргоном самых различных общественных слоёв, лексикой арготического происхождения и т.д. В сочетании с использованием при этом новейших реалий перевод может стать для переводчика непростоим заданием.

Несмотря на то, что намного легче указывать на ошибки и неудачные варианты перевода, мы бы хотели, наоборот, продемонстрировать удачные способы перевода наших студентов. Некоторые переводческие находки в контексте данного произведения, может быть, дискуссионны, но все-таки они не лишены находчивости и творческого воображения.

Условием успешного решения переводческих проблем является далеко не только отличное владение исходным и переводным языками, как иногда предполагают неспециалисты. Кроме языковых знаний, переводчики должны обладать в достаточной степени так наз. интеркультурной компетентностью – то есть знаниями русского культурно-исторического контекста и его развития, знаниями российского быта и способностью опосредствовать этот контекст чешскому читателю.

Стремлением каждого переводчика является передать специфику текста оригинала по возможности как более точно. Переводчик пользуется целой шкалой самых разнообразных подходов и методов, которые являются составной частью его так наз. переводческой стратегии как при решении отдельных, частных аспектов оригинала, так и при репродукции комплексных атрибутов и общего тона исходного текста (по возможности и его культурно-прагматических переносов).

Указанием на несколько специфических черт языка современной русскоязычной прозы, подкрепленных примерами из упомянутой выше монографии, мы попытаемся приблизить некоторые переводческие стратегии и возможные переводческие решения, не претендуя на их универсальность и непогрешимость:

Вариантность языка

Вертикальная и горизонтальная многоплановость, характерная для многих литературных произведений современного русскоязычного прозаического творчества, находит свое выражение также во многих языковых вариантах. Сложным в этом отношении можно считать, например, роман Дмитрия Быкова «Эвакуатор», герои которого говорят на пяти модификациях языка. Кроме литературного и разговорного русского языков, это еще русский язык, отмеченный влиянием субстрата родного языка данного лица (чеченский русский, грузинский русский и т.д.), «инопланетянский язык» и русский язык инопланетян, которые в переводе необходимо было отличить друг от друга. К переводу различных форм стилизации языка переводчик использует в принципе те же методы, как автор оригинала, то есть морфологическую деформацию слов, синтаксические анаколуфы, нонсенсные новообразования и т.п., ср.:

Я ведь и так не знаю, как у вас размножаются, – грустно сказал Игорь. – Ты сам говоришь, у нас одна биоформа. – Биоформа одна, а размножаться по-разному. – Откуда ты знаешь? – Быть специалистом. Но только в теории.... У нас гораздо проще: полюбил, поговорил, размножился... А у нас не так. Женщина съедает специальный фрукт, похожий на земное яблоко, – и, как это у вас называется, за... за... – Залетает. – Ну да, да. По-нашему тыбыдым.

Перевод: Já doted' nevím, jak se u vás rozmnožujete, – smutně konstatoval Igor. – Sám si říct, že máme jednu bioformu. – Jednu bioformu, ale více možností rozmnožování. – Jak ty to vědět? – Být specialista. Ale jen v teorii... U nás je to jednodušší: zamilovat, promluvit, rozmnožit. ... U nás je to jinak. Žena sní speciální ovoce, podobné zemskému jablku a, jak se tomu u vás říká, je...je... – Je v tom. – Jojo. U nás se říká tabadamtam.

Свое и чужое

Подход к оппозиции «свое» и «чужое», сегодня интенсивно дискутируемый главным образом в связи с проблематикой межкультурной коммуникации, находит в переводе свое выражение прежде всего в противопоставлении натурализирующих и экзотизирующих подходов к переводу реалий в самом широком смысле. Ориентиром при выборе переводческих решений в конкретных ситу-

ациях должно быть, кроме прочего, предполагаемое общественно-культурное сознание читателя перевода, переводчик на основании антиципации восприятия текста читателем решает, должен ли он реалию, связанную с культурой исходного текста, сохранить, субституировать или опустить.

В подходе наших переводчиков преобладают натурализационные тенденции – одной из причин данной переводческой стратегии можно считать стремление облегчить читателю перцепцию текста. На практике принцип натурализации осуществляется путем генерализации и «одомашнивания» в самом широком смысле: субституцией реалиями, более близкими или более известными чешскому читателю, заменой иностранных собственных имен отечественными (иногда в сопровождении с транспозицией пола действующего лица), умолчанием о месте описываемых в тексте событий, иногда также опущением реалии, являющейся носителем не очень релевантной для данного контекста информации, и тому подобное. Ср.:

Боря им недоволен: тоже мне, доктор Гааз, «Snechte делат добро». Перевод: *Borja s ním není spokojený, to je nám, panečku, hotovej samaritán, „spěchejte dělat dobro.“*

(Максим Осипов, Маленький лодр Фаунтлерой).

Фамилия русского врача и филантропа немецкого происхождения вряд ли будет известна чешскому читателю, значит, следует или заменить ее общим выражением, символизирующим данное качество (*samaritán*), или компенсировать именем реального конкретного лица с той же характеристикой (возможен и вариант с транспозицией пола *to je nám hotová Matka Tereza/celá Matka Tereza* и т.п.).

Из того же принципа исходит автор перевода отрывка текста из романа А. Аствасатурова «Люди в голом» при передаче аллюзий на русскую классическую литературу. Она исходит из предположения, что большинству ее сверстников творчество Н. В. Гоголя и А. Солженицына практически неизвестно и имена из их произведений не вызывают необходимой ассоциации с «малым», общественно незначительным человеком. Переводчица решила использовать прагматическую компенсацию обоих имен одним чешским «говорящим» именем *Pepík z Nemanic*, причем вульгарное преобразование имени (Описий Описевич) она (кажется, намеренно) игнорирует и в перевод его не включает, ср.:

Одинокий человек совершенно беззащитен. Особенно если это маленький человек. Маленький не в смысле Акакий Акакиевич, Описий Описевич или Иван Денисыч. Маленький в том смысле, что ему всего семь лет, что он ребенок. Для маленького человека выставаться голым — позор. Это некрасиво и постыдно. Для взрослого, пусть ты даже трижды Акакий Акакиевич, — это художественная акция, перформанс. Гордость и красота.

Перевод: *Když je člověk sám, je úplně bezbranný. Zvlášť když je to malý člověk. Nemyslím malý, jako nějaký Pepík z Nemanic, já myslím malý, jako že mu je jen sedm let, že je to ještě dítě. Pro malého člověk je hanba být nahý.*

*Je to nedůstojné a nehezké. Pro dospělého, ať je to třeba **korunovaný Pepík** z Nemanic, je to **umělecký akt, performans. Hrdost a krása.***

Стратегия натурализации или экзотизации не должна действовать абсолютно, речь идет о преобладающем подходе, идеально переплетение своего и чужого, переплетение натурализации и экзотизации не только на основании чутко антиципируемой рецепции читателя, но главным образом на основе собственного, индивидуального переводческого чутья.

Фраземы и идиомы

Областью, в которой угрожают ошибочные переводческие интерпретации больше всего, является перевод фразеологизмов и идиоматических выражений. Неправильный перевод не так часто касается устаревших фразеологизмов типа *Отец Третьей был черной кости* – *otec Třetí byl prostého původu* (П. Крусанов, Укус ангела), а более всего касается фразеологизмов, формально похожих на чешские. Ср. в нашем материале: *Вещь в этом смысле гораздо спокойнее. Лежит себе и лежит. **Есть не просит.*** (Аствацатуров). Последнюю реплику надо понимать в смысле «она тебе ничего не стоит, она ничего от тебя не хочет», то есть ее нельзя перевести дословно как: «она не просит еды, не просит, чтобы вы ее накормили». (В переводе на чешский: *Nic po vás nechce.*) Такая же опасность интерференции угрожает у переводов образных выражений. Примером может служить предложение из перевода романа А. Иличевского Перс:

*На пороге стояла Тереза, **с перевернутым лицом.***

Под влиянием магии оригинала переводчик может соблазниться дословным переводом:

*Na prahu stála Tereza **s odvrácenou tváří.***

Однако, адекватный перевод звучит иначе:

*Na prahu stála Tereza. **Byla úplně bez sebe.***

Выше всего на имагинарной лестнице коварных мест перевода находятся новые идиоматические выражения, в частности, так наз. контекстуальные фразеологизмы, которые переводчик иногда даже не в силах распознать в тексте.

Речевой субстандарт и экспрессивность

О вульгаризации и жаргонизации как об одном из самых симптоматических процессов развития лексики современного русского языка было уже много написано. Тенденция к субстандартизации средств выражения хорошо заметна в языке определенного направления современной русскоязычной прозы, для которого особенно верно то, что «ранее непечатное становится печатным». Лучше всего оправдался функционально-семантический подход к переводу жаргонизмов и вульгаризмов, результатом которого является достижение впечатления совершенной естественности и адекватности выражения атмосферы описываемых ситуаций, напр:

– *Ладно, – Боря хлопает товарища по спине, – **все будет кока-кола, живи футболом!***

– „Ale jo,“ Borja plácl kamaráda po zádech, „**všechno bude v cajku, neřeš to.**“;

„He брат ты мне, **гнида черножопая!**“

– „Nejsem žádnéj tvůj brácha, **černá hubo.**“;

Нет, Боря уже уехал. **Ox, fuck.**

– Ale ne, Borja už odjel. **Do prčic!**;

снова жара, в футбол наши слили,

– zase bylo vedro, fotbalisti **to pohnojili;**

с легкими **лажа вышла:** хотели оба взять, а взяли – одно

– s plícema **to podělali** – chtěli tu vzít obě, ale podařilo se jen jednu.

(Максим Осипов: Маленький лорд Фаунтлерой)

К узуально-системным различиям между русским и чешским языками в этой области принадлежит способность чешского языка придавать словам субстандартный стилистический оттенок не только лексическими и синтаксическими языковыми средствами, но и морфологическими средствами. Русский язык располагает такой возможностью лишь в ограниченной степени. Наши переводчики, осознавая этот факт, данным средством чешского языка довольно часто пользуются, главным образом репродуцируя речь действующих персонажей с помощью элементов так наз. обиходного чешского языка (*obecná čeština*). Так как русский язык не обладает стилевым слоем, эквивалентным обиходной чешской речи, соблности при переводе соответствующую степень экспрессивности оригинала может оказаться достаточно проблематичным, ср.:

– Вонючая, смердячая, проклятущая, ненавистная сволочь! – заорала бабушка. – Будешь жрать, когда дадут!

– „Ty **hnusnej, špinavej, zatracenej, nesnesitelnej parchante!**“ řvala babička. „**Zrát budeš, až ti dám!**“;

Так ты же не жуешь **ни черта!** – воскликнула бабушка. – Заглатываешь кусками такими, что ничего не усваивается! Ах, Сенечка, о чем ты говоришь, это же такое **неблагодарное дерьмо!** Сколько сил уходит, и хоть бы не издевался так...

Перевод на чешский язык: „Protože ty **prdlajs koušeš!**“ vykřikla babička.

„Hltáš takový kusy, že pak nic nestrávíš. Seněčko, to je **takovej nevděčnej neřád,** co říkáš? Tolik sil mě stojí, a ještě si ze mě bude **dělat blázny...**“

(Павел Санаев: Похороните меня за плинтусом).

Языковая игра

Вершиной переводческого искусства считается удачный перевод каламбуров. В отрывке из романа Андрея Аствацатурова Люди в голом перед переводчицей стояла задача передать игру слов, основанную на омонимии полисемантического слова *гамма*. В чешском языке данное слово не располагает такой шкалой значений: наряду с его функционированием в качестве составной части сложного слова *гамма-глобулин* (лечебно-профилактический препарат при некоторых инфекционных заболеваниях), в русском языке лексема гам-

ма представляет собой также музыкальный термин, обозначающий звукоряд в пределах одной или нескольких октав (мажорная, минорная г.) – по-чешски *stupnice*. Данный пассаж отсылает к упоминаемому в предыдущей части текста описанию унижительной для всякого ребенка процедуры осуществляемого в начале каждого учебного года медосмотра, при котором медсестра ставила с лежащего ребенка трусы и колола ему в зад «гамму глобулина»: *Однажды на уроке пения учительница сказала:*

– *А сегодня, дети, мы будем проходить гамму, до-мажорную гамму. При этих словах Старостин толкнул меня в бок, многозначительно подмигнул и захихикал. – Чего? – удивился я. – Гамма... – Миша давился от хохота. – Слышал? Она сказала «гамма». Гамма глобулина. НОТКИ В ЖОПУ ВВОДЯТ!!!*

Чтобы сохранить комический эффект, нужно было найти другую омонимию, сохраняя при этом слово *гамма*, так как на нем основана Мишина ассоциация. Среди всех возможных вариантов переводчица наконец в качестве самой подходящей выбрала замену школьного предмета: урок пения она заменила уроком физики, используя хорошо известное в обоих языках выражение *гамма излучение*:

*Jednou na hodině fyziky nám paní učitelka řekla: „Ták, děti, dnes si něco řekneme o **gama záření**.“ Při těchto slovech do mě Starostin šfouchl, spiklenecky na mě mrkl a zahihňal se. „A co jako?“ nechápal jsem. „Gama...“, kuckal smíchy Míša. „Slyšels, co řekla? **Gama! Gamaglobulin. BUDOU NÁM OZAŘOVAT PRDEL!!!**“*

Интерференция в грамматическом плане языка

Относительно грамматических ошибок в студенческих переводах можно констатировать, что грамматическая интерференция на их уровне владения русским языком проявляется уже не в элементарных ошибках типа неправильного использования глагольного или именного управления или лексического отрицания вместо правильного грамматического, а, если интерференция имеет место, чаще всего в форме рабского перевода структуры русского предложения, включая порядок слов:

Она директор строительной фирмы... Шутка – она домработница.

Перевод: *Ted' je ředitelkou stavební firmy. ... Vtip. Je služkou.*

Правильнее: *To byl vtip. Je z ní služka.*

(Тарасик Петриченка: Кошка)

Довольно часты ошибки в так наз. актуальном членении высказывания – студенты забывают, что в чешском языке, в отличие от русского, новая информация (так наз. рема) должна стоять в самом конце предложения. При переводе они механически копируют русский порядок слов, не задумываясь над логичностью сообщения:

«Но мне не нужно время из телефона! – воскликнула капризная старушка. – Мне нужно время из часов!» И старушка эта кое-что таки понимала про время.

„Ale já nechci vědět, kolik **je** hodin na telefonu!“ vykřikla vrtošivá stařenka. „Chci vědět, kolik je hodin na hodinkách!“ Ta stařenka **určitě něco věděla o čase**.
Лучше:… „Chci vědět, kolik **hodin je** na hodinkách!“ Ta stařenka **o čase určitě něco věděla**.

(Дмитрий Горчев: Полицейское танго)

Заклучение:

Процесс перевода – это в первую очередь задача интерпретации текста. Окончательный вид переведенных текстов часто является результатом подбора возможных интерпретаций и длительного поиска оптимального переводческого решения. Переводы в нашей монографии, с одной стороны, являются индивидуальными произведениями отдельных авторов, но с другой стороны, их финальный вид является результатом сотрудничества всего переводческого коллектива на занятиях художественного перевода. Данная монография является также визитной карточкой самого молодого переводческого поколения, о котором царит всеобщее мнение, что оно отходит от печатного художественного слова как в области творческой деятельности, так и в области читательского восприятия. О том, насколько переводчикам удалось справиться со своей задачей, решат читатели монографии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1999): *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. – БУРВИКОВА, Н. Д. (2001): *Старые мехи и молодое вино: из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- СТЕПАНОВА, Л. (2011): *Современный русский язык: праздник вербальной свободы*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- SOKOLOVÁ, J. (2012): *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa.

Príspevek je dielčím výstupom výskumného projektu IGA FF_2012_062 Současná ruská, ukrajinská a polská literatura jako jev estetický a problém překladatelský.

JAN JENIŠTA

Česká republika, Olomouc

TITUL PROZAICKÉHO TEXTU JAKO PŘEKLADOVÝ PROBLÉM NA PŘÍKLADU NOVÉ POLSKÉ PRÓZY

ABSTRACT:

The Book Title as a Translation Problem on the Example of the New Polish Fiction

The paper deals with the various aspects of translating the titles of most recent prose writing by Polish authors. It examines the functions of the title, its grounding in the cultural context and its importance for the book marketing, and explores the limits of remaining faithful to the original intent of the author. It also reflects upon ambiguous titles and the possible ways to translate these into different languages. The conclusion is drawn that when translating the book title the translator once more becomes the author's closest critic and an interpreter of their work.

KEY WORDS:

Translation – Polish fiction – book titles – translator.

Titul má v rámci literárního textu zvláštní pozici. Kromě jeho základní funkce, jíž je praktická identifikace textu, nese titul obvykle ještě další důležitá sdělení – prozrazuje téma, charakterizuje prostředí nebo hlavní postavu, připravuje čtenáře na setkání s textem, vzbuzuje v něm zvědavost a očekávání. Často je také zvláštním autorským komentářem, nositelem autorské (často šifrované, alegorické, metaforické, ironické) myšlenky textu; autorským návodem, jak text chápat a interpretovat. Jak píše Jerzy Jarniewicz, titul často objasňuje text, který po něm následuje, ale také text – ve shodě s principem hermeneutického kruhu – pomáhá pochopit význam titulu v plném rozsahu [Jarniewicz 2000: 478].

Již před třiatváceti lety jmenoval slovenský translatolog Braňo Hochel čtyři základní komplementární požadavky pro překlad titulů knih: „V principu je možné zdůraznit jisté požadavky, které by měly ve zvýšené míře pro překlad titulu (názu) platit: a) zásada zachování informační hodnoty, b) zásada sémantické věrnosti, c) zásada stylistické adekvátnosti, d) zásada gramatické adekvátnosti“ [Hochel 1990: 86]. Pokud bychom tyto zásady měli aplikovat na překlady současné polské literatury, museli bychom konstatovat, že i přes blízkost polského a českého jazyka se překladatelům jen málokdy podařilo zohlednit všechny čtyři požadavky zároveň.

Přesto u překladů ze současné polské literatury narážíme na řadu zajímavých řešení, která si zaslouží podrobnější komentář.

Tendencí, která se v posledních letech projevuje i u mladé polské prózy, je snaha pojímat titul knihy jako obchodní značku. O to více zaujmou tituly, které jsou z hlediska prodejnosti knihy zdánlivě zcela nevhodné, jako je název románového debutu Doroty Masłowské *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną* – název je příliš dlouhý a čtenář si jej těžko zapamatuje, podobně jako román Michała Witkowského *Barbara Radziwiłłówna z Jaworzna-Szczakowej*. Oba mladí autoři zde použili stejnou strategii: čtenář při prvním kontaktu s titulem pravděpodobně usoudí, že se jedná o historické pojednání s válečnou tematikou, respektive životopis méně známé členky polsko-litevského šlechtického rodu, ale pokud jej tato „falešná stopa“ neodradí, zpětně ocení jejich vtip, ať už jde o alegoričnost a mnohoznačnost každého slova v názvu u Masłowské (kupř. *ruski* může být archaické označení příslušníka ruského národa, ale také nadávka; bílá tu nesymbolizuje ani tak mír jako spíše amfetamin atd.), anebo u Witkowského o paradoxní spojování vysokého světa s nízkým v případě slavné polské královny Barbary a zcela bezvýznamné zastávky na železniční trase Katowice-Krakov.

Jestliže je překladatel u titulu díla vystaven takto komplikovanému systému navzájem provázaných symbolů a významů, jež jsou navíc často idiomatické, vycházející ze specifických polských reálií nebo historického vývoje, může se o jejich přesný převod do češtiny pokusit, pravděpodobně je však odsouzen k neúspěchu. Nevyhnul by se ani zúžení významu jednotlivých slov (např. vybrat si mezi neutrálním *ruská* a hanlivým *rusácká*). Doslovný (mechanický) překlad by ve druhém případě navíc přinesl další zklamání – kvůli nahromadění vlastních jmen by totiž vlastně došlo jen k jeho fonetické transkripci.

Překladatelé románu D. Masłowské se s tímto problémem vyrovnali vesměs rezignací na původní znění a jeho redukcí do elementárního protikladu bílé a červené barvy, doplněného o bližší charakteristiku, tedy „sněhově bílá“ a „rusky rudá“. V němčině tedy *Schneeweiß und Russenrot*, v nizozemštině *Sneeuw wit en Russisch rood*, v angličtině *Snow White and Russian Red* (americké vydání), ve španělštině *Blanco Nieve, rojo Rusia* atd. Ještě striktnější byl slovenský překladatel Tomáš Horváth, který se rozhodl pro lakonické *Sneh a krv*. I další překladatelé se rozhodli název ještě více redukovat, jako je tomu např. u britského vydání knihy – *White and Red*, a konečně i v českém překladu – *Červená a bílá*.

Český titul byl tedy výrazně zjednodušen, omezen na dva základní symboly, jež jsou komplementární i antagonické zároveň. Všimněme si však u českého překladu jedné zvláštnosti: oproti původnímu záměru autorky i všem ostatním výše zmíněným překladům je červená barva uvedena na prvním místě. Pravděpodobně tu sehrál roli vliv názvu Stendhalova románu *Červený a černý*, nelze vyloučit ani snahu o rytmičtější název. Bohužel tím však došlo k potlačení důrazu na bílou barvu jakožto reprezentanta entity „my“ proti červené - „ti druzí“. Přitom britské *White and Red* se tohoto důrazu nevzdává, ačkoli je v angličtině přirozenější ustálené „red and white“.

Snad z toho lze vyvozovat obecnější snahu českých překladatelů uhlazovat, „učesávat“ vše, co není hned napoprvé „hezky česky“. K podpoře tohoto tvrzení ještě

dodejme, že zatímco celosvětový bestseller Dana Browna z roku 2003 se prodával v téměř všech jazycích pod tituly odvozenými z anglického *The Da Vinci Code*, český překladatel Zdík Dušek přišel s vlastním, pohádkově malebným *Šifra mistra Leonarda*.

Vraťme se však ještě k románům a dramátům Doroty Masłowské. Je s podivem, jak často se v jejich názvech objevuje ona dichotomie my – oni, vlastní a cizí. Červená a bílá jako barvy polské vlajky, zároveň je však rudá barvou „cizí“ (rusáckou) a bílá „naší“ (polskou). Polská vlajka, stejně jako polská identita, je paradoxně složena z vlastního i cizího, bytí „my“ je zároveň vždy podmíněno i bytím „oni“. V knize se nepřipravují oslavy „Dne Polska“, ale „Dne bez Ruska“ – oslava vlastní identity, či dokonce její definice, probíhá jedině skrze srovnání s cizím, skrze negaci cizího. Jednoduše řečeno – identita Poláka spočívá v tom, kým není. Tuto interpretaci podporují i názvy dvou divadelních her mladé autorky. Titul dramatu *Dva ubohý Rumuni co uměj polsky* (*Dwoje biednych Rumunów mówiących po polsku*) vyvolává otázky a pochybnosti: jsou ti dva tedy Poláky, nebo Rumuny? V jaké situaci Polák přestává být „svým“ a stává se „cizím“ (Rumunem)? V názvu druhého dramatu *Mezi náma dobrý* (*Między nami dobrze jest*) tušíme ujišťování sebe sama o smyslu vlastní existence, o smyslu bytí „mezi svými“. Slovosledný důraz na „námi“ (patrný spíše v polském originále, český překlad je bohužel zavádějící) lze rozvinout jako „jenom mezi námi je dobře a *nikde jinde*“. Je to však pouhá iluze, vždyť bytí Polákem je v tomto dramatu především bytím traumatickým. Život v traumatu z války, život v nedostatku, v pocitu ohrožení, v neustálé přípravě na válku další. V této souvislosti je třeba zmínit i kontroverzní název povídkového souboru Mariusze Sieniewicze *Židovky neobsluhujeme* (*Żydówek nie obsługujemy*), v němž se autor snažil vyjádřit dvojitou cizost: „my“ – ti, kteří vládnou, rozhodují, negativně se vyhraňují (odmítnutím obsloužit), proti „oni“ – osobě židovské národnosti a navíc ženě (srov. [Czapliński 2007: 34]). Židovka se tu stává symbolem „fundamentální cizosti“, jak uvádí Kinga Dunin, a dále doplňuje: „Z Židovky – symbolu dvojí (antisemitismus a mizogynie) a mnohasetleté diskriminace – Sieniewicz činí symbol vyloučení a rozličných druhů vytěšňování, hluboko vrostlých do tkáně společnosti. Tak hluboko, že jsou často neviditelná“ [Dunin 2009: 275].

Samostatný komentář je třeba věnovat románovému debutu Michała Witkowského, který vyšel pod názvem *Lubiewo*. Toponymum v názvu označuje lokalitu u Baltského moře, která je sice vyznačena v mapách, ale nenajdeme na ní nic kromě borového lesa a písečných dun. Odehrává se tu druhá část románu, místo existuje na mapě, je to však spíše symbolické toponymum, označující mýtickou „zemi zaslíbenou“ hrdinů románu. Výběr tohoto slova má opět hlubší podtext: „Název tohotohle místa, Chlípnice [Lubiewo, JJ], pochází od bezedné chlípčnosti, do které se tady noříme. Toneme tady v té husté teplé substanci“ [Witkowski 2007: 65].

V instrukcích, které dal Witkowski překladatelům *Lubiewa* v roce 2005, se píše následující: „Jak překládat titul? Vztít výraz chlípčnost [lubiežnosť, JJ] – tak, jak zní v daném jazyce – a vytvořit od něj název vesnice (např. v němčině –dorf)“ [Witkowski 2005: 1]. Tímto požadavkem *lokalizace* se řídilo nejen vydání české (*Chlípnice*), ale např. i anglické (*Lovetown*) a ukrajinské (*Хтмивня*, doslova „Chtíčov“).

Zahraniční čtenáři *Lubiewa* tedy více než ti polští budou vnímat metaforickou rovinu jeho názvu a fiktivnost jeho obsahu. Vezmeme-li v potaz polské reakce na knihu v roce jejího vydání (srov. [Maliszewski 2005: 121]), autor se příklonem k metafoře patrně snažil zabránit tomu, aby byl v zahraničí jeho román chápán primárně jako sociologická sonda či reportáž o životě minority.

Z hlediska překladové praxe jde o další zajímavý fenomén: Autor se snaží posílit jeden způsob interpretace svého románu na úkor jiného, píše instrukce překladatelům, doplňuje k zahraničním vydáním „slovníčky“, překladatelé však jeho snahy většinou nerespektují. Ve švédštině a němčině totiž román vyšel pod nezměněným názvem *Lubiewo*, Španělé zase převzali název anglický (*Lovetown*). Výjimkou nejsou ani překladové slovní hříčky a zdvojené významy. Například v češtině totiž „Chlípnice“ nemusejí být ani tak názvem vesnice podle vzoru Holašovice, Holice, Hodslavice. Mnohem výraznější je význam „chlípnice“ – chlípné, vilné ženy. Vezmeme-li v potaz, že postavami knihy jsou „chlípní muži“ stylizující se do žen, najdeme už v názvu náznak toho, co je podstatou Witkowského psaní – campové převleky, travestace, „nemravné“ podtexty. Ruský překladatel Jurij Čajnikov zase použil zdánlivě mechanickou transliteraci Любиево, když však název rozdělíme na dvě slova любви a ево, získáme v ruštině imperativ „miluj ho“. I tyto příklady svědčí o tom, že se pozice překladatele ve vztahu vůči autorovi natolik posílila, že autorské ingerence do své práce chápe jen jako dobře míněné, leč nezávazné rady.

Uvedli jsme již příklady víceznačných názvů prozaických textů. Jejich zachování při překladu názvu knihy je obtížným úkolem i pro české překladatele. Bravurně si s ním dvakrát poradila Barbora Gregorová. Nejprve v roce 2008 u překladu románu *Paw królowej* Doroty Masłowské, o rok později u románu *Gnój* Wojciecha Kuczoka.

Svůj druhý román Masłowska napsala v pouhých třidvaceti letech, čtyři roky po *Červené a bílé*, která se stala revolucí v polském literárním jazyce. Nejčastěji se tehdejší kritika pozastavovala nad tím, jak je Masłowska schopna kombinovat různé jazykové kódy současné polské společnosti, ať už jde o mluvu dětí ulice – „dresařů“, jazyk reklam a komerční propagandy, brakové literatury, nebo básnickou tvorbu polských romantiků. Na tuto schopnost odkázala v ironickém názvu své druhé knihy: Masłowska se tu stává královnou polské prózy, která „puščila pawia“ – vyzvracela na papír přežvýkanou směsí jazykových kódů současného Polska. Zároveň však ilustrátor Maciej Sieńczyk vytvořil dekorativní obálku, kterou stylizoval do ušlechtilých secesních křivek. Královna s korunkou na hlavě tu má tvář spisovatelky, na vodítku si vede nádherného páva jako z ilustrací k ruským národním pohádkám. Máme tu tedy co do činění s dvojným významem názvu – ironickým a symbolickým. Překladatelka Barbora Gregorová obě roviny zohlednila, když zvolila název *Královnina šavle*. Vycházela z českého hovorového idiomu „hodit šavli“, přičemž „šavle“ jakožto sečná zbraň byla automaticky spojována především s rytířskou a dvorskou kulturou až do konce 19. století.

U řešení překladatelky Barbory Gregorové je třeba ocenit především snahu o přesný sémantický překlad originálního titulu, zvláště srovnáme-li výsledek s překlady do jiných jazyků: někteří překládali doslovně (ruský *Павлин королевы, Королевский*

павлин), jiní vytvořili titul zcela nový, více či méně vycházející z obsahu románu (francouzský *Tchatche ou crève*, doslova „kecej nebo chcípni“).

Román Wojciecha Kuczoka *Gnój*, oceněný v roce 2004 prestižní literární cenou Nike, pojednává o palčivém problému (nejen) polské rodiny: o domácím násilí, patologických rodinných vztazích, týrání dítěte. V polštině existují následující významy výrazu „gnój“: 1. chlévská mrva; 2. bláto, špína; 3. malé dítě, uličník; 3. pejorativní označení bezcharakterního muže. Všechny významy bezprostředně souvisejí s románem; hnůj, bláto a špína jsou symbolem bídy a morálního úpadku, v nichž se rodina hlavního hrdiny nachází. Symbolicky se na konci románu onen prokletý rodinný dům propadá a utápí právě v bahně, hnoji, výkalech, kanalizační stoce. Jako „gnój“ je však také označováno týrané dítě, z jehož pozice je příběh vyprávěn. A konečně i násilnického otce rodiny, Starého K., občas výrazem „gnój“ častuje matka.

Podstatné je tedy zachování alespoň dvou základních významů tohoto slova: 1. morální bahno, výkaly a 2. malé dítě, uličník, kterým je hlavní hrdina a vypravěč románu. Barbora Gregorová oba významy zachovala převodem na český obrazný ekvivalent – *Smrad*. Naproti tomu slovenská překladatelka Marianna Mináriková zvolila doslovné *Hnoj* a druhý, personální význam zcela pominula. Naopak německý překladatel upřednostnil význam druhý a román nazval *Dreckskerl* (bídák, špinavec). Zvláštní situace nastala u překladu do ruštiny: nejprve kniha vyšla pod názvem *Дрянё*, což je eufemistické, knižní označení lejna. Svou roli tu sehrála jazyková autocenzura ze strany vydavatele. Překladatel s tímto zásahem nesouhlasil a pro druhé vydání už prosadil své původní řešení, expresivní *Дерьмо*, jež kromě zhrubělého označení fekálie platí i pro bezcharakterního člověka. Problém dvojího významu naopak vyřešil francouzský překladatel povýšením podtitulu na název knihy. V některých vydáních se totiž kromě titulu vyskytuje ještě autorská charakteristika románu – „antibiografie“; ve francouzštině román vyšel právě pod názvem *Antibiographie*.

Když už jsme se dotkli zachovávání dvojího významu v ruštině, je vhodné pozastavit se nad možnými řešeními, jaká skýtá ruština při překladu názvu povídkové knihy *Café Szafé* mladého krakovského prozaika Łukasze Dębského. Pro zachování originálního názvu jako exotismu hovoří především fakt, že kavárna toho jména v Krakově skutečně existuje a Dębski je jejím spolumajitelem. Její název je odvozen od prostého faktu, že většina sedacího nábytku v kavárně je vyrobena ze starých skříňů (polsky „szafa“). Překladatel má tedy možnost zachovat originální název (takto vyšel např. i český překlad), nebo se snažit název odvodit od výrazu „skříň“ v cílovém jazyce. Ruská překladatelka Polina Yustova si může zvolit mezi dvěma dobrými řešeními: *Кафе-Шкафе* od výrazu „шкаф“ – „skříň“, nebo transliterovat polské *Кафе-Шафе*. Druhá varianta je o to zajímavější, že ruskému čtenáři může asociovat frazeologismus „быть под шафе“ – „být přioopilý“.

Ještě do třetice dodejme jeden zvláštní příklad spojený s ruštinou. Román Sławomira Shutyho *Zwał* pojednává o divokých drogových víkendech řadového zaměstnance nadnárodní korporace. Jeho název odkazuje ke slangovému označení kocoviny po nadměrné konzumaci drog, jíž prochází hlavní hrdina začátkem každého pracovního

týdne. V českém překladu by snad bylo možné použít výraz „dojezd“. Zajímavé je, že ruský překladatel nehledal řešení v rejstříku ruského drogového slangu, ale zvolil si intertextuální odkaz ke klasické ruské literatuře, když román nazval lermontovským *Герои нашего времени*. Třebaže takový překlad ničím nepřipomíná originální titul, a podvědomě tušíme, že překladatel poněkud překročil své kompetence, stále máme co dočinění s procesem translace. Jak uvádí Jerzy Jarniewicz, překladatel totiž „nepřekládá titul, ale celý text, jehož je titul součástí; zdařilost překladatelova rozhodnutí musí být tudíž posuzována jedině ve významovém kontextu celého díla, konkrétně v kontextu vztahu nového titulu s překládaným textem, s ohledem na místo, které zaujímá přeložené dílo v cílové kultuře“ [Jarniewicz 2000: 480]. Vytvoření zcela nového titulu překládaného literárního textu je tedy oprávněné, čeští překladatelé polské prózy jej však téměř nevyužívají.

Pokud se tedy vrátíme ke čtyřem zásadám adekvátního převodu titulu literárního díla, můžeme konstatovat, že především řešení B. Gregorové patří mezi nejzdařilejší, a to v mezinárodním kontextu.

POUŽITÁ LITERATURA:

- CZAPLIŃSKI, P. (2007): *Przesilenie nowoczesności. Proza polska 1989–2005 wobec wielkich narracji*. In: B. Bakula (ed.): *Transformacja w kulturze i literaturze polskiej 1989–2004*. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, s. 34–54.
- DUNIN, K., red. (2009): *Polityka literatury*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- HOCHÉL, B. (1990): *Preklad ako komunikácia*. Bratislava: Slovenský spisovateľ.
- JARNIEWICZ, J. (2000): *Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją*. In: W. Kubiński (ed.): *Przekładając nieprzekładalne*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 477–483.
- KUFNEROVÁ, Z., red. (2003): *Překládání a čeština*. Jinočany: H&H.
- MALISZEWSKI, K. (2005): *Utracona cześć literatury polskiej*. *Czas Kultury*, 2005, č. 1, s. 121–123.
- WITKOWSKI, M. (2005): *Jak przekładać Lubiewo* [rukopis]. Archiv autora.
- WITKOWSKI, M. (2007): *Chłpnice*. Praha: Fra.

ЙИНДРЖИШКА КАПИТАНОВА

Чехия, Оломоуц

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД ПО ТЕМЕ «ПРЕСТУПНОСТЬ/ПРАВОСУДИЕ» – МЕТОДИКА РАБОТЫ В АУДИТОРИИ

ABSTRACT:

Interpreting Texts Related to Topic of Criminality/ Judiciary – Methods and Teaching Experience

The aim of the study is to present and comment on the author's experience of teaching interpreting (issues of criminality and judiciary, Russian, Czech). Being aware of the complex nature of interpreting activity and exercises, the author presents essential principles of the interpreting course (linear and cyclic development of language material, automatization of speech stereotypes). Furthermore, mind mapping and training of stereotyped stylistic features of Russian texts are commented on in detail as efficient means of teaching interpreting in the specific topic.

KEY WORDS:

Interpreting – criminality – methodology – teaching experience – Russian, Czech – language drill – mind mapping – stylistic stereotypes – nominalisation – syntactic condensation – impersonal treatment of situation.

Тема «преступность/правосудие» включена на кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого (г. Оломоуц, Чехия) в учебную программу Русская филология в магистратуре в виде упражнений по устному переводу и письменному переводу. Данную более абстрактную, национально-специфическую и требовательную в плане языка и фактического содержания тему можно включить в программу, поскольку окончив уже два курса по устному переводу, студенты владеют основными навыками работы с аудиоматериалом, его устным переводом на чешский или русский языки. Данный курс нами строится и рассматривается не как подготовка профессиональных судебных переводчиков, а как начальный этап обучения студентов-филологов указанной теме, т.е. как первый шаг на пути к устному судебному переводу. Опыт работы в студенческой аудитории показывает некоторые достижения нашего методического подхода, а именно более эффективное

усвоение студентами лексического и грамматического материала по данной теме, улучшение логической обработки и ориентации в текстовом и аудиоматериале на русском языке, улучшение кратковременной памяти обучающихся.

Поскольку устный перевод является комплексным умением, предполагающим относительно высокий уровень владения данными языками и речевыми приемами, реактивности переводчика в конкретной ситуации перевода, умение обработки аудиотекста и умение управлять своей концентрацией и памятью, в методической системе курса по устному переводу необходима синергия разнообразных видов упражнений (ср. [Jankovičová 1987], [Šeňková 1994], [Bohušová et al. 2005] и др.). Наша методика основывается на следующих трех основных принципах работы с материалом. Во-первых, это – линейное, постепенное развитие материала, т.е. прогресс от простого к сложному (например, составление минимума языкового материала в начале курса, прогресс к более комплексному и разнообразному по своему составу и объему материалу в конце; прогресс от работы с текстовым и аудиовариантом материала только к аудиоварианту; прогресс от адаптированного текста к неадаптированному и т.п.). Во-вторых, это – циклическое развитие материала (например, та же частичная тема или текст преподносится студентам на разных этапах одного курса в более сложных вариантах реализации). В-третьих, это – акцент на автоматизации языковых и речевых приемов на иностранном языке, т.е. практическая подготовка и тренинг языковых, речевых стереотипов в русско-чешском, чешско-русском переводе и обработка характерных для данных языков переводческих трансформаций, желательно до уровня автоматизма с целью экономии усилий в процессе комплексного устного перевода согласно модели усилий Д. Жилия (D. Gile, см. [Šeňková 2001]).

Тема «преступность/ правосудие» отличается многочисленными языковыми, смысловыми и культурно-специфическими особенностями, осложняющими, с одной стороны, восприятие и обработку переводчиком текста на иностранном языке, и, с другой стороны, как бы это ни было парадоксально, в значительной мере облегчающими работу устного переводчика. К «подводным камням» текстов на приведенную тему, на наш взгляд, относятся их сложная синтаксическая и сверхсинтаксическая структура, сохраняющая иногда черты письменного варианта официально-делового стиля; дальше наличие незаменимых в их номинативной функции терминов и терминологических сочетаний; не в последнюю очередь наличие характерных для данной национальной культуры и правосознания понятий (напр., названия учреждений, объем данного понятия и т.п.) и речевых приемов (ср. жаргонизация языка в русском). С другой стороны, среди «преимуществ» данных текстов для переводчиков можно назвать относительную стереотипность их лексикограмматического состава, смыслового содержания и логического построения текста (ср. черты официально-делового стиля – стандартизованность, императивность, точность, безличность изложения, официальность, безэмоциональность выражения, [Дускаева, Протопопова 2003]). Высокий уровень автоматизации языковых и речевых приемов текстов на тему «преступность/ правосудие» создает предпосылки для выделения

и эффективного усвоения обучающимися лексико-грамматического минимума и стереотипных приемов построения текста на данную тему.

Из вышеприведенной характеристики вытекают две отличительные черты нашей методики, которым мы хотим уделить более пристальное внимание, в частности, обращение к «ментальной карте» в процессе подачи и автоматизации лексико-грамматического материала по теме «преступность правосудие» и учет лингво-стилистических особенностей русского и чешского языков в ходе работы с текстом.

С нашей точки зрения, в процессе обучения устному переводу необходимо прежде всего осознание переводчиком или кандидатом в переводчики смысла данной коммуникативной ситуации, т.е. активизация когнитивных механизмов и понятий, связанных с данной тематической обстановкой. Именно поэтому в начале курса мы знакомим студентов с лексико-грамматическим материалом по данной теме при помощи совместного создания так наз. «ментальной карты» (майнд мэппинг, *kognitivní mapování*, интеллектуальная карта, карта ассоциаций и др.). В ходе совместного «мозгового штурма» студенты при регулирующем воздействии и корректировке преподавателем подбирают на русском языке компоненты указанной ситуации – ключевые понятия и действия, связанные с действием характерные лица и обстоятельства. Таким образом, имеет место визуализация общего объема и внутренней структуры, отношений между компонентами в рамках данной темы (см. Приложение № 1, № 2). Исходным является понятие «преступление», имеющее свои более конкретные лексико-семантические реализации (напр., нападение – *разбойное/ вооруженное; мошенничество; кража; ограбление; угон; воровство; убийство; ДТП* и т.п.) и «обрастающее» смежными понятиями и их лексико-грамматическими реализациями (ср. предикат – совершить/ иметь место/ произойти; агент действия – преступник/ неизвестный; временные рамки действия – на днях/ в ходе преступления, операции/ в результате преступления; пространственные рамки действия – в Москве; вмешательство властей – агент – полиция/ сотрудники полиции/ правоохранительные органы/ следователь/ оперативник/ таможенник; действие агента – расследовать/ вести следствие/ раскрыть/ задержать – *арестовать – поймать/ взять под стражу/ допрашивать/ разыскивать/ возбудить уголовное дело/ изъять/ изобличить/ обвинить – предъявить обвинение*; последствия преступления – пострадать/ нанести ущерб/ скрыться и т.п., см. Приложение № 3). Данный метод подачи лексико-грамматического материала учитывает и делает акцент на осознанной подготовке парадигматических и синтагматических лексико-семантических связей, т.е. налицо комплексная подача и демонстрация лексико-семантического поля. Данный подход учитывает и рекомендации корифеев устного перевода, а именно закреплять языковые средства в синтагматических связях, ср. «язык надо знать не через слова, а словосочетания; усвоение языка не через слова, а через словосочетания» [Миньяр-Белоручев 1999: 96]; «Create a ‘collocation dictionary’ for your B language» [Gillies 2004: 19], и готовить не алфавитные списки, а скорее тематические записи языковых средств,

ср. "How to record vocabulary. Don't make lists! Record vocabulary in thematic or grammatical groupings, use images" [Gillies 2004: 19].

Стереотипные языковые средства, выделенные таким образом, в последствии применяются в системе упражнений по их усвоению, закреплению и активизации стандартов. Преподаватель дает студентам задачу устно переводить сначала простые стандартизованные русские предложения, созданные по данной схеме (ср. пр.: Ведется следствие и поиск преступников.; Двое *неизвестных преступников совершили* в пятницу ограбление коммерческого банка в центре Праги.; В ходе следствия сотрудниками милиции установлена личность преступников.; В угоне машин обвиняется преступная группировка из г. Брно.). Затем следует вариант перевода автоматизированных предложений с вариацией фактических составляющих – прецизионной информации (имен собственных, топонимов, числительных данных и т.п., ср. пр.: В ходе нападения один человек ранен, похищена сумма в размере 1 млн. *крон.*; В ходе нападения преступники похитили товар на сумму *полмиллиона крон.*; В результате кражи пострадавшим нанесен ущерб в размере полутора млн. *крон.*) или грамматического аппарата, и в последствии перевод сложных предложений и микротекстов (ср. пр.: Неизвестный преступник на днях совершил вооруженное разбойное нападение *на бензоколонку. В ходе нападения похищена сумма в размере 30,000 крон. Оператор бензоколонки не пострадал.* Ведется следствие и поиск преступников.).

Преподаватель акцентирует возможность фиксировать в соответствии с ключевыми понятиями данной «ментальной карты» опорную информацию в ходе последовательного перевода сжатых сообщений на данную тему. Другими словами, преподаватель ссылается к «сценарию» развития стандартизованного сообщения о совершившемся преступлении (т.е. вид преступления – предикат – агент – время/пространство – вмешательство органов власти – последствия). Таким образом, заранее создаются предпосылки для удачного смыслового анализа текста в ходе устного перевода (ср. определение смыслового анализа – «выделение слов и словосочетаний, концентрирующих смысл высказывания» [Миньяр-Белоручев 1999: 109]).

В ходе последующей работы над темой и текстами первоначальная «ментальная карта» пополняется за счет семантически более специфических средств и терминологических сочетаний (напр., *обезвредить – ликвидировать – пресечь деятельность; провести очную ставку; состав преступления; контрабанда наркотиков – контрабандисты; сообщник; злоупотребление должностными полномочиями; борцы с экономическими преступлениями; в ходе предварительного следствия; СИЗО* и т.п.), приобретая, таким образом, более естественный, неадаптированный и комплексный вид. Аналогичную работу по созданию «ментальной карты» и внедрению соответствующих упражнений можно, по мнению и опыту автора, провести и в случае темы «правосудие».

В процессе создания и применения «ментальной карты» студентами осознается стандартность и предсказуемость данной ситуации или развития со-

бытия, что в значительной мере повышает их уверенность в свои способности, психическое равновесие и способствует механизму вероятностного прогнозирования аудиоварианта текста в ходе устного перевода. Полагаясь на поиск выделенных заранее опорных информационных блоков, студенты постепенно настраиваются на активную работу с текстом и более способны к активной ориентации в тексте. Таким образом, метод разработки «ментальной карты» и когнитивной и языковой активизации материала снимает нагрузку с концентрации внимания студентов в ходе восприятия текста оригинала и в ходе восстановления его смысла на языке перевода.

При работе с неадаптированным русским текстом на тему «преступность/ правосудие» студенты часто испытывают затруднения при решении некоторых повторяющихся стилистических особенностей русского текста, ср. примеры безличной манеры общения, номинализации, синтаксической сжатости, мультивербизации и абстрактности изложения в следующем русском тексте:

В Красноярском крае в суд направлено дело по факту кредитного мошенничества

Главным следственным управлением при ГУВД по Красноярскому краю *окончено расследование и направлено в суд* уголовное дело в отношении должностных лиц отделения АКБ «Росбанк» по факту мошенничества.

По словам начальника межрегионального отдела по налоговым преступлениям ГУВД по Красноярскому краю Алексея Пешкова, милиционерам стала известна информация *о том, что работники офиса одного из банков, расположенных в зоне обслуживания подразделения, используя свое служебное положение, совершают мошеннические действия.*

Именно аналогичные сегменты текста с повышенными требованиями к вниманию переводчика и с низким уровнем избыточности информации являются, по заключениям Д. Жилия, источником срывов и неудач в работе устного переводчика, ср.: “speech segments with low redundancy were also problem triggers, /.../ there was a high rate of failure with heightened attentional requirements (e.g. “Pacific Islands Development Commission”)” [Gile 1999: 157]]. На занятиях мы в ходе подготовки лексико-грамматического минимума и в ходе комментариев к предлагаемым для перевода текстам уделяем данным явлениям особое внимание. В рамках дискуссии имеет место поиск разнообразных вариантов их перевода и оценка их (не)применимости в условиях устного перевода. В систему упражнений по активизации лексико-грамматического материала вводятся и упражнения по внедрению переводческих трансформаций в обоих языках [Kapitánová 2013] – на уровне словосочетаний, предложений и микротекстов. В частности, упражнения нацелены на осознанную работу студента с тенденцией русского языка к мультивербизации (ср. пр. упражнений: наказание в виде лишения свободы – *trest odnětí svobody*; сумма в размере полмиллиона крон – *částka /ve výši/půl milionu korun*; Похищен товар стоимостью в/на сумму 1 миллион крон – *Bylo odcizeno zboží za/v hodnotě/ 1 milion korun.*), с тенденцией русского языка к деагентизации высказывания (ср. пр. упражнений: У преступников изъята крупная партия поддельных банкнот. – **Policie zadrželym zabavila kradené zboží/falešné dokumenty/zbraně.**; Клинским судом вынесен приговор Николаю К. – **Soud vynesl rozsudek nad obžalovanými.**), с тенденци-

ей к номинализации (ср. пр. упражнений: *Находиться под следствием – být vyšetřován; Находиться в розыске – být hledaný; Сотрудниками полиции ведется следствие. – Policie případ vyšetřuje.*) и с тенденцией русского языка к применению сжатой синтаксической структуры (ср. пр. упражнений: Обнаружены похищенные во время ограбления вещи. – *Našly se věci, které byly při krádeži odcizeny.*; Разоблаченная в России опасная преступная группировка – *Nebezpečná zločinecká skupina, která byla v Rusku odhalena*; Совершенный на прошлой неделе теракт – *Teroristický útok, který byl spáchán minulý týden.*).

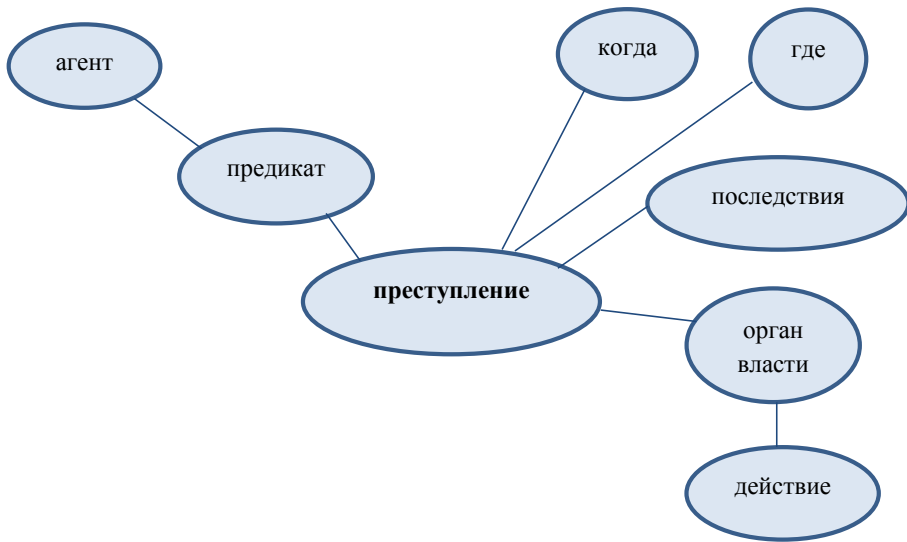
Наше стремление в этой области нацелено на выполнение двух задач – на подготовку активной ориентации студентов в переводимом тексте (т.е. их осознанную обработку текста оригинала) и на выполнение более адекватного с точки зрения стилистики перевода на чешский или русский язык. Мы надеемся на то, что осознанный поиск и обработка «подводных камней» текста в ходе подготовительных упражнений даст возможность ослабить зависимость устного перевода от кода исходного текста, т.е. освободиться от иноязычного гипноза.

Прием обращения к «ментальной карте» и работы с текстом с учетом лингво-стилистических особенностей русского языка можно, бесспорно, считать только подготовительными, предкоммуникативными видами упражнений в системе подготовки устных переводчиков. Однако, именно они, на наш взгляд, способствуют автоматизации языковых и речевых навыков и быстрому выходу в естественную коммуникацию в ситуации устного перевода.

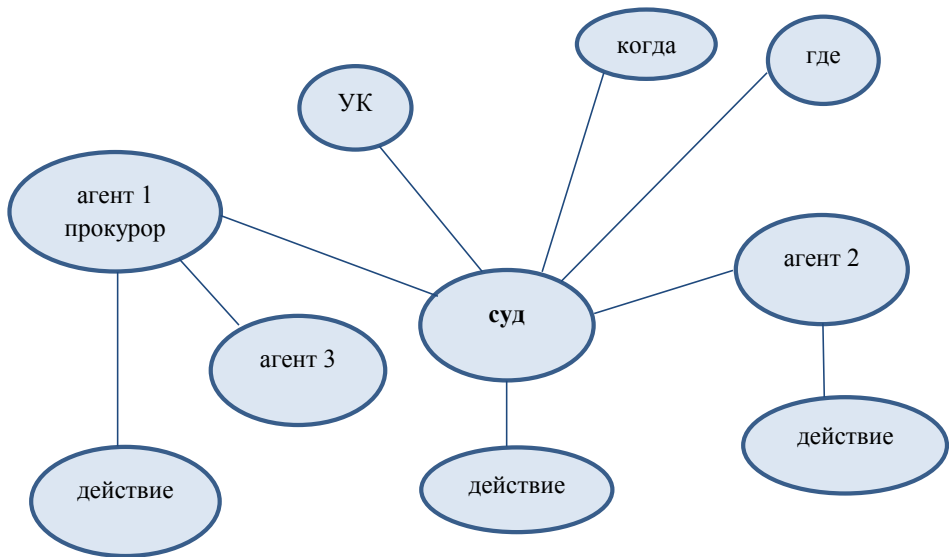
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАБИЧ, А. Б. (2011): *Эффективная обработка информации. Mind Mapping для студентов и профессионалов*. Москва. <http://www.intuit.ru/department/expert/mindmap/> (16. 7. 2013)
- ДУСКАЕВА, Л. Р., ПРОТОПОПОВА, О. В. (2003): *Официально-деловой стиль*. В: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, с. 273–277.
- МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р. К. (1999): *Как стать переводчиком?* Москва.
- ВОНУŠOVÁ, Z., LANKOVÁ, J., SCHWARZOVÁ, E. (2005): *Metodológia výučby simultánneho a konzekutívneho tlmočenia na príklade jazykového páru slovenčina-nemčina*. In: *Eurolingua 2004*. Opera Academiae Paedagogicae Liberecensis. Series bohemistica. Liberec, s. 134–141.
- ČENKOVÁ, I. (1994): *Úvod do tlmočení pro bakaláře (Ruština v obchodně podnikatelské sféře)*. In: *Rossica Ostraviensia*. Ostrava, s. 132–138.
- ČENKOVÁ, I. a kol. (2001): *Teorie a didaktika tlmočení I*. Praha.
- ČENKOVÁ, I. a kol. (2008): *Úvod do teorie tlmočení*. Praha.
- DLOUHÁ, O. (2001): *Odborná ruština pro magisterské studium*. Praha.
- GILE, D. (1999): *Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – a contribution*. In: *Hermes, Journal of Linguistics* No 23, p. 153–172. <http://jait.sakura.ne.jp/Articles/Gile%8Dj%93n%82%E8%89%BC%90%E0.pdf> (2. 8. 2013)
- GILLIES, A. (2004): *Conference interpreting. A new student's companion*. Cracow.
- JANKOVIČOVÁ, M. (1987): *K metodike výučby konzekutívneho tlmočenia*. In: *Philologica XXXVII*. Zborník filozofickej fakulty UK. Bratislava, s. 33–37.
- KAPITÁNOVÁ, J. (2013): *Antologie textů ke srovnávací stylistice. Komentáře a analýzy*. Olomouc.

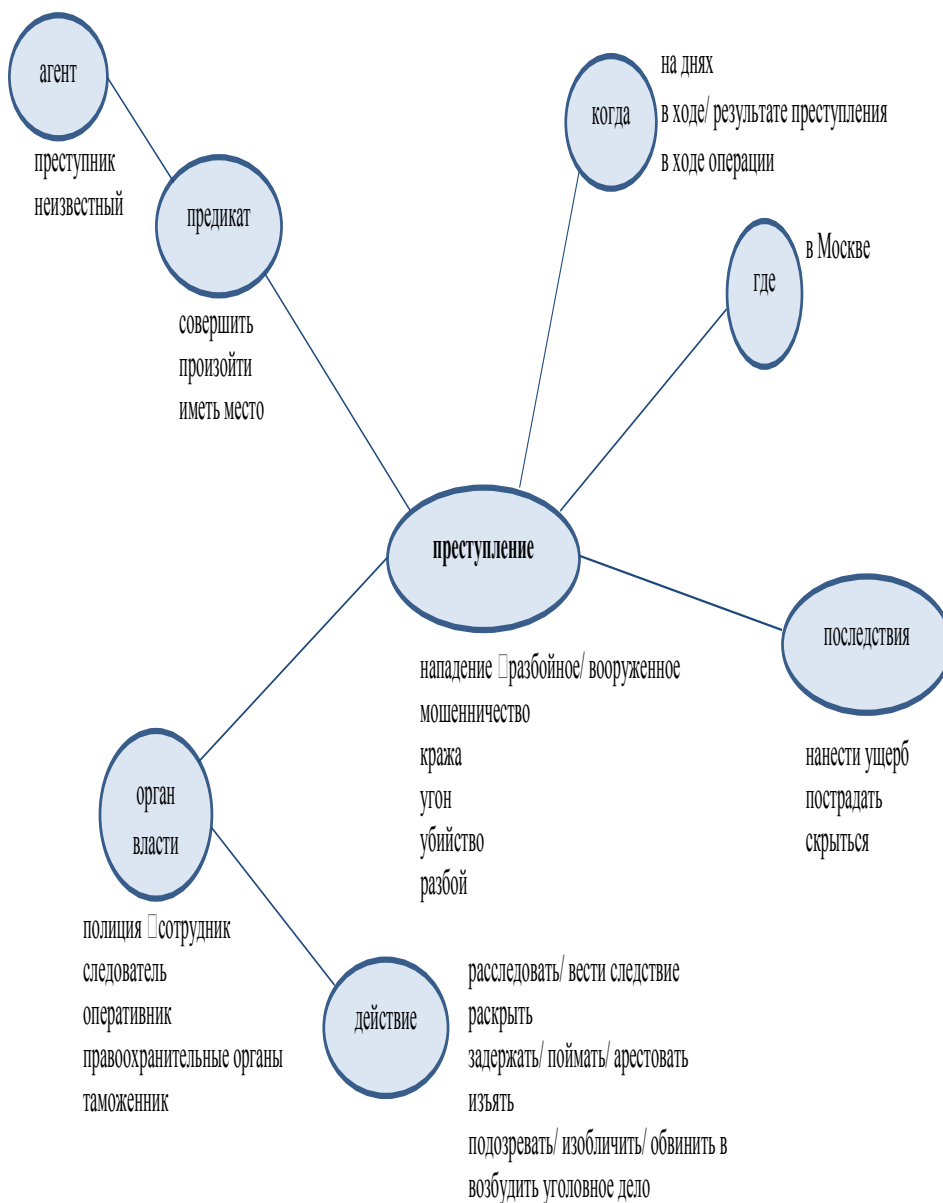
Приложение № 1. Общая «ментальная карта» на тему «преступность»:

Приложение № 2. Общая «ментальная карта» на тему «правосудие»:

Приложение № 3. «Ментальная карта» на тему «преступность» с конкретными лексемами:

ЙИНДРЖИХ КЕСНЕР

Чехия, Градец-Кралове

КОВАРСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛЕКСИКИ «ПОЧЕМУ ЧЕХИ И РУССКИЕ ИНОГДА НЕ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА»

ABSTRACT:

Trickiness of the Railway Lexicon

“Why the Czechs and the Russians Sometimes Do Not Understand Each Other”

One of the main issues from the point of view of the translation from Russian into Czech linked with the topic of “Railway Transport” is the vocabulary connected with the classification of railway carriages. The problems are caused first of all by that circumstance that the railway fleets on Russian and Czech railways are very dissimilar. Various possibilities of adequate translation of the names of different types of carriages for personal transport are presented in the article.

KEY WORDS:

Russian language – Czech language – translation – railway – carriage for personal transport – classification.

Одной из главных проблем с точки зрения перевода по теме «Железнодорожный транспорт» является лексика, связанная с классификацией железнодорожных вагонов. К данной теме мы подходим не с точки зрения специалиста по железнодорожному транспорту, а с точки зрения простого пользователя этим видом транспорта и с точки зрения переводчика, предоставляющего услуги такому клиенту. Это значит, что мы не будем заниматься переводом узко специализированной лексики. Мы попытаемся привести характерные черты разных типов пассажирских вагонов и поразмышлять над возможностями адекватного перевода русской лексики, связанной с этой темой, на чешский язык.

1. Сидячий вагон (межобластной) – это вагон с местами для сидения. Данную разновидность вагона чехи очень хорошо знают, поскольку это самая распространенная разновидность вагона в Чехии. Наоборот, в российских поездах, за исключением пригородных и высокоскоростных, сидячие вагоны встречаются не очень часто, поскольку россияне предпочитают путешествовать в разных типах спальных вагонов. Российские пассажиры, как правило, не-

сколько побаиваются путешествия в сидячем вагоне и очень часто в этом имеют не очень большой опыт. Об этом свидетельствуют и беседы в Интернете, в которых люди или делятся опытом путешествия в таком вагоне или, наоборот, стремятся получить информацию с целью принять решение, можно ли рискнуть ехать в таком вагоне или нет (см., напр., [Сидячий (межобластной) вагон. Места для сиденья. Расположение мест. Фотографии и описание пассажирского сидячего вагона]).

Интерьер современного сидячего вагона
[Вагон межобластной 61–532]

Как перевести словосочетание *сидячий вагон*? В отличие от носителя русского языка для чеха это основной тип вагона и, следовательно, как правило, он никак не отмечает тот факт, что вагон сидячий. Можем сказать и по-другому: для чеха сидячий вагон – это немаркированная сторона оппозиции *сидячий вагон – спальня* (в широком понимании). Поэтому во многих случаях данное словосочетание можно на чешский язык перевести просто как *osobní vagon*. Если же то обстоятельство, что вагон именно сидячий, релевантно с точки зрения коммуникации, можем, на наш взгляд, использовать словосочетание *osobní vagon s místy k sezení*.

2. Плацкартный вагон. Если чехи в подавляющем своем большинстве на российской железной дороге чего-то совсем не понимают, так это выражение *плацкартный вагон*, причем это непонимание вызвано сразу рядом причин.

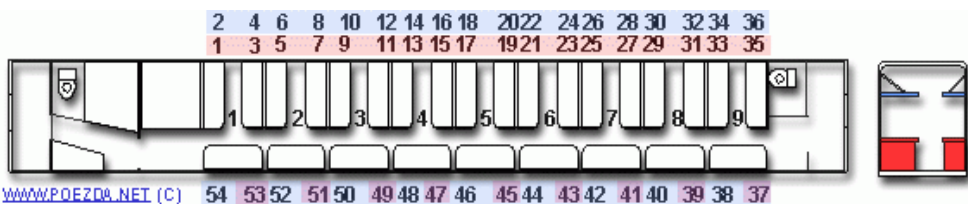
Первая из них связана с первой частью этого словосочетания, с согласованным определением *плацкартный*. Бесспорно, что данное прилагательное образовано от существительного *плацкарта* (*билет на определенное место*). Во всех нам доступных русско-чешских словарях оно и переводится как *místenka*, а производное слово *плацкартный* как *místekový* (*плацкартный билет – místekový lístek, místenka; плацкартное место – místo ve vlaku, na něž je putno mít místenku; плацкартный вагон – místekový vůz*). Такое толкование данного слова близко к его объяснению в 9 томе «Словаря современного русского литературного языка» 1959 года издания: «*Плацкартный – относящийся к плацкарте, с плацкартой. Плацкартный билет. // Предназначенный для*

пассажиров с плацкартным билетом. Плацкартный вагон». Причем плацкарта толкуется здесь как «дополнительная к проездному билету карточка, дающая пассажиру право пользоваться в вагоне нумерованным местом для лежания или для сидения» [Словарь современного русского литературного языка, т. 9 1959: 1348]. Тем не менее таким образом никто из современных россиян словосочетание *плацкартный вагон* не понимает. Это словосочетание в том значении, в котором используется в современном русском языке (не только обиходном, но и на сайтах организаций, специально занимающихся железнодорожным транспортом), объясняется, напр., в «Русском толковом словаре» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной: «*плацкартный вагон - жесткий, не купированный вагон со спальными местами*» [Лопатин, Лопатина 1994: 446].

Вторая причина неправильного восприятия чехами указанного словосочетания заключается в том, что ни в Чехии, ни, мы думаем, в соседних странах такого явления, как российский плацкартный вагон, нет, и чех только с трудом может представить себе спальный (в значении «не сидячий, а с полками для лежания») некупированный вагон.

Если россиянин скажет, что путешествовал в *плацкартном вагоне*, у чеха возникнет ложное представление, что он ехал в сидячем вагоне, для проезда в котором кроме билета необходимо купить еще и плацкарту. Слово *плацкартный* чех понимает только в этом значении (и данные в переводных и, как мы показали выше, и в некоторых толковых словарях русского языка его в правильности такого представления убеждают). Сидячий вагон представит себе в этом случае потому, что не знает спальных вагонов (в широком понимании этого словосочетания), в которые не нужно покупать плацкарты, и поэтому в чешском языке, как правило, у спальных вагонов это определение вообще не приводится, оно употребляется только по отношению к сидячим вагонам. Чешское словосочетание *místenkový vůz*, скорее всего, следует переводить с помощью перифразы примерно так: *вагон, в который кроме билета необходимо купить и плацкарту*.

Для большей наглядности приводим схему плацкартного вагона [**Схемы нумерации мест в пассажирских вагонах пост-советских железных дорог**] и фотографию его интерьера.

Интерьер плацкартного вагона [Расположение мест в плацкартном вагоне]

Для словосочетания *плацкартный вагон* можем, наверное, предложить опять перевод, основанный на перифразе – *lehátkový vůz s otevřenými kupé*.

3. Общий вагон. Общим называют плацкартный вагон, в котором пассажиры сидят по три человека на нижних полках, а верхние полки не используются [см., напр., Классификация вагонов в поездах РЖД]. Такой режим в плацкартных вагонах используется в поездах, идущих днем, а также для пассажиров, которые едут (напр., и ночью) на более короткие расстояния. Из сказанного вытекает, что это не особая разновидность вагона, а, скорее, особый способ использования плацкартного вагона. Без применения перифраза, кажется, здесь снова не обойдемся: *lehátkový vůz s otevřenými kupy upravený k sezení*.

4. Купейный вагон (купе). На работе находимся в одном кабинете с русской коллегой из Волгограда. Каждый год после ее возвращения из этого города мы обсуждали ее путешествие на поезде, и между нами происходил примерно такой странный разговор:

- *Галина Алексеевна, как вы путешествовали? Надеюсь, вы в Москву ехали в спальном вагоне?*

- *Нет, нет, в купе.*

- *Как, у вас не было места для лежания?*

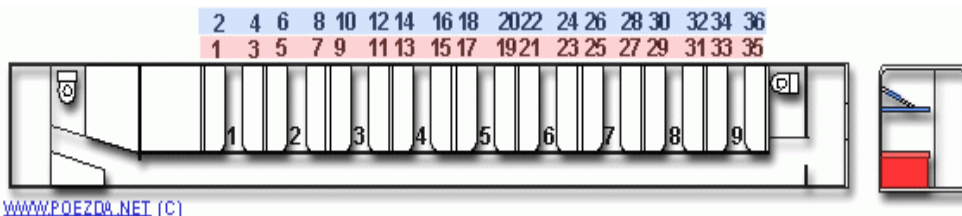
- *Как не было, конечно, было.*

- *Ммм, так что вы все-таки ехали в спальном вагоне?*

- *Нет, скорее в таком, в купе.*

В чем заключается причина нашего явного взаимонепонимания? А заключается в том, что словосочетание *купейный вагон* имеет два значения: 1. то же самое что и *купированный вагон*, т. е. любой вагон с купе (широкое значение); 2. разновидность спального вагона (в широком понимании этого словосочетания), которая отличается от плацкартного тем, что в нем нет боковых мест и что имеет закрываемые (и запираемые) купе (узкое значение). В каждом купе имеются с каждой стороны две полки, как в плацкартном вагоне. Именно в этом значении данное словосочетание употребляется в современном русском языке, причем не только в обиходной речи, но, например, и в речи представителей организаций, обеспечивающих железнодорожный транспорт и продажу

билетов. Купейный вагон комфортнее плацкартного вагона, но менее комфортен, чем СВ. Приводим схему такого вагона:

[Купе (вагон) и Купейный вагон. Расположение мест. Фотографии и описание купейного пассажирского вагона]

В связи с этим типом вагона чеху трудно привыкнуть к тому, что под обозначением *купейный вагон* россияне представляют себе именно этот тип вагона, а не любой вагон с купе (напр., сидячий или СВ). Ситуацию не упрощает также то обстоятельство, что слово *купе* носители языка употребляют и в метонимичном значении не только для обозначения одного четырехместного отсека в вагоне этого типа, но и для обозначения всего вагона. Следовательно, высказывание Галины Алексеевны «Я ехала в купе», следует понимать так: «Я ехала в купейном вагоне».

Интерьер купе купейного вагона, приготовленный к ночному проезду [Вагоны КУПЕ]

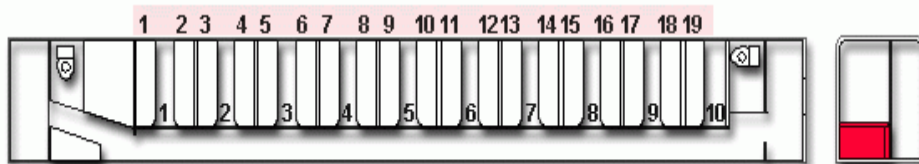
Купейным вагоном россиянин чаще всего считает также ту разновидность спального вагона (в широком понимании данного словосочетания), которая в Чехии является самой распространенной, т. е. разновидность с тремя полками в купе, которые расположены с одной стороны друг над другом. Несмотря на то, что на сайтах, которые приводят классификацию вагонов, такие вагоны чаще всего называются спальными (напр., [Схемы нумерации мест в пассажирских вагонах пост-советских железных дорог] или [Спальный вагон]), россиянин-неспециалист такой вагон, как правило, считает, как уже было сказано, купейным, а не спальным в узком понимании этого слово-

сочетания, т. к. в его представлении в спальном вагоне (в узком понимании) должны быть только две полки (реже одна), причем только внизу (см. ниже).

На чешских железных дорогах употребляются также *lehátkové vozy* с шестью полками в одном купе (с каждой стороны по три полки друг над другом, из них иногда одна из верхних полок не употребляется в качестве места для лежания, а предназначена как дополнительный отсек для багажа). Такой вагон россиянин, скорее всего, тоже назовет *купе*, однако в таком случае его всегда необходимо предупреждать, что купе шести- или пятиместное, т. к. для него это весьма необычно. Кстати, в актуальном прейскуранте компании ČD места не только в шестиместных, но и в четырехместных купе называются *lehátko*. *Lůžko* только в трех-, двух- и одноместных купе.

Перевод словосочетания *купейный вагон* или существительного *купе* в том же значении: *lehátkový vůz se čtyřmístnými kupé*. Перевод чешского словосочетания *lehátkový vůz*: *купейный вагон с пяти-/шестиместными купе*.

5. Спальный вагон (СВ, «Люкс»). Данный тип вагона Википедия характеризует как «спальный вагон повышенной комфортности». Само сокращение «СВ», которое русские, как правило, толкуют как «спальный вагон», в Википедии объясняется так: «Вообще говоря, сокращенное название СВ должно трактоваться более широко – купейные, плацкартные и общие вагоны тоже относятся к типу спальных. Но, дело в том, что аббревиатура СВ закрепилась исторически, и обозначала вагон для императорской свиты, то есть «свитской вагон», отсюда и СВ. От обычных купейных вагонов, – объясняет дальше Википедия, – отличается уровнем комфорта пассажиров (интерьер) и компоновкой купе – они 1, 2 или 3-местные.» [Спальный вагон] Вот так выглядит схема самого типичного (т.е. с двумя местами в купе, все полки нижние) спального вагона Российских железных дорог:

www.poezd08.net (С)

[Схемы нумерации мест в пассажирских вагонах пост-советских железных дорог]

Интерьер купе спального вагона [см. ниже, СВ (Спальный) вагон расположение мест. Двухместные купе. Фотографии и описание пассажирского СВ вагона]

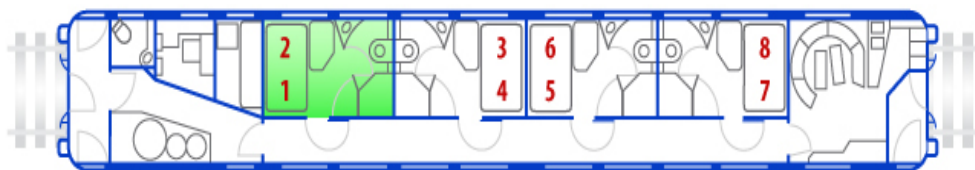

Разновидностью вагона категории СВ является современный **вагон СВ класса «Премиум»** с девятью купе. Каждое пассажирское купе оборудовано широкими диваном-кроватью, верхней полкой и многочисленными удобствами [см. Вагон СВ класса «Премиум» (9 купе)] Перевод: *спальный вагон – lůžkový vůz (s jedno-/dvou-/třílůžkovými kupé), вагон СВ класса «Премиум» - lůžkový vůz třídy Prémium.*

6. Мягкий вагон. Обозначение *жесткий* и *мягкий* употреблялось и раньше по отношению к сидячим вагонам разного типа. Словом *жесткий*, как правило, обозначались вагоны с деревянными сиденьями (*vačón s dřevěnými sedadly*), а словом *мягкий* вагоны с сиденьями с мягкой обивкой (*vačón s čalouněnými sedadly*). Эти термины используются также по отношению к автобусам. В настоящее время это понятие имеет отношение, прежде всего, к купейным вагонам. Полки в них могут быть или более жесткими, или более мягкими. Во втором случае вагон обозначается как *мягкий*. Спальные вагоны (СВ) все считаются *мягкими*. Перевод словосочетания *мягкий купейный вагон - lehátkový vůz se čtyřmístnými kupé s pohodlnějšími lehátky.*

7. Вагон класса «VIP» («Супер люкс»). Вагон класса «VIP» имеет 4–6 одноместных или двухместных купе с различными планировками и обстановкой. Размер купе приблизительно в 2 раза больше стандартного. В купе установлен диван, который раскладывается в полутораспальную – двухспальную кровать, чаще всего здесь установлена дополнительная верхняя спальная полка меньшего размера, имеется душевая кабинка и другие удобства. [Категории вагонов]

На сайтах Открытого акционерного общества «Торговый дом РЖД» такие вагоны (с четырьмя или пятью купе) обозначены как **«Люкс»** [Вагон пассажирский класса «Люкс» (5 купе) и Вагон пассажирский класса «Люкс» (4 купе + бар)], а в поезде-отеле 53/54 «Гранд Экспресс», курсирующем между Москвой и Санкт-Петербургом, обозначены как **«Гранд-де-Люкс»** [Гранд Экспресс]. Вот такое расположение мест в вагоне с четырьмя купе:

С точки зрения перевода здесь, кажется, проблем нет: *vagón třídy VIP (Super lux, Grand de lux)*.

Интерьер вагона «VIP» [Вагон класса «Премиум». Фотографии и описание пассажирского вагона класса «Премиум».]

8. Вагон-салон. На российских железных дорогах встречаются также вагоны-салоны различных типов. Поскольку подавляющего большинства пассажиров путешествие в таких вагонах не касается, мы не будем на этом месте заниматься их описанием. Что же касается перевода словосочетания вагон-салон, больших проблем здесь тоже нет: *вагон-салон – salónní vůz*.

В заключение еще раз повторим основные понятия, лексические и фразеологические единицы, которые их обозначают, и возможности их перевода:

сидячий/межобластной вагон – osobní vagón/osobní vagón s místy k sezení
купированный/купейный (в широком значении) вагон, вагон с купе – va-
gón s kupé/ oddíly

плацкартный вагон – lehátkový vůz s otevřenými kupé/oddíly

общий вагон – lehátkový vůz s otevřenými kupé/ oddíly upravený k sezení

купейный вагон (в узком понимании) – lehátkový vůz se čtyřmístnými kupé

купе – 1. kupé, oddíl; 2. totéž со купейный вагон (в узком понимании)

мягкий вагон – 1. vagón s čalouněnými sedadly; 2. lehátkový vůz se čtyřmístnými kupé s pohodlnějšími lehátky n. lůžkový vůz

жесткий вагон – 1. vagón s dřevěnými sedadly; 2. lehátkový vůz s méně pohodlnými lehátky

спальный вагон – lůžkový vůz (s jedno-třilůžkovými, zpravidla dvoulůžkovými kupé)

вагон-салон – salónní vůz

вагон-ресторан – jídelní vůz
lehátkový vůz – купейный вагон с четырех-шестиместными купе
místenkový vůz – вагон, в который кроме билета необходимо купить и
плацкарту

osobní vagón – пассажирский вагон
nákladní vagón – грузовой/товарный вагон

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1 – 17. (1950–1965). М. – Л.: Издательство Академии наук СССР.

ЛОПАТИН, В. В., ЛОПАТИНА, Л. Е. (1994): *Русский толковый словарь*. М.: Русский язык.

- Вагон класса «Премиум». Фотографии и описание пассажирского вагона класса «Премиум». In: Путешествие на поезде [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://rupoezd.ru/vagon/premium.php>
- Вагон межобластной 61–532. In: Открытое акционерное общество «Торговый дом РЖД» – уполномоченный торговый представитель предприятий ОАО «РЖД» [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://www.tdrzd.ru/activity/delivery/production/vagon/zao_vagonmash/61_532/
- Вагон пассажирский класса «Люкс» (4 купе + бар). In: Открытое акционерное общество «Торговый дом РЖД» – уполномоченный торговый представитель предприятий ОАО «РЖД» [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://www.tdrzd.ru/activity/delivery/production/vagon/luxe_4
- Вагон пассажирский класса «Люкс» (5 купе). In: Открытое акционерное общество «Торговый дом РЖД» – уполномоченный торговый представитель предприятий ОАО «РЖД» [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://www.tdrzd.ru/activity/delivery/production/vagon/luxe_5
- Вагон СВ класса «Премиум» (9 купе). In: Открытое акционерное общество «Торговый дом РЖД» – уполномоченный торговый представитель предприятий ОАО «РЖД» [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://www.tdrzd.ru/activity/delivery/production/vagon/premium_9
- Вагоны КУПЕ. In: mobiticket.Ru. Электронные билеты [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.mobiticket.ru/index.php?page=135>
- Вагоны Плацкарт. In: mobiticket.Ru. Электронные билеты [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.mobiticket.ru/index.php?page=137>
- Гранд де Люкс (1А). In: Гранд Экспресс [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.grandexpress.ru/train/scheme/grand-de-luxe/>
- Категории вагонов. In: РЖД [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://pass.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5163&
- Классификация вагонов в поездах РЖД. In: **Da-Travel** [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://da-travel.ru/services/classrjd/>
- Купе (вагон). In: Википедия. Свободная энциклопедия [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%B5_\(%D0%B2%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BD\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%B5_(%D0%B2%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BD))
- Купейный вагон. Расположение мест. Фотографии и описание купейного пассажирского вагона. In: Путешествие на поезде [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.rupoezd.ru/vagon/cupe.php>
- Плацкартный вагон. Расположение мест. Фотографии и описание пассажирского плацкартного вагона. In: Путешествие на поезде [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://rupoezd.ru/vagon/platskart.php>
- Подвижной состав РЖД. In: Википедия. Свободная энциклопедия [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E4%E2%E8%E6%ED%EE%E9_%F1%EE%F1%F2%E0%E2_%D0%C6%C4
- Поставка подвижного состава. In: Открытое акционерное общество «Торговый дом РЖД» – уполномоченный торговый представитель предприятий ОАО «РЖД» [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.tdrzd.ru/activity/delivery/>
- Расположение мест в вагонах. In: Куда-Откуда.RU [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: http://www.kuda-otkuda.ru/info_10.asp
- Расположение мест в плацкартном вагоне. In: Traveler. Мир, в котором мы живем [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.traveler-mir.com/tourist/raspolozhenie-mest-v-platskartnom-vagone>
- СВ (Спальный) вагон расположение мест. Двухместные купе. Фотографии и описание пассажирского СВ вагона. In: Путешествие на поезде [online, цит. 2013-10-15]. Доступно с: <http://www.rupoezd.ru/vagon/sv.php>

ЛЮБА МРОВЕЦОВА

Чехия, Острава

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ЛОЖЬ»/„LEŽ“ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

АБСТРАКТ:

In this paper we focus on the semantics of Russian and Czech proverbs containing the term «lie». In the first part we compare translations of several biblical proverbs into Russian and Czech. The second part presents the semantic classification and analysis of a sample of Russian and Czech proverbs obtained from two lexicographical sources. The applied method of comparative analysis enables determination of both universal and specific concepts and evaluations of «lie» in the proverbs of the two languages.

KEY WORDS:

Proverbs – «lie» – lexicographical sources – semantic classification – comparative analysis.

Особую роль в создании – языковой картины мира играют пословицы, представляющие один из самых древних жанров фольклора. Пословицы являются неотъемлемой составной частью культуры почти каждого этноса. Общепринято, что в пословицах отражается образ жизни определенных народов, их понимание закономерностей окружающего мира и специфика их народного менталитета. Немецкий философ, писатель-просветитель, И. Г. Гердер (1744–1803), уделявший значительное внимание изучению культуры, в частности фольклора славянских народов, назвал пословицы «зеркалом образа мыслей народа». По утверждению известного лексикографа и фольклориста В. И. Даля (1801–1872), «простой народ упорнее сберегает и хранит исконный быт свой, и в кости его есть и дурная, и хорошая сторона» [Даль 2: 7]. В связи с исследованием пословиц следует также упомянуть выдающегося российского фольклориста и филолога Г. Л. Пермякова (1919–1983), который в начале пятидесятых годов XX века предложил новый принцип систематизации паремий, позволяющий сопоставить паремии как в родственных, так и неродственных языках мира. Современный российский фольклорист и востоковед С. Ю. Неклюдов в статье «Российская фольклористика и структурно-семиотические иссле-

дования», текст которой размещен на веб-сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» [<http://ruthenia.ru/folklore/>], объясняет методику и классификационную систему Г. Л. Пермякова следующим образом: «Для этой цели были выработаны абстрактные классификаторы — своего рода «координатные оси» пословичных речений, а именно система формообразующих и предметно-тематических групп, построенных как ряды логических и семантических оппозиций».

В настоящей статье основное внимание сосредоточено на сравнительно-сопоставительном анализе семантики пословиц с компонентом «ложь»/„lež“, извлеченных из русских и чешских лексикографических источников с целью выявления лингвокультурологических сходств и различий.

Общеизвестно, что «ложь» представляет собой сложное социально-психологическое явление. Сущность, функции, цель и следствия «лжи» глубоко закодированы в подсознании каждого человека. Отношение ко «лжи» у людей начинает формироваться уже в раннем возрасте именно под влиянием сказок, воспитания родителей, родственников и учителей. Однако процесс познания сложности данного явления, разнообразия его форм, понимания сущности мотивации и причинных связей «лжи» продолжается в течение всей человеческой жизни. Подход общества ко лжи, частота проявления лжи в межличностных, социальных и политических отношениях у отдельных народов являются показателями уровня их нравственности и культурности. В последние три десятилетия в связи с различными проявлениями лжи, обмана, неправды, манипуляции как в социуме, так и в политике, экономике и культуре в глобальном масштабе феномен «ложь» стал актуальной и частой темой не только в межличностной коммуникации, но и в дискуссиях и текстах разных жанров СМИ.

Вследствие своей универсальности, наличия в различных ситуациях повседневной и социальной жизни, своей нравственной сущности и отношения к вечному сопернику, т.е. «правде» («истине»), «ложь» издавна служит объектом интереса теологов, философов, социологов, психологов, рассматривающих феноменологию «лжи» в разных аспектах. «Ложь» также является темой произведений художественной литературы, и само собой разумеется, жанров народного творчества, в том числе фразем и паремий различных культур мира.

Первые письменные сведения о «лжи», как о негативной черте человеческого характера, дает Библия, являющаяся древнейшей летописью мира и человечества. Отцом «лжи» называют в Библии Сатану (иногда дьявола), который в виде змея-искусителя прельстил первых созданных Богом людей, Адама и Еву, в дальнейшем обманувших Бога и вследствие этого изгнанных им из рая. Таким образом в Библии обосновывается, как и почему стала «ложь» общечеловеческим негативным явлением. В книгах Ветхого Завета можно отыскать большое количество нравоучительных поучений на тему «ложь». Посредством многочисленных переводов Библии почти на все языки мира многие из библейских изречений, притч и фразеологизмов, основанных на нравственно-этических нормах христианства, стали составной частью мирово-

го национально-фольклорного богатства, и до сих пор многие из них употребляются в трансформированном виде в пословицах разных народов мира.

Благодаря переводам Библии на русский и чешский языки нам предоставлена возможность сопоставить несколько примеров библейских изречений и пословиц-притч и таким образом показать сходства и различия в плане их содержания и выражения. История переводов Библии на отдельные языки мира, в том числе на русский и чешский, очень сложна, поэтому в дальнейшем мы ограничимся краткой информацией о некоторых нами рассматриваемых и используемых переводах на оба языка.

Первыми переводчиками Библии с греческого на старославянский язык были св. Кирилл и Мефодий в IX веке.¹ До сих пор при богослужениях в русской православной церкви используется перевод Библии под названием «Елизаветинская Библия»,² однако общепринятым переводом признан «Синодальный перевод»,³ язык которого в передаче священного подлинника считается более точным. В 2011 году вышел новый перевод Библии на русский язык.⁴

Среди чешских переводов Библии известен перевод Я. Гуса,⁵ сделавшего исправления в первом славянском переводе Библии и его последователей, издавших в 1475 году Новый Завет на чешском (богемском) языке. Первая полная Библия на чешском языке была напечатана в Праге в 1488 году под названием «Пражская Библия». До 2009 года в Чехии были доступны два полных перевода Библии: «Кралицкая Библия»⁶ и чешский экуменический перевод Библии,⁷

¹ Начало славянского перевода Священного Писания восходит к миссионерской деятельности святых Кирилла и Мефодия, которую братья осуществляли в западных славянских землях во второй половине IX в. В IX веке Кирилл и Мефодий перевели большую часть Библии с греческого на старославянский язык с помощью изобретенной ими славянской азбуки. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://joymylife.org.ua/bible/russian_bible_history.php.

² В 1751 году была издана церковнославянская Библия, так называемая «Елизаветинская», текст которой был сверен с древним греческим переводом - Септуагинтой. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.evangelie.ru/>

³ В 1876 году впервые вышла из печати полная русская Библия. Текст ее иногда называют «синодальным», так как она была издана под руководством Синода. Перевод осуществлялся под руководством Петербургской духовной академии. Книги Ветхого Завета переводились с древнееврейского текста. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t108290-11.html>

⁴ Это второй (после Синодальной Библии XIX века) полный перевод Библии на русский язык, осуществленный в России Российским Библейским Обществом. Работа над переводом длилась более 15 лет. Библия в современном русском переводе издана с краткими комментариями, позволяющими читателю лучше понять культурно-исторические и смысловые особенности библейского текста. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://christian.by/bibliya-sovremenniy-perevod.html>

⁵ Национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F3%F1_%DF%ED

⁶ Издана в 1579 году в южноморавской деревне Кралице. Ценность шеститомной «Кралицкой Библии» в том, что она считается наиболее удачным переводом Библии на чешский язык. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Кралица>

⁷ В связи с 400-летием «Кралицкой Библии» начал осуществляться экуменический чешский перевод Библии. Перевод на современный чешский занял у небольшой группы библеистов и богемистов 15 лет. Весь корпус составляет 16 томов. Параллельно вышел и общедоступный вариант этого издания. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://cs.wikipedia.org/wiki/Modern%C3%AD_%C4%8Desk%C3%A9_p%C5%99eklad%C5%99e_Bible

законченный в 1979 году. Последний перевод на современный чешский язык, названный «Библия Перевод 21 века» (сокр. «Библия21»), был закончен и издан в 2009 году.⁸

При сопоставительном анализе примеров библейских пословиц с ключевым компонентом «ложь»/„lež“ из вышеупомянутых русских и чешских переводов Библии в данной статье были использованы «Синодальный перевод Библии» на русский язык и чешский экуменический перевод Библии. Полезным для разъяснений нам также оказался «Толковый православный молитвослов».⁹

Первый пример сопоставления переводов взят из *Десяти Заповедей Божьих* (*Desatero Božích přikázání*), представляющих нравственные законы, данные Богом человечеству. В девятой Заповеди Бог запрещает всякую ложь. В «Толковом православном молитвослове» (По благословению Преосвященнейшего Тихона, Епископа Новосибирского и Томского)¹⁰ представлен следующий перевод девятой Заповеди на церковнославянском языке: *Не послушествуй на друга твоего **свидетельства лжна*** [Толковый православный молитвослов:40]. Текст девятой Заповеди по «Синодальному переводу Библии» на русском языке имеет более понятную форму: *Не произноси **ложного свидетельства** на ближнего твоего* [Библия Втор.5:6–21]. Первому русскому переводу отвечает следующий чешский эквивалент девятой Заповеди в экуменическом переводе Библии: *Nevydáš proti světu bližnímu **křivé svědectví*** [Bible, 81:Ex 20, 19–20], второму – так называемая катехизическая формулировка «Заповедей», предназначенная для практического употребления: *Nepromluvíš **křivého svědectví** proti bližnímu světu*. Переводы девятой Заповеди на русский и чешский языки полностью совпадают в плане содержания, а отличаются только в плане выражения. В чешских переводах употреблен вместо имеющегося в чешском языке прилагательного „lživý“ (эквивалент русского «ложный») его стилистически маркированный синоним „křivý“ (*křivé slovo, křivé svědectví = odchylující se od přímky, od plochy, od pravdy*). Вторым примером наличия пословиц в Библии нам послужило собрание нравственных по-

⁸ Перевод на современный чешский занял у небольшой группы библеистов и богемистов 15 лет. До сих пор в Чехии были доступны два перевода Библии – королевская Библия XVI века и чешский экуменический перевод, сделанный в 70-х годах XX века, сообщает интернет-издание Хай Вей.

Книга вышла тиражом 50 тыс. экземпляров и доступна в продаже во всех книжных магазинах Праги. С Библией можно ознакомиться на сайте www.bible21.cz [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: [http://old.cef.ru/3/a/7559/.16-го апреля 2009, 10:18:24](http://old.cef.ru/3/a/7559/.16-го%20апреля%202009,%2010:18:24).

⁹ Подробнейший сборник **православных** молитв с расставленными ударениями. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/ortpr1/Main.htm>

¹⁰ Воспроизводится по изданию: Толковый молитвенник (с объяснениями, составленными для народных училищ). Издание 12-е. Москва, 1914. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://azbyka.ru/tserkov/tserkovno-slavyanskiy/uchebnye_posobiya/tolkovy_pravoslavny_molitvoslov_01-all.shtml

учений (пословиц-притчей)¹¹ под названием «Книга Притчей Соломоновых»¹² (Kniha Přísloví krále Šalomouna), представляющих изречения, различные высказывания, советы, наблюдения, нравоучения и т.п. по извечным вопросам жизни. Некоторые из изречений, зафиксированных в «Книге Притчей Соломоновых», указывают на необходимость говорить правду, так как ложь для христианина (по Божьему закону) в любых проявлениях недопустима. Ниже приведены переводы нескольких по содержанию идентичных пословиц-притчей о лжи из «Книги Притчей Соломоновых» по Синодальному переводу Библии на русский язык и по экуменическому переводу на чешский язык.

1. *Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, **язык лживый** и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, **лжесвидетель, наговаривающий ложь** и сеющий раздор между братьями.* [Прит 6:16,17,18,19] // *Těchto šest věcí Hospodin nenávidí a sedmá je tu ohavností: přezíravé oči, **zrádný jazyk**, ruce, které prolévají nevinnou krev, srdce osnující ničemné plány, nohy rychle spěchající za zlem, **křivý svědek, který šíří lži**, a ten, kdo vyvolává mezi bratry sváry.* [Přísloví 6:16,17,18,19];
2. *Кто говорит то, что знает, тот говорит правду; а у **свидетеля ложного – обман.*** [Прит 12:17] // *Pravdomluvný člověk svědčí o pravdě, **křivopřísežník podvádí.*** [Přísloví 12:17];
3. *Уста правдивые вечно пребывают, а **лживый язык** – только на мгновение.* [Прит 12:19] // *Pravdomluvné rty obstojí navždy, **prolhaný jazyk jen krátký okamžik.*** [Přísloví 12:19];
4. *Мерзость пред Господом – **уста лживые**, а говорящие истину благоугодны Ему.* [Прит 12: 22] // ***Prolhané rty se Hospodinu hnusí, kdo žijí v pravdě, ti jej potěší.*** [Přísloví 12:22];
5. *Праведник ненавидит **ложное слово**, а нечестивый срамит и бесчестит себя.* [Прит 13:5] // *Spravedlivý nesnese **prolhané řeči**, darebák nestydatě šíří puch.* [Přísloví 13:5];
6. *Верный свидетель **не лжет**, а свидетель **ложный наговорит** много **лжи.*** [Прит 14:5] // *Čestný svědek **nepromluví lživě, křivopřísežník ale šíří klam.*** [Přísloví 14:5];
7. *Верный свидетель спасает души, а **лживый наговорит** много **лжи.*** [Прит 14:25] // *Pravdomluvný svědek může zachránit život, **podvodník ale šíří lež.*** [Přísloví 14:25];
8. *Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели [богатый] со*

¹¹Притча — «В религиозной и старой дидактической литературе: краткий иносказательный поучительный рассказ» (словарь Ожегова). Притча — «Рассказ, в иносказательной форме содержащий нравоучение» (словарь Ушакова). [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://sv-rasseniya.narod.ru/booki/Bible_Pictures/21.html

¹²Первоначально написан на еврейском языке, разбит на 31 главу и включает в себя 7 сборников, написанных стихами (гл. обр. двустигиями) [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Библиологический_словарь/Притчей_Соломоновых_Книга/

лживыми устами, и притом глупый [Прит 19:1] // *Lepší chudý poctivec než prolhaný pitomec*. [Přísloví 19:1];

9. **Лжесвидетель** не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется. [Прит 19:5]; **Лжесвидетель** не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, погибнет. [Прит.19:9] // **Křivopřísežník** trestu neujde, neunikne, kdo šíří lež. [Přísloví 19:5]; **Křivopřísežník** neujde trestu, kdo šíří klat, ten zahyne. [Přísloví 19:9];
10. **Лжесвидетель** погибнет; а человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда. [Прит.21:28] // **Falešný svědek** bídně zhyne; poslední slovo má, kdo umí naslouchat. [Přísloví 21:28].

В вышеприведенных примерах переводов притчей с компонентом слова «ложь» и его дериватами очевидно, что в большинстве из них «ложь» противопоставлена «правде», ее ценности и вечности («ложный свидетель»/«верному свидетелю», см. прим. 2, 5, 6, 7). В двух примерах указывается, что любая «ложь» неприемлема Богу и внушает ему отвращение (см. прим.1, 4), в следующих двух притчах «ложь» однозначно считается тяжким грехом, за который «лжисвидетель» должен быть осужден и наказан (см. прим. 9, 10). В одном изречении упоминается о непродолжительности и недолговечности лжи (см. прим. 3), в примере 8 сравнивается «беспорочность» бедного со «лживыми устами» глупого богатого. Особенностью пословиц-притч в «Книге притчей Соломоновых» является частая замена синонимических компонентов в изречениях и изменение в них порядка слов (см., напр., изречения 6,7). Сравнение переводов пословиц-притчей с точки зрения семантической адекватности показывает, что в чешском языке в отличие от русского существительное «ложь» и его дериваты чаще заменены их синонимами (*ложь = обман / lež = klat*; *язык лживый / zrádný jazyk, prolhaný jazyk*; *уста лживые / prolhané rty*; *лжесвидетель, свидетель ложный / křivý svědek, křivopřísežník, falešný svědek*; *наговаривающий ложь, наговорит много лжи, говорит ложь / šíří lži, šíří klat, šíří lež*) и в одном случае имеет место несовпадение в числе существительных (*ложное слово / prolhané řeči*).

Разумеется, на Библию опираются также различные богословские труды, сочинения теологов и философов. Первым и самым распространенным в европейской культуре стало определение «лжи» известного теолога-философа Августина Блаженного (лат. Augustinus Sanctus, полное имя Аврелий Августин, 354–430), наиболее подробно рассмотревшего вопрос об истине и лжи в двух специальных трактатах: «De mendacio» («О лжи») и «Contra mendacium» («Против лжи»). В литературе приводится следующее его определение «лжи»: **«ложь – это сказанное с желанием сказать ложь»**. Оно господствовало в западноевропейской философии и католической теологии до XIII века, когда многими философами было подвергнуто критике. В чешском языке перевод того же определения «лжи», видимо, отличается в синтаксическом плане: **„Lež spočívá v tom, že člověk říká nepravdu s úmyslem oklamat“**. [Sv. Augustin, De mendacio, 4, 5: PL 40,491]. Сравнивая оба перевода, можно заметить, что они имеют характер сентенции, однако употребление

придаточного предложения с активной конструкцией глагола делает чешский перевод более понятным.

Понимание и классификация феномена «ложь», а также подход к нему на протяжении веков закономерно менялись. Существует большое количество различных авторских определений и обсуждений лжи. С течением времени выделились два взгляда на «ложь», до сих пор признаваемые и обсуждаемые как в теоретической литературе, так и в межличностной коммуникации:

1. ложь – это моральный грех (первоначально, напр., Аврелий Августин, позже И. Кант и др.);

2. ложь иногда необходима для достижения определенных целей (первоначально, напр., Платон, позже Г. В. Гегель и др.).

В процессе анализа семантики русских и чешских пословиц с компонентом «ложь» было выявлено, что в пословицах представлены как трансформированные библейские изречения, так и обе вышеприведенные точки зрения, причем число пословиц с первой, т.е. негативной оценкой «лжи», существенно превышает количество пословиц с положительным, оправдывающим мнением.

Этимологические словари русского (напр., Фасмер М. Р. «Этимологический словарь русского языка») и чешского языков (напр., Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*; Rejzek, J. *Český etymologický slovník*) предоставляют сходную информацию об общеславянском происхождении обеих исследуемых лексем «ложь»/„lež“, их дериватов и соответствующих вариантов во всех славянских языках. Параллельно в публикациях приводятся данные о мотивирующем глаголе «лгать».

Лексема «ложь» имеет в обоих языках свои синонимы, также появляющиеся в пословицах и совместно с ней создающие структуру концепта «ложь». Словари русских синонимов (список приводится в Библиографии) перечисляют огромное количество (с разной частотой употребления) нейтральных и стилистически окрашенных синонимов лексемы «ложь», напр.: *неправда, обман, лганье, вранье, кривда, заблуждение, неточность, полуправда, измышления, выдумка, вздор, дезинформация, вымысел, жульничество, уловка, хитрость*; Разг. *враки* мн. Прост. *брехня, буки, туфта, чернушка, транда, треп, фуфло, лажа, чернуха, деза, дезуха, сказка, клюква, телега, кружева, загиб, лапша, бздо, мнимость, бабские забобоны, алате, нагон, загибон, апатэ, клевета, свист, частушки*. презр., *брех*, груб.-прост., презр. – ср. *небылица*, ант. *правда, истина*.

Словари чешских синонимов (список приводится в Библиографии) приводят небольшое число синонимов, существующих в чешском языке, т.е. *nepravda, myšlenka, smyšlenka, úmysl, klam, fikce*.

В авторитетных русских и чешских толковых словарях (список приводится в Библиографии) лексемы «ложь» трактуются через их синонимы: *намеренное искажение истины, «неправда», «обман» / nepravda; vědomá, úmyslná nepravda; vědomé zaměnění pravdivé skutečnosti za klamnou; vědomá nepravda; vědomě projevená nepravda; vědomě n. úmyslně projevená nepravda*.

Сопоставление этимологии, синонимических рядов и семантики словарных статей лексем «ложь»/„lež“ в анализируемых русских и чешских лексикографических источниках показывает, что их содержание в большей мере совпадает в этимологическом и семантическом планах, единственное различие заключается в более широком диапазоне русского синонимического ряда.

Пословицы народов мира имеют много общего, но наряду с этим существуют и специфические особенности, характеризующие колорит самобытной культуры определенного народа, его многовековую историю.

Целью последней части настоящей статьи является семантический анализ извлеченных из трех лексикографических источников (2 русских и 1 чешского) пословиц с компонентом «ложь»/„lež“, выделение логем¹³ (термин П. В. Чесноков: 1966) и выявление национально-культурной специфики. Материалом для анализа послужили русские пословицы из сборника «Пословицы русского народа» (1984, 1-е изд. в 1862 г.) и «Толкового словаря живого великорусского народа» (электронная версия) В. И. Даля, в котором встречаются пословицы с компонентом «ложь» в трех разделах одновременно с их синонимами («Неправда – Обман» 121–123; «Правда – Неправда – Ложь» 153–154; «Неправда – Ложь» 154–159). Чешские пословицы с компонентом „lež“ и его дериватами были отобраны из сборника паремистов Bittnerová D. – Schindler F. (Д. Биттнерова и Ф. Шиндлер), опубликованного в 1997 году под названием *Česká přísloví, Soudobý stav konce 20. století*. Сборник содержит 5738 фреквентных в современном чешском языке пословиц и афоризмов (включая пословицы, собранные чешским поэтом Ф. Л. Челаковским и изданные под названием *Mudrosloví národa slovanského v příslovích* (1852), и пословицы, собранные фольклористом Й. Спилкой в пол. XX в.), систематизированных авторами по методике Г. Л. Пермякова. Публикация предназначена прежде всего лингвистам, фольклористам и паремистам, исследующим проблематику сопоставительного анализа паремий. При выборке было нами найдено в работах В. И. Даля 92 пословицы с компонентом «ложь» (в том числе небольшое количество его дериватов) и 31 пословица чешского языка с компонентом „lež“ (включая небольшое количество его дериватов).

Анализируя пословицы из выборки вышеприведенных источников обеих народных культур, уже на первом этапе исследования мы установили различия не только в количестве пословиц с ключевым компонентом «ложь»/„lež“ в русском и чешском народных творчествах, но также в количестве совпадающих полностью логем в обоих сопоставляемых культурах.

Проанализировав нами отобранный небольшой корпус русских и чешских пословиц с исследуемыми компонентами, мы решили распределить пословицы

¹³ Логико-семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремистическом фонде. Однако следует учитывать, что сведение паремий в логемы осуществимо только в общем виде вследствие возможности различных субъективных восприятий пословичной семантики [Савенкова 2002: 46,112].

по семантическому принципу с целью выявления сходных и различных логем и числа полностью, частично эквивалентных и безэквивалентных (т.е. в каждой культуре единичных) пословиц. Собранные и проанализированные нами примеры русских и чешских пословиц с эквивалентными лексемами «ложь»/„lež“ позволяют выделить следующие семантические группы.

1. Ложь тесно связана с человеком, она живуча, всегда была, есть и будет

В народном культурном сознании русского христианина ложь считается тяжким грехом, связанным с грехопадением первых людей. Тем не менее, с тех пор она стала для человека (людей) довольно естественной. В Библии есть изречение *Всякий человек лжив*. [Рим. 3:4], которое в трансформированном виде приводится в произведениях В. И. Даля: *Всяк человек ложь и мы тож* [Даль Пословицы русского народа: 154, далее ПРН]. *Всяку ложь к себе прилож*. [Даль Толковый словарь живого великорусского языка, далее ТС]. В списках русских пословиц о «лжи», которых появляется в поисковых системах рунета довольно много, нам удалось найти варианты данной пословицы: *Всяк человек ложь, и я тож. Все люди ложь, и мы тож. Ко всякой лжи свое приложи!* Безмерность лжи и ее последствия выражают следующие пословицы: *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь*. [Даль ПРН: 155] В анализируемом списке чешских пословиц находится только одна по смыслу частично эквивалентная пословица: *Člověk se ve světě bez lhaní nevobejde*. [Bittnerová, Schindler 94: 2741 из сборника Спилки, далее СБС].

2. Одна ложь порождает другую

В Библии приводится, что Ева и Адам солгали два раза, и вследствие того люди вынуждены лгать «тысячу и один раз», чтобы скрыть их первую ложь. В русском фольклоре, в отличие от чешского, имеется довольно много пословиц (в чешском только одна), высказывающих факт повторяемости «лжи». Идентичны по семантике и структуре пословицы: *Ложь ложью погоняет*. [Даль ПРН: 159]. // *Jedna lež plodí druhou*. [Bittnerová, Schindler 26: 367 СБС]. Однако лишь в русском языке встречаются переводы иностранных пословиц, где «ложь» не только повторяется, но даже растет и развивается: *Маленькая ложь ведет за собой большую* (вар. *Маленькая ложь за собой большую ведет*). Данная логема представлена в русском фольклоре также другими семантически близкими пословицами, как, например, *Лгать не устать, было б кому слушать*. [Даль ПРН: 159] (вар. *Лгать не устать, не устали б слушать или: лишь бы верили*). *Лгать, так людей обегать*. [Даль ПРН: 159] *Многим солгал, да и нам правды не сказал*. [Даль ПРН: 156]

3. Ложь часто сопровождают другие пороки, такие как кража, хвастовство, лицемерие

В обеих культурах существуют идентичные пословицы, полностью совпадающие по смыслу и структуре: *Кто лжет, тот и крадет*. [Даль: 159, далее ПРН] // *Kdo lže, ten kradе*. [Bittnerová, Schindler 15: 11, из сборника Челаковского, далее СБЧ]. В данной логеме можно выделить три сублогемы. В

обеих культурах выделяется сублогема «ложь и кража – богатые, старые, молодые», в которую можно зачислить частичные по смыслу пословицы, напр., *Богатому красть, а старому лгать, одинаково кстати.* [Даль ТС] // *Snadno bohatému krásti, a starému lháti.* [Bittnerová, Schindler 75: 2019 СбЧ] *Молодому лгать вредно, старому непотребно.* [Даль ПРН: 159] // *Mladý lhář, starý zloděj.* [Bittnerová, Schindler, 58: 1428 СбЧ]. Вторая сублогема, «ложь – хвастовство» (только в чешском фольклоре), представлена пословицами *Kdo mnoho mluví, lže anebo se chlubí.* [Bittnerová, Schindler 75: 2019 СбЧ], *Chlouby s pytel a s lži dva.* [Bittnerová, Schindler 58: 4159 СбЧ], наоборот третья сублогема «ложь – бедность, нищета», объясняющая причины «лганья», находится только в русском народном творчестве: *Бедность крадет, а нужда лжет. Не я лгу, мошна лжет. Нужда не ложь, а поставит на то жь, т. е. заставит солгать.* [Даль ТС].

4. Ложь недолговечна, всякая ложь однажды откроется

В пословицах обоих народов (чаще в русских) повторяется мысль о временной продолжительности «лжи», она рано или поздно распознается: *Ложь не живуца, вранью (или: небылице) короткий век.* [Даль ПРН: 159] *Ложь до исправы. Ложь стоит до улики.* [Даль ПРН: 159, Даль ТС] *Ложь стоит до правды. Рать стоит до мира, ложь до правды. Ложь (или неправда) доводит до правды, т. е. уличает.* [Даль ПРН: 152, Даль ТС] Другие пословицы той же логемы имеют метафорический характер и выражают слабость и неустойчивость «лжи» при помощи экспрессивных словосочетаний, напр., *Ложь на тараканьих ножках (прибавка: того гляди подломатся).* [Даль ТС]. Среди чешских пословиц до сих пор очень фреквентна и популярна пословица: *Lež má krátké nohy, daleko neujde/nedojde.* [Bittnerová, Schindler 18: 121, из сборника Bittnerová, Schindler, далее СбБШ]. Большинство народов употребляет ее полную параллель, напр., русские знают пословицу *У лжи короткие ноги*, хотя В. И. Даль ее в своих работах не приводит. В чешском языке существуют трансформы вышеприведенной пословицы: *Lež má plytké dno.* [Bittnerová, Schindler 74: 2010 СбЧ]. *Ve lži stálosti není.* [Bittnerová, Schindler 130:4060 СбЧ], в которых выражена неустойчивость «лжи» при помощи стилистически нейтральных прилагательных: *krátké nohy, plytké dno*, обозначающих размер и глубину. В фольклоре многих народов, включая русский, существует довольно много пословиц с основным компонентом «нога» или дериватами: «ножка», «ножки», иногда вместе с качественными прилагательными «гнилые», «глиняные» характеризуют также признак слабости: *Ложь на одной ноге стоит, а правда на двух. Ложь безь ногь (не удержится). У лжи ногь неть (она прозвучить, но не устоитъ). Ложь на гнилых ногах ходит.* (вар. *Ложь на глиняных ножках ходит*). В. И. Даль, приводимые выше пословицы, в свои работы не включил. В чешском списке есть еще другие по сематическому признаку близкие пословицы данной логемы: *Chromého psa a lháře snadno dohoniti.* [Bittnerová, Schindler 102: 3020, СбЧ] и *Pravda na světlo vychází, lež do tmy zachází.* [Bittnerová, Schindler 79: 2192 СбС], аналогичные пословицы иностранного происхождения (*Лгуна легче догнать,*

чемь хромого. Ложь света боится.русский.) народ знает, однако в сборнике В. И. Даля их нет.

5. Лгать легко, но человек всегда что-то теряет или же его ждет неизбежная расплата

В пословицах данной группы содержатся высказывания о негативных последствиях «лжи». В обоих языках существует одна идентичная пословица: *Ложью свет пройдешь, да назад не вернешься.* [Даль ТС] // *Lží celý svět projdeš, ale zpátky se nedostaneš.* [Bittnerová, Schindler 116: 3554 СбС]. Только в чешском сборнике приводятся аналогичные по смыслу пословицы: *Lží se nevyžřeš.* [Bittnerová, Schindler 66: 170 СбЧ] *Ze lži lidé neumírají, jenže potom víry nemají.* [Bittnerová, Schindler 163: 5249 СбС].

6. Лгать легко, без совести, даже не краснея

Русская пословица *Он лжет по-печатному (по-газетному)* [Даль ПРН: 157] имеет полный эквивалент в чешском языке: *Lže, jako když tiskne* [Bittnerová, Schindler, СбЧ] (чешский вар. *Lže jako Rudé právo* употреблялся в 90-ые годы XX в. после «бархатной революции»; в некоторых чешских материалах он связывается с критическим высказыванием чешского поэта и журналиста XIX в. К. Н. Borovského (К. Г. Бороского) в связи с обманчивыми текстами журналистов). Более экспрессивно выражается та же мысль в частично эквивалентных пословицах: *Он лжет во всю губу.* [Даль ПРН: 157] // *Lže, až se ti od huby (úst) práší (kouří).* [Martincová 1953]. Довольно много пословиц и поговорок, входящих в данную логему, являются по своей структуре сравнениями с наличием сравнительных частиц: *Лжет, как на чулочках (салазках) подгору катится. Лжет, инно сани трещат!* [Даль ТС] *Лгать, так людей обегать.* [Даль ПРН: 159] *Что слово; то и ложь.* [Даль ПРН: 157], *Солгать, что облупленное яичко съест.* [Даль ПРН: 156]. В чешском языке «ложь» часто приравнивается к персонажам или нациям, в сознании чехов символизирующим «больших лгунов»: *Lže jako baron Prášil. Lže jako Turek. Lže jako cikán.* Существуют также чешские поговорки, выражающие действие «лганья» метафорически, как, например, *Kdo říká prej, ten vrdlouže* (= *v hrdlo lže.*) [Bittnerová, Schindler, 163:5251 СбС] *Opřádat síti lží.* В народной чешской песне *Ovčáci čtveráci* приравнивается интенсивность «лжи» к высоте башни: *To je lež jako věž.* Среди пословиц о лжи, приводимых В.И. Далем есть пословицы, которые напоминают о физиологических реакциях людей, произносящих ложь: некоторые люди, говоря неправду, испытывают вину и стыд, что вызывает у них покраснение лица: *Лыгнул, да и покраснел.* [Даль ТС], наоборот о людях без совести, привыкших лгать часто, говорят пословицы тождественной структуры с отрицательной формой глагольного сказуемого: *Лыгнул, да и не покраснел. Он лжет и не краснеет.* [Даль ТС] В сборнике чешских пословиц эквивалент русских пословиц данной семантики не указан, однако чехи знают по смыслу сходные поговорки: *Lže, ani se nezačervená. Lže ani okem nemrkne,* которые дают метафорическую характеристику беззастенчивой «лжи».

7. Разоблаченная ложь порождает недоверие

Пословицы данной логемы находятся только в русских сборниках и подтверждают известную мысль, что лгать человеку легко, но затем трудно изменить мнение о себе и не остаться в памяти людей «лжецом». Тот, кто лжет, теряет свое нравственное достоинство и часто навсегда лишается доверия людей: *Раз солгал, а на век лгуном стал.* [Даль ПРН: 153] (вар. *Раз солгал, а век веры не имут. Один раз солгал, другой раз не поверят. Однажды солгал – на век лгуном стал.*) *Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают.* [Даль ПРН: 153] (вар. *Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят.*) *Солжешь сегодня, не поверят и завтра.* [Даль ПРН: 153] // *Kdo včera lhal, tomu i zítra se nevěří.* [Bittnerová, Schindler 58: 1427 СбЧ] *Kdo rád lže, toho za přátele míti nelze.* [Bittnerová, Schindler 102: 302 СбЧ]. В двух чешских пословицах утверждается, что лгать на расстоянии, не напрямую, гораздо легче: *Na vzdálenost se lže dobře.* [Bittnerová, Schindler 163: 5250 СбС] *Zdaleka příšlým snadno lháti.* [Bittnerová, Schindler 130: 4063 СбЧ].

8. Ложь ассоциируется в русских паремиях с грехом, правда («истина») закон Божий

Любая правда предпочтительнее лжи, правда является законом Божиим. Ложь рассматривается как один из пороков человека, как грех *Всякая неправда есть грех.* [Иоан. 5, 17] (далее см. выше прим. из Книги притчей Соломоновых). В данной логеме выделяется группа паремий, представляющих собой конструкции, в которых главный член предложения выражен глаголом в повелительном наклонении: *Живи не ложью, будет по Божьи. Делай не ложью, все выйдет по Божьи. Ложь грех а лжецы получают по заслугам, От Бога дождь от дьявола, ложь.* Чешский народ создал только одну пословицу данной семантической группы: *I pěkně lháti jest hřích.* [Bittnerová, Schindler 102: 3023 СбЧ]. В одной чешской пословице подчеркиваются последствия лганья: *Kdo lže, do pekla klouže.* [Bittnerová, Schindler 69: 1823 СбС].

9. Ложь допустима для выяснения правды

В пословицах данной логемы говорится о «лжи» как о антитезе правды. Русский народ знает довольно много пословиц, выражающих данную мысль. В списке пословиц из собраний В. И. Даля приводятся следующие: *Ложь стоит до правды. Рать стоит до мира, ложь до правды. Ложь (или неправда) доводит до правды (т.е. уличает).* [Даль ПРН:152] *Ложь до исправы. Ложь стоит до улики.* [Даль ПРН: 159] *Лжей много, а правда одна.* (вар. *Лжи много, а правда одна.*) *Ложью как хошь верти, а правде путь один.* [Даль ПРН: 151] *Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдет.* [Даль ПРН: 153] *Не солгать, так и правды не сказать.* [Даль ПРН: 155] Однако народу известны также по семантике близки варианты иностранного происхождения, как: *Не будь правды, не стало бы и лжи. Не было бы лжи, не было бы и правды. Если хочешь помочь правде, подружись с ложью.* Некоторые пословицы представляют своим семантическим признаком сублогемы данной темы, так как они устанавливают, что в жизни нет «абсолютной лжи»: *В каждой лжи есть*

доля правды. И ложь правдою статься может. Ложь также допускается в качестве остроумного, меткого выражения, в русском языке т.наз. «красного слова»: *Хвастуну грош за красную ложь.* (вар. *Вот тебе грош за красную ложь.*) Чешские эквиваленты пословиц с тождественной семантикой в чешском сборнике пословиц не найдены.

10. Лгать самому себе

Чешские пословицы утверждают, что «ложь» одновременно может коснуться в негативном аспекте самого «лжеца»: *Lhát si do vlastní kapsy. Lžeš-li jinému, lžeš tím sám sobě.* [Bittnerová, Schindler 116: 3556 СБС]. *Každý lhář lže na svou hlavu.* [Bittnerová, Schindler 130: 4062 СБЧ]. В русском сборнике В. И. Даля пословицы данной логемы не указаны.

11. Лгать выгодно для успеха и благополучия

Иногда с ложью легче и выгоднее жить. Данная логема содержится только в одной русской пословице: *Не обманешь - не продашь.*

Заключение

Проведенное исследование пословиц с компонентами «ложь»/„lež“ позволило выявить и проиллюстрировать на примерах русских и чешских пословиц национально-специфические особенности восприятия феномена «ложь» в обеих культурах. В общем можно установить, что в пословицах обеих культур в большей мере фиксируется негативная оценка «лжи». В русском языке наиболее широко представлена группа пословиц-трансформов библейских изречений с ярко выраженным моральным осуждением «лжи» и нравственным превосходством «правды» («истины») над «ложью». В их основе лежат чаще чем в чешских пословицах метафорические образы, связанные с грехом, грехопадением и законами Божьими. Для русского народа характерно богатство модификаций пословиц о «лжи» и также более эмоциональное отношение к феномену «ложь». Понимание лжи в русской культуре имеет оценочный характер, отношение чехов ко «лжи», наоборот, более прагматично и высказывания о «лжи» более лаконичны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Bible, Písmo svaté Starého a Nového zákona. Podle ekumenického vydání z r. 1985. Česká biblická společnost. Praha: Vyd. Svoboda, 1985.
- Příruční slovník jazyka českého (1935–1957) Redakce: Oldřich Hujer, Emil Smetánka, Miloš Weingart, Bohuslav Havránek, Vladimír Šmilauer, Alois Získal.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost Autoři: kolektiv autorů, Josef Filipec. Praha: Academia, 1994.
- Slovník spisovného jazyka českého Za vedení B. Havránka (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky.
- BEČKA, J. V. (1982): *Slovník synonym a frazeologizmů*, Praha: Novinář.
- MACHEK, V. (1997): *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Nakladatelství Lidové noviny.
- REJZEK, J. (2002): *Český etymologický slovník*. Praha: Leda.
- TRÁVNÍČEK, F. (1952): *Slovník jazyka českého*. Praha.
- BITTNEROVÁ, D., SCHINDLER, F. (2003): *Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století*. Praha: Nakladatelství Karolinum.
- MARTINKOVÁ, M. (1953): *Rusko-český frazeologický slovník*. Praha: SPN.
- МОКИЖЕНКО, В. М., WURM, A. (2002): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- STĚPANOVA, L. I. (2004): *Česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- STĚPANOVA, L. I. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého.

- STĚPANOVA, L. I., MOKIJKENKO, V. M. (2008): *Ruská frazeologie pro Čechy*. Русская фразеология для чехов. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- АНИКИН, В. П. (1957): *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя*. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- БИБЛИЯ, М. (2011): Рос. Библейское о-во.
- ДАЛЬ, В. И. (1984): *Пословицы русского народа в двух томах*. Москва: Художественная литература, 1984.
- ДАЛЬ, В. И.: *Толковый словарь русского языка* электронная версия, Доступно: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=14809>.
- ФАСМЕР, М. (1987): *Этимологический словарь русского языка*: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс.
- ДУБРОВИНА, К. Н.: *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*, Доступно: <http://providenie.narod.ru/0001/0001104.html#t5>.
- КОТОВА, М. Ю. (2003): *Паремнологический минимум русского языка в сопоставлении с чешским* str. 148–156, in: *Bohemistyka*, 2, ISSN 1642-9893, Доступно: bohemistyka.pl/artykuly/2003/ART_Kotowa.pdf.
- НЕКЛУДОВ, С. Ю.: *Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования*. Веб-сайт: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Доступно: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekladov9.htm>.
- ПЕРМЯКОВ, Г. Л. (1988): *Основы структурной паремнологии*, М.: Наука, Главная редакция восточной литературы 1988, Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока PDF. Доступно: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4249197>.
- ПЕРМЯКОВ, Г. Л. (2001): *Пословицы и поговорки народов Востока*. М.: Лабиринт.
- САВЕНКОВА, Л. Б. (2002): *Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та. – 240 с. Выходные данные: Д.Ю. Полиниченко. Концепт «язык» в английской паремнологии // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 26. – М.: МАКС Пресс, 2004. Доступно: <http://lincon.narod.ru/language.htm>
- ШАНСКИЙ Н. М., ИВАНОВ В. В., ШАНСКАЯ Т. В. (1975): *Краткий этимологический словарь русского языка*, под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение.
- ШАНСКИЙ, Н. М. (2007): *Лексикология современного русского языка*. М.: Издательство ЛКИ.
- Словарь синонимов русского языка: Справочное пособие, АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

- ABC slovník českých synonym – on-line hledání [online]. [cit. 2012-11-05].
Dostupné z: www.slovník-synonym.cz/web.php/slovo/kakabus.
- Česká biblická společnost. Bible on-line český ekumenický překlad. Genesis 4 [online]. [cit. 201 vyd. Novinář. 2-10-15]. Dostupné z: <http://www.10zapovedi.ru/zapovedi/9.htm>
<http://www.bibletv.cz/desatero-vysvetleni>; www.bible.net.cz/app/bible/Gen/chapter/4;jsessionid=xp-8skbrk2.
- http://modernlib.ru/books/zavet_vethiy/kniga_pritchey_solomonovih/read/http://modernlib.ru/books/zavet_vethiy/kniga_pritchey_solomonovih/read/.
- http://azbyka.ru/tserkov/tserkovnoslavjanskij/uchebnye_posobiya/tolkovy_pravoslavny_molitvoslov_10-all.shtml.
- <http://studystuff.ru/articles/perevod-i-religiya.-shedevryi-biblejskix-perevodov.html>.
- <http://slovari.yandex.ru/>

ОЛЬГА УСЕНКО

Чехия, Оломоуц

РОЛЬ СУБЪЕКТИВИЗМА ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

ABSTRACT:**The Role of Subjectivity of the Interpreter in Consecutive Interpreting**

The article deals with one of psychological aspects of the interpreter which defines level of his professionalism. In addition to the linguistic knowledge it is necessary to be possessed of impartiality as one of the features that may influence not only the information being in exchange but relations between the parties. Within the paper we discuss the role of the neutral position of the interpreter, nature of subjectivity, and training methods to lower the degree of its influence.

KEY WORDS:

Psychological aspect – subjectivity – perception degree – interpretation.

Данная статья посвящена такой важной психологической составляющей личности переводчика как субъективизм в процессе выполнения перевода. В статье мы предлагаем рассмотреть процесс перевода и роль субъективизма при передаче материала, его природу и возможные механизмы работы с ним для повышения уровня объективности при выполнении работы.

Перевод играл с давних времен важную роль в обществе, потому входил в круг интересов литературоведов, психологов, этнографов, историков и лингвистов. Вместе с тем попытки создать научную дисциплину, нацеленную на описание и анализ этого сложного и противоречивого феномена, имеют сравнительно непродолжительную историю [Сорокина 2008: 3].

Перевод как объект, изучаемый теорией перевода, по мнению Н. К. Гарбовского, может иметь следующее определение: «Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической

деятельности билингва¹ по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении от одного коммуниканта другому» [Гарбовский 2004: 214].

Переводчик является важным звеном при передаче информации между носителями разных языков. Рабочие языки, стиль, сложность, уровень взаимоотношения участников переговорного процесса не отменяют и не снижают важность его фигуры. Не так давно переводческая деятельность была регламентирована, ее рамки и характеристики получили четкое определение.

Согласно Комиссарову [Комиссаров 2002: 150] при описании процесса перевода обычно говорят о восприятии текста и его воспроизведении, т.е. выделяют два этапа процесса перевода: «...этапа понимания и этапа собственно перевода, создания текста на другом языке».

На целостность понимания исходного смысла или успешность интерпретации влияют следующие факторы: знание языка оригинала, знание грамматики исходного и целевого языка, знание лексических оборотов и идиоматических выражений, а так же знание тематики оригинала.

По замечанию Е.В. Бреус, «в теоретическом и языковедческом плане переводоведение тяготеет к социолингвистике, психоллингвистике, сопоставительному языкознанию, грамматике текста и касается таких важных разделов науки о языке, как язык и мышление, язык и картина мира, язык и культура» [Бреус 1998: 3].

На данный момент мы можем рассматривать как лингвистическую, так и нелингвистическую составляющую, в данном случае, процесса устного перевода. Нельзя не отметить и разобрать качества самого переводчика, необходимые для выполнения работы, не зависящие от вида перевода, рабочих языков и т.д.

Среди профессиональных навыков важно отметить психологическую подготовку переводчика. То, о чем речь пойдет далее, зачастую является частью такого качества как самоконтроль. Для воссоздания полной картины интересующих нас характеристик переводчика, предлагаю обратиться к так называемому моральному кодексу переводчика [Алексеева 2000], исходя из которого:

1. Переводчик есть транслятор.
2. Из этого следует, что текст для переводчика неприкосновенен.
3. При переводе переводчик с помощью известных ему профессиональных действий всегда стремится передать в максимальной мере инвариант исходного текста.

1 Н. К. Гарбовский в данном высказывании под билингвом подразумевает искусственного билингва «чаще всего выпускника языкового вуза, для которого один язык является родным, второй – приобретенным» [Гасек 2011: 2]

4. Если не оговорено иное, переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста и т.д.

(Кодекс приведен без учета пунктов, указывающих требования к переводчику, наделенному дипломатическими полномочиями, и не относящихся к нашему вопросу.)

Для рассмотрения поставленного вопроса, предлагаем остановиться на последнем из перечисленных выше пунктов, то есть соблюдении нейтральной позиции транслятора.

Иллюстрацией может служить практически любой случай перевода текста с обценной лексикой. В процессе перевода, слыша подобный оригинальный текст, переводчик обязан воспроизвести ее, найдя эквивалент в языке перевода, соответствующий по сложности, смыслу и силе. Исключение составляют случаи, когда переводчик наделен функцией дипломата.

Языковая личность, от которой исходит речевой акт, то есть отдельный говорящий человек, при вступлении в коммуникативный процесс, может, наряду с вербальными средствами общения, использовать и невербальные (жесты, мимику лица, движения глаз и всего тела), чем также определяется субъективный характер поведения данного субъекта. В описанных условиях, при осуществлении передачи информации на языке перевода, транслятору рекомендовано максимально абстрагироваться от всего, что не несет дополнительной смысловой нагрузки.

Работа в некоторых сферах жизни также влияет на потенциальное поведение переводчика, что фиксируется специалистами по оценке перевода. Согласно результатам: переводчик, работающий в социальной сфере, не всегда беспристрастен. Проявляет активное участие в коммуникации, не ограничивается переводом высказываний, но управляет ситуацией вербального взаимодействия: задает вопросы, уточняет, соглашается, утешает, убеждает, обвиняет, лжет, отрицает» [Merlini, Favaron 2003: 205–229].

Деятельность социального переводчика может представлять собой пять вариантов поведения:

- 1) активное участие: переводчик выступает в качестве третьего участника коммуникации и может оказывать влияние на ее результат и условия;
- 2) оказание услуги: переводчик играет роль «помощника»;
- 3) проведение культурологических переговоров: переводчик объясняет и смягчает культурные различия;
- 4) поддержка: переводчик защищает слабого и избегает неравенства;
- 5) примирение: переводчик делает все для того, чтобы стороны пришли к согласию.

Так, например, судебный переводчик оказывает помощь участникам судебного процесса, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства, в разъяснении их процессуальных прав, помогает делать заявления, составлять ходатайства, давать объяснения и показания по делу, знакомиться с материалами уголовного дела, приносить жалобы, выступать в суде [Шевелев

2008: 3]. Линейный же переводчик², по образному выражению Р. К. Миньяр-Белоручева, «это переводчик-нянька, который обязан опекать своего или своих подопечных, попавших в незнакомую языковую среду» [Поршнева 2007: 149–169].

Согласно Алексеевой, на начальном этапе профессиональной подготовки достаточной является выработка позиции транслятора. Работа над остальными компонентами, некоторые из них следуют ниже, проводится позже:

- переводческое поведение (этикет, который предполагает определенную манеру поведения, что исключает некорректное обращение с участниками речевого процесса, такое как отворачивание от оратора, излишне корректное, что тоже вносит изменения в рабочий процесс, избыточную жестикуляцию, мимику и под.)

- переводческая речь (требования к речи переводчика высоки и не допускают невнятного произношения, произнесения сорных звуков, например «э-э-э», сорных слов «значит», «вот», «просто», подачу нескольких вариантов перевода одной языковой единицы и т.д.).

Переводчик как транслятор являет собой нейтральную личность, не вносящую своим вербальным и невербальным поведением искажения в речевой процесс, посему не проявляет реакцию на эмоциональное содержание слов оратора, речь которого он переводит, ничем не выдает своего мнения по поводу переводимого текста, своего отношения к личностям говорящих.

Прежде чем разбирать возможные механизмы работы переводчика с собой как личностью, необходимо понять природу такого качества, присущего каждому человеку, как субъективизм, так как именно он может стать преградой в профессиональном становлении переводчика.

На данный момент понятие субъективизм имеет несколько значений, одно из которых гласит, что субъективизм — это точка зрения, которая учитывает только одного человека [по Ожегову, Шведовой 1949–1992].

Для выделения субъективизма в системе позиций перцепции, рассмотрим их все, опираясь на мнение психологов ресурса www.psychologos.ru. Наша точка зрения — одна из трех умственных позиций: первая позиция — ассоциирован с самим собой; вторая позиция — с точки зрения другого человека; третья позиция — с внешней точки зрения по отношению ко всем людям в данной ситуации [Мостицкий 2005–2012].

Когда человек живет осмысленно, он развивает (и активно использует) следующие пять позиций восприятия:

Первая. Восприятие человеком ситуации и всего происходящего с точки зрения своей личной позиции, своей картины мира и своих личных интересов.

Вторая. Взгляд на ситуацию глазами другой стороны, с точки зрения его картины мира и его интересов.

² Ср. параллельные термины на английском: *accompanying interpreter*, на чешском: *doprovodné tlumočení*. (примечание автора)

Третья. Объективный взгляд на себя и ситуацию, взгляд со стороны, позиция стороннего наблюдателя.

Четвёртая. Стратегический, системный и в то же время личный взгляд, восприятие себя и остальных как частей одной системы.

Пятая. Позиция восприятия себя с функциями, относящимися к сфере помощи и опеки [Козлов 2013].

Согласно психологам, субъективизм (относящийся к первой позиции восприятия) сопровождается, наряду с положительными, также и такими проявлениями, как категоричность, эмоциональное искажение картины ситуации, восприятие ситуации, не дополненное взглядами других людей, лишённое объема, злоупотребление двойным стандартом, эгоизм и так называемое Я-канье). В процессе взросления человек отбрасывает большую часть признаков субъективизма путем усиления контроля над собственными реакциями, суждениями, оценками и т.д. То, что остается в зрелой личности и редко попадает под наш критичный взгляд, как требующее истребления, – это влияние Яканья. Зачастую оно сводится к минимуму человеком, который занимается повышением уровня владения языком в принципе, но глубокая привязка «Я – моя речь» остается.

На начальных этапах подготовки к переводческой профессии человек находится в стрессе, в частности, по причине того, что происходит отторжение себя и своей точки зрения от произносимого материала. Зачастую, при использовании формулы с употреблением глагола в первом лице единственного числа, человек автоматически переключается на восприятие произносимого им текста как идущего от него лично.

Главным психологическим механизмом, срабатывающим при речевой деятельности, является сравнение своего восприятия, на основе которого человек делает выводы и выносит оценки, с контекстом.

Разберем механизм выработки суждений [Акимова 2005], которые впоследствии определяют наше восприятие текста, что влияет на степень объективности при работе с речевым проявлением.

В основе личностного восприятия лежат суждения, сформировавшиеся под влиянием первичного впечатления, из чего следует, что контекст событий или касающаяся их информация предопределяет интерпретацию каждого конкретного индивидуума. Именно сравнение с контекстом влияет на формирование личностных суждений, а последние, в свою очередь, отражаются на поведении. Помимо сравнения с контекстом, в механизме выработки суждения также играет роль сравнение с прошлым опытом, социальное сравнение, конформность, проявляющаяся в перенимании интерпретаций других личностей, их оценок, суждений и принятие их за собственные. Обобщая, можно утверждать, что в основе индивидуальных интерпретаций всего, с чем встречается человек, лежит его прошлый опыт.

Итак, люди активно интерпретируют ситуации и события, а не просто воспринимают их, и с этим связаны различия их поведения в одинаковых условиях среды. Кроме того, следует понимать, что субъективные интерпретации че-

ловека могут меняться, и потому один и тот же человек о двух идентичных ситуациях в разное время нередко судит по-разному.

Приведем тому пример: при переговорах между банками относительно выкупа доли депозитных средств с участием молодого человека-переводчика были отмечены случаи получения разного качества перевода в зависимости от личностей, участвующих в переговорном процессе. В случае его работы с мужчинами среднего возраста качество было выше, чем при работе с привлекательными женщинами возраста 28-35 лет.

Резюмируя, стоит отметить, что субъективизм, формирующийся опытом, неизбежно, подсознательно влияет на интерпретацию, а затем и на реакцию, произвольную или непроизвольную, человека на ситуацию. Переводчику, в первую очередь являющемуся личностью с общечеловеческим устройством психики, в силу повышенных требований, задаваемых профессиональным кодексом, требуется больше усилий для преодоления закономерных механизмов «сигнал-интерпретация-реакция» и выработки жесткого самоконтроля для достижения достаточного уровня квалификации.

Так как наши реакции, не только речевые, но и поведенческие, мимические, невольно выражают наше отношение к рабочему материалу, личностям, участвующим в процессе передачи информации в той или иной роли, подготовка к переводческой деятельности также должна включать механизмы работы с восприятием любого материала для понижения порога чувствительности.

Нередко переводчик, сознательно – в худшем случае, бессознательно – в лучшем, искажает фактическую истину и извращает логические приемы мысли из чувства несоответствия содержания или формы моделям, используемым им самим.

Рассмотрим следующий случай. Когда один из видных советских политических деятелей вел светскую беседу со своим иностранным коллегой, ему был задан вопрос: «*Какую живопись Вы предпочитаете?*» Он, не задумываясь, ответил буквально следующее: «*Люблю картины с собаками и обнаженными женщинами* (последнее смягчено автором)». Переводчик же, учитывая высокий статус собеседников, перевел: «*Предпочитаю живопись фламандских мастеров*». Нельзя не отдать дань эрудированности переводчика, но все же подобный перевод вполне может быть квалифицирован как искажающий форму высказывания, влияющий на ход переговорного, даже если неформального, процесса, что, в свою очередь, является признаком непрофессионализма. В данном случае мы можем предположить, что переводчик был наделен дипломатической функцией. В случае ненаделения переводчика дипломатической функцией, может ли он, безусловно, из лучших побуждений, «приукрашить» высказывание?

Субъективизм чаще всего проявляется в изменении формы материала, так как изменение содержания уже относится к грубому нарушению. Но и форма, согласно вышеприведенным моральным принципам переводчика, не должна претерпеть изменения во избежание вмешательства в отношения сторон.

Рассмотрим следующую ситуацию. Переводчику широкого профиля по специализации (то есть не судебному переводчику) была предложена работа с устным речевым проявлением в условиях судебного заседания, на котором рассматривалось дело человека, подозреваемого в сутенерстве с привлечением к предоставлению сексуальных услуг несовершеннолетних. Ввиду того, что следствие ведется несколько месяцев, подозреваемый проявлял явные признаки нервозности. При зачитывании председателем материалов дела, слово «*проститутка*» переводчик заменял на «*женщину легкого поведения*», «*бордель*» на «*место предоставления секс-услуг*» и т.д. По причине несоблюдения регламента перевода (судья не делает паузы для перевода), переводчику не остается времени на использование деликатных и корректных формулировок и в переводе начинают быть использованы прямые эквиваленты. Это вызывает незамедлительную резкую реакцию подсудимого по отношению к судье, так как счел изменение терминологического аппарата за изменившийся тон с признаками предвзятого отношения.

Поведение транслятора в данной ситуации, характеризующееся применением непрямого эквивалента, хоть и синонимичного, расценивается как искажение формы, что возымело влияние на взаимоотношения сторон, то есть, нарушена такая важная составляющая профессионального поведения переводчика, как нейтральная позиция.

С точки зрения практической работы с субъективизмом, механизмами являются самоконтроль, повышение толерантности к явлениям, суждениям, людям, а также конкретные техники развития третьей и четвертой позицией восприятия, объективного взгляда и системного соответственно.

В сравнении с первой позицией восприятия, третья убирает субъективность, душевность, эмоциональность, предполагает абстрагирование, умение определить критерии быстрой оценки себя и ситуации, развитие логического, критического мышления. Происходит процесс десубъективизации, формируется объективно-объектное отношение, что становится основой речевых и поведенческих реакций, делая их в большей степени адекватными. Четвертая позиция предполагает развитие системного, стратегического и одновременно личного взгляда с учетом анализа взаимосвязей и перспектив. В ее рамках закладывается такая категория как социальная ответственность.

Одной из техник выработки последовательного и объективного взгляда на себя со стороны является так называемая «речь в третьем лице». Примером личного речевого проявления может служить следующая схема: о себе мы говорим «я», а о других — «они». Упражнение «речь в третьем лице», заключается в том, чтобы говорить о себе как о человеке постороннем, в третьем лице, что снимает субъективность личного отношения и дает возможность отнестись к себе объективно. Современные психологи располагают набором технологий по работе с личностью, куда входят и техники десубъективизации речевого проявления.

Зрелая личность в разных ситуациях использует соответствующие им позиции восприятия и не ограничивается одной из них. Уровень субъективизма об-

условлен не лишь степенью зрелости, но и возрастом, полом, социальным статусом.

Несовершенное владение собой как личностью может стать преградой на пути профессионального становления переводчика. Рост переводчика заключается в постоянной работе над собой не только в плане владения языком, расширения кругозора, повышения культуры речи и поведения, но и глубокой проработке себя как личности с применением техник, предлагаемых психологами. Таким образом, переводчик пресекает возможное развитие черт, которые могут негативно отразиться на качестве выполняемой им работы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АКИМОВА, М. К. (2005): *Психологическая диагностика*. Санкт-Петербург.
- АЛЕКСЕЕВА, И. С. (2000): *Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей*. Институт иностранных языков. Санкт-Петербург.
- БРЕУС, Е. В. (1998): *Основы теории и практики перевода с русского языка на английский*. Москва.
- ГАРБОВСКИЙ, Н. К. (2004): *Теория перевода*. Москва.
- ГАСЕК, Б. Г. (2011): *Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки)*. В: Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия. Материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск, с. 1-10.
- КОЗЛОВ, Н. И. (2013): *Позиции восприятия*. Интернет-портал <http://www.psychologos.ru>. 2013
- КОМИССАРОВ, В. Н. (2002): *Современное переводоведение*. Москва.
- МОСТИЦКИЙ, И. (2005–2012) *Универсальный дополнительный практический толковый словарь*. Интернет-портал http://mostitsky_universal.academic.ru. 2013
- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1949–1992): *Толковый словарь Ожегова*. Москва.
- ПОРШНЕВА, Е. Р. (2007): *Подготовка к устному переводу при обучении иностранному языку* // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков. Устный перевод: материалы науч.-метод. конф. Пермь.
- СОРОКИНА Э. А. (2008): *Теория перевода (История отечественного перевода)*. Москва.
- ШЕВЕЛЕВ, И. А. (2008): *Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе в России*: автореф. дис. канд. юрид. наук. Волгоград.
- MERLINI, R., FAVARON, R. (2003): *Community interpreting: reconciliation through power management* // The Interpreter Newsletter. N.12. Trieste.

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

Польша, Ополе

ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВАРЬ И ФРАЗЕОЛОГИЯ «ОТРАСЛЕВЫХ ЯЗЫКОВ»

ABSTRACT:

Translation Dictionary and the Phraseology of “Professional Languages”

All graduates in the new subject “foreign languages in tourism” must acquire a skill at translating easily texts representing such genres as travel guides, brochures, historical narrative, etc. Whereas an analysis of the largest translation Polish-Russian dictionary has shown that typical collocations, phrases and phrasemes are completely absent from it. The author discusses the language status of these word combinations, which with reference to the general ethnic language seem to be momentary constructs of individual authors. However, in relation to “professional languages” (i.e. historical narrative) they turn out to be fixed reproducible language units. Their equivalents in the target language are not a product of the translator’s work but they are reproduced units ready to be used and should be added to translation dictionaries as such.

KEY WORDS:

Phraseology – reproducibility – special languages – translation dictionary – foreign language teaching.

С приходом в Опольский университет первых студентов новой специальности «иностранные языки в туризме» встал вопрос о текстах, которые выпускникам этой специальности в их будущей работе придется создавать на русском и других языках, а также о той помощи, которой они вправе ожидать от создателей переводных словарей. Основные практические обязанности наших выпускников в их будущей профессии – встретить иностранных гостей, организовать им ночлег, питание и транспорт, провести с ними экскурсию по городу и окрестности, рассказать об их истории и настоящем, свести гостей в музей (в закрытом помещении или под открытым небом), в памятные места, провести их на вокзал или в аэропорт, составить текст для рекламного проспекта или путеводителя по городу.

Требуются ли для этого специальные языковые навыки? Для преподавателя за этим вопросом скрывается проблема более основательная: какому (русскому) языку он должен обучать своих студентов? Общелитературному? Специальному? Какому-то смежному коду?

Наше коммуникативное пространство заполнено большим количеством кодов, обеспечивающих общение внутри многочисленных общностей: региональных, социальных, профессиональных, гендерных, имущественных, возрастных, групп, объединенных различными интересами и т.д. Общение и взаимопонимание между такими группами и общностями обеспечивает общий этнический код, именуемый польским (русским, чешским и т.д.) языком. Этот «сверхкод» определяется иногда как этнолект, групповые же коды – как региолекты, диалекты, социолекты, профессионалекты и т.д., причем многочисленные «лекты» более частного порядка даже не дождались еще своего собственного названия. В русской переводоведческой терминологии такие субкоды называют иногда «малыми подсистемами языка» [Нелюбин 2003: 104], в польской – «специальными языками» [Małachowicz 2005]; мы, за неимением более подходящего термина, назовем их «отраслевыми языками». Они служат общению в таких, например, частных областях, как названные выше «организация приезда/отъезда туристических групп», «осмотр города», «посещение музея», «турпоход», «ориентация на местности», «реклама и экономика туризма» и т.п.

Из положения о том, что даже такие частные, как вышеназванные, очень узкие сферы коммуникации обслуживаются *своими* языками (субъязыками, субкодами, лектами), вытекают существенные практические последствия, среди которых важнее всего следующее: данные «малые подсистемы» образуются *своими* единицами языка (однолексемными и многолексемными единицами «отраслевых языков»). Отметим, что в польской лингвистике под «единицей языка» подразумевается готовый строевой элемент (под)системы языка, отложившийся в ней в устоявшейся уже форме слова, словосочетания или фразы и поэтому воспроизводимый (репродуцируемый) в определенных ситуациях общения именно в этом заданном (под)системой виде: в виде «репродукта» [Chlebda (ed.) 2011]. Чаще всего, однако, когда говорят о «единицах языка», подразумевают систему языка в общем, в целом, систему этнолекта. На наш взгляд, однако, в ее рамках существуют и микросистемы «отраслевых языков» со своими одно- и многолексемными единицами. Это значит, на практике, что некоторая последовательность слов, которая по отношению к системе этнолекта может и не быть единицей языка (в смысле своей заданности и репродуцируемости), может быть многолексемным «репродуктом» по отношению к данному отраслевому языку.

Такие цепочки слов легко обнаружить в текстах, которые создаются в жанрах названных «частных областей» общения, в нашем случае – в путеводителях, «памятках туристу», рекламных проспектах и буклетах, брошюрах по истории тех или иных мест, схемах города и их легендах и в других изданиях, которые можно найти в центрах туристической информации [Mosaż 2011]. Если сопоставить друг с другом тексты одного жанра – напр., путеводители по городу, – нетрудно обнаружить в них целые серии многолексемных образований, которые регулярно повторяются от текста к тексту в одной и той же форме, выполняя тем самым критерий воспроизводимости (репродуцируемости), а значит, и критерий быть репродуктом, многолексемной единицей (отрасле-

вого) языка. Для путеводителей, знакомящих туристов с историей города или региона, это такие, например, сочетания слов, как: **принять крещение из рук кого-н., отречься от престола в пользу кого-н., длиться непрерывно в течение скольких веков, к тому времени (и с того времени), при короле каком, со смертью кого, где дошло до открытого конфликта между кем и кем, кто отразил превосходящие силы противника, кто одержал полную победу над кем, по чему перекатывались массы беженцев, где росло недовольство чем, чей род угас, о чём (или о ком) сохранилось мало известий, кого скосили голод и болезни, первое письменное упоминание о чем относится к какому веку, с возникновением чего связан ряд легенд** и сотни подобных. Заметим, что это отнюдь не узкоспециальная терминология: все названные словосочетания – единицы если не активных, то во всяком случае пассивных ресурсов языка любого человека со средним образованием.

Отметим также, что в историческом повествовании названные словосочетания воспроизводятся не только в определенном составе компонентов, т.е. не только в данном лексическом облике, но и с данным порядком компонентов, более того – чаще всего и в данной грамматической форме. Для многочисленных сочетаний такого рода даже трудно (а порой и невозможно) образовать привычную для словарей инфинитивную форму (напр., для **чей род угас, по чему перекатывались массы беженцев, где росло недовольство чем** и т.д.). Обе отмеченные особенности имеют свои последствия для методики обучения русскому (и любому другому) языку и для лексикографии – как переводной, так и одноязычной.

Если словосочетания названного типа – это, как уже было сказано, единицы по меньшей мере пассивных ресурсов языка любого человека со средним образованием, то они должны входить в словники общих переводных словарей типа «больших» (одноязычные словари мы в этом анализе оставим в стороне). Был рассмотрен *Wielki słownik polsko-rosyjski* под редакцией Яна Вавжинчика [Wawrzyńczyk (ed.) 2005; в дальнейшем – БПРС], названный Государственным научным издательством «самым обширным сегодня словарем по количеству словарных статей, содержащим самый большой выбор современной общей лексики, а также разговорных и специальных терминов из разных областей». Верификации подверглись 70 польских словосочетаний, которые регулярно употребляются авторами путеводителей в рассказах по истории тех или иных земель и которые были нами включены в словник раздела «История пограничных областей» в словаре *Настольный польско-русский идиоматикон* [Chlebda (ed.) 2013]. Для проверки были отобраны такие словосочетания, русские эквиваленты которых были нам неизвестны или в адекватности которых мы не были уверены. Проверка проводилась по каждому полнозначному компоненту словосочетания, а результаты заносились в рабочую таблицу; ср. ее фрагмент:

Проверка отмечаемости репродуктов отраслевого языка «исторический нарратив» в *Большом польско-русском словаре* под ред. Яна Вавжинчика [WAWRZYŃCZYK 2005]:

Польская единица	Русский эквивалент в БПРС	Рабочие замечания
akcja odwetowa	-	Brak pod akcja; pod odwetowy wyłącznie реваншистский .
akcja wysiedleńcza	-	Brak pod akcja; brak hasła wysiedleńczy .
bogato zdobiony	-	Brak hasła zdobiony .
bracia polscy [arianie]	-	Brak też hasła arianie .
dom panujący	-	
dopuścić się: <i>кто dopuścił się gwałtów</i>	-	
dziesiątkować: <i>kogo dziesiątkuje głód i choroby</i>	-	Jest hasło dziesiątkować – перебивать
klęska nieurodzaju	-	
król: <i>za króla jakiego</i>	-	
krótkowzroczna polityka	-	Brak też jednostki dalekowzroczna polityka .
krużganek klasztorny	-	Brak hasła krużganek .
masowe wywózki ludności	-	Jest jedynie: wywózka – вывозка bez informacji o znaczeniu (o jaką lub czego wywózkę chodzi).
morowe powietrze	-	Morowy wyłącznie w znaczeniu ‘równy, fajny’ (morowy chłop).
mur: w obrębie murów miejskich	-	Brak jednostki mury miejskie (jest wyłącznie mur – стена).
nadać komu przywilej	-	
nalot dywanowy	-	Pod dywanowy : ковровый (bez komentarza semantycznego).
namiestnik cesarza	-	Brak hasła namiestnik .
nawiedzać: <i>co nawiedziła plaga czego</i>	-	
niedobitki armii <i>jakiej</i>	-	Brak też hasła niedobitki .
niezdobyta twierdza	-	Brak też hasła niezdobyty .
obiekt poprzemysłowy	-	Brak też hasła poprzemysłowy .
oddać: <i>кто oddał głowę pod topór / miecz</i>	-	
odeprzeć: <i>кто odparł przeważające siły wroga</i>	-	Brak też jednostek: przeważające siły wroga oraz siły wroga .
odradzać się: <i>gdzie odradzało się życie</i>	-	Pod odradzać się podano jedynie: перерождаться (обновляться).
otruć: <i>кто został podstępnie otruty</i>	-	Pod podstępnie podano wyłącznie: исподтишка .
plaga szarańczy	-	
początek: <i>do początku którego wieku</i>	-	Jest jedynie od początku wieku .
podnieść się: <i>кто podniósł się po klęsce</i>	-	
podpisać: <i>кто подписал volkslistę</i>	-	Brak hasła volkslista .
pójść: <i>кто poszedł na szaber</i>	-	

Как видно, в «самом обширном сегодня» переводном словаре не удалось найти ни одного русского эквивалента для 70 отобранных словосочетаний польского языка (хотя словарь Вавжинчика фиксирует, естественно, не только лексику, но и устойчивые словосочетания). По всей видимости, вид-

ный польский лексикограф не счел устойчивыми словосочетания: *gdzie rosło niezadowolenie z czego, wraz ze śmiercią kogo, gdzie doszło do otwartego konfliktu między kim i kim, kto odparł przeważające siły wroga, czyj ród wygasł* (в русском языке: *где росло недовольство чем, со смертью кого, где дошло до открытого конфликта между кем и кем, кто отразил превосходящие силы противника, чей род угас*); иными словами, пользователь словаря вправе считать, что это такие выражения, которые образуются простым сложением компонентов, а в переводе – простым сложением эквивалентов отдельных слов (напр., *atak* → *атака* + *zbrojny* → *вооружённый* = *atak zbrojny* → *вооружённая атака*).

В одних случаях результат такого сложения совпадает с единицей русского языка, в других случаях – нет. Допустим, нам нужен эквивалент польского словосочетания *kogo zdziętkował głód i choroby*. Производим поиск по словам: *głód* → *голод*, *choroba* → *болезнь*, *zdziętkować* → (у Вавжинчика) *перебить*. Сложение этих эквивалентов приводит к выражению **кого перебили голод и болезнью*, занесение которого в браузер Google.ru вызывает ответ «Искомая комбинация слов нигде не встречается» (адекватный эквивалент – *кто был подкошен голодом и болезнями*). Другой пример: ищем эквивалент для польского оборота *kto dokonał przeglądu wojsk*. В словаре Вавжинчика, кроме очевидного эквивалента слова *wojsko* (*войско*), находим словосочетание *dokonać przeglądu czego* – *обозреть*. Но сложение найденных в словаре эквивалентов приводит к сомнительному сочетанию **кто обозрел войска* (вместо принятого *кто провёл/произвёл смотр войск*).

Проблема состоит не в том, что нельзя провести границу между теми польскими словосочетаниями, пословный перевод которых приносит выражение, совпадающее с подлинной единицей русского языка, и теми, пословный перевод которых (сложение эквивалентов отдельных слов) приносит ложный русский эквивалент. Проблема в том, что такие выражения, как *кто провёл смотр войск, кто был подкошен голодом и болезнями, вооружённая атака* и им подобные отнюдь не являются результатом пословного перевода соответствующих польских выражений! Они возникли не как продукты переводной деятельности, а как переводные репродукты; иными словами, выражения типа *кто провёл смотр войск, кто был подкошен голодом и болезнями*, короткое *со смертью кого* и пространное *первое письменное упоминание о чем относится к какому веку* уже существуют в русском языке именно в этой, заданной системой «отраслевого языка», форме, вследствие чего они должны переводчиком репродуцироваться, а не слепаться из подбираемых на ходу компонентов.

Сказанное относится, на наш взгляд, и к словосочетаниям, устойчивость (и репродуцируемость) которых может вызывать сомнение. Есть лексикографы, которые согласятся с тем, что словосочетание *przyjąć chrzest* (*принять крещение*) устойчиво, но *kto przyjął chrzest z rąk kogo* (*кто принял крещение из рук кого*)? Устойчив оборот *dojść do konfliktu* (*дойти до конфликта*), но *gdzie doszło do otwartego konfliktu między kim i kim* (*где дошло*

до открытого конфликта между кем и кем)? Воспроизводимы ли *кто вернул чему прежде великолепие?* Или *кто отразил превосходящие силы противника?* Не являются ли такие выражения индивидуальными образованиями, авторскими распространительными операциями на элементарных оборотах *кто принял крещение, кто отразил что?* А если авторскими, индивидуальными – то и не заслуживающими чести попасть в словарь?

На наш взгляд, здесь и обнаруживается смысл выделения кроме этнолекта и лектов «общего порядка» также и малых «отраслевых языков». Именно «отраслевые языки» – при всей условности их выделения и размытости, или интуитивности, их определения – образуют те плоскости отнесения, к которым преподаватель иностранного языка и лексикограф должны относить те или иные последовательности слов и оценивать их репродуцируемость. Обороты *кто принял крещение из рук кого, кто отразил превосходящие силы противника, кто вернул чему прежде великолепие*, может быть, и не устойчивы по отношению к общему русскому языку и не репродуцируются «вообще». Но человек никогда не говорит «вообще», а всегда в конкретных, данных ситуациях – и по отношению к таким ситуациям, в которых человек переключается на определенный «отраслевой язык» (в данном случае – на язык повествования об истории памятных мест и их настоящем облике), названные словосочетания и устойчивы, и воспроизводимы. Характерно в этом контексте, что при запросе *siły wroga* (*силы противника*) Google.pl приносит 284 тысячи ответов, если же вписать в окошко запросов *przeważające siły wroga* (*превосходящие силы противника*), браузер приносит миллион 270 тысяч ответов – в пять раз больше, хотя, казалось бы, такой более «детальный» вариант должен встречаться реже (не иначе и в русском Интернете: для оборота *силы противника* – 1 880 тыс. ответов, для *превосходящие силы противника* – 3 770 тыс.).

Вопрос, по отношению к чему определяется устойчивость и воспроизводимость вербальных последовательностей – (только ли) по отношению к этнолекту, системе данного общего языка, или (также и) по отношению к сотням «лектов», отраслевых разновидностей этого языка – фундаментален и для теории языка, и для прикладных дисциплин (в первую очередь – для лексикографии). Мы в этой мало исследованной области делаем лишь первые шаги. То, что определяется привычным словосочетанием «лексика и фразеология», почти не изучалось в отношении к «отраслевым языкам», однако практика обучения этим языкам (а не только «языку вообще») показывает, что поиски в этой области и нужны, и важны, и перспективны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- НЕЛЮБИН, Л. Л. (2003): *Толковый переводоведческий словарь*. «Флинта», «Наука». М.
 CHLEBDA, W. (ed.), (2011): *Na tropach reproductów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. Opole.
 CHLEBDA, W. (ed.), (2013): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, z. 6. Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. Opole.
 MAŁACHOWICZ, M. (2005): *Tekst specjalistyczny a ekwiwalencja w przekładzie*. In: LEWANDOWSKI, J., KORNACKA, M. (eds.), *Języki specjalistyczne 5. Teksty specjalistyczne w kontekstach zawodowych i tłumaczeniach*. KJS. Warszawa.
 MOCARZ, M. (2011): *Interkulturowość w przewodniku turystycznym. Studium o odbiorze inności w przekładzie*. Wydawnictwo KUL. Lublin.
 WAWRZYŃCZYK, J. (ed.), (2005): *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa.

Helena Confortiová, Jitka Cvejnová, Natalja Rajnochová: Чешский язык / Čeština pro ruský hovořící. Leda 2013 – 519 s. – 2 CD.

Каждый, кто много лет подряд – в России ли, в Чехии ли – преподает чешский язык на базе родного студентам русского, хорошо помнит времена, когда выбирать можно было буквально между двумя-тремя учебниками, в наши же дни, перенасыщенные как традиционными бумажными изданиями, так и электронными пособиями по чешскому языку разной направленности, часто не знает, что предпочесть, – и каждый такой преподаватель-практик встречает весть о выходе нового учебника чешского для русскоговорящих с тайной надеждой: вдруг это наконец то единственное, что заменит старую добрую, но требующую актуализации книгу, по которой учился я сам?

Рецензируемый учебник с первого же взгляда производит впечатление такого, который эту надежду мог бы оправдать. Современна оформленная, но при этом добротная, толстая, солидная книга. Не тетрадного вида легкий как для ношения в сумке, так и с точки зрения преподносимого материала «мануал», построенный исключительно на простейших диалогах наподобие *Dobrý den! Já jsem...* (имя и фамилия иностранца или иностранки, в последнем случае для простоты без *-ová*). – *Co děláte?* – *Jsem ekonom(ka)*. – *Aha! Promiňte, už musím jít...* Никто не спорит: такие диалоги для начала тоже нужны. Спорной, однако, кажется мысль, высказываемая сторонниками чисто коммуникативного подхода к преподаванию языка, будто не нужно обременять обучаемого конструкциями типа *Čím jste?* или *Jaké je vaše povolání?* (в рецензируемом учебнике они даются наряду с вопросом *Co děláte?* на с. 53), потому что так никто не говорит. С этим студент тоже может встретиться, причем на первых же порах, и будет озадачен. С другой стороны, если на всякий вопрос *Co děláte?* он будет отвечать в духе *Jsem ekonom*, озадачен может быть уже его собеседник.

Хорошо, что, предлагая учащимся на с. 21 «Давайте представимся!», авторы учебника дают варианты *Jmenuji se Marek* и *Já se jmenuji Tomáš*. Правда, в переводе первое имя интернационализируется или русифицируется (Марк), а второе – нет (Томаш, а не Томас или Фома), что нелогично... но с этим, как и с нелогично избирательной «богемизацией» русских имен собственных при работе с учебником приходится мириться, хотя подчас такой подход вызывает недоумение. Например, в упражнении 8 на с. 32 предлагается вставить пропу-

шенную форму глагола *jet* во фразе *My (nem) do Moskvy, ale do Petrohradu*, которую студент, видимо, с помощью преподавателя или словаря должен перевести для себя «Мы едем не в Москву, а в Петербург». Между тем в уроке 12 в автобиографии сквозной героини учебника читаем: *Jmenuji se Natalija Alexandrovna Arseňjevová, narodila jsem se 20. října 1973 v Leningradě (dříve Petrohradě, dnes Sankt Petěrburku) /sic!/. В этой фразе топоним Petrohrad* явно употреблен как историзм в соответствии с русским *Петроград*, где героиня, конечно же, не могла родиться раньше, чем она реально родилась. Кстати, сотрудник риэлторской конторы на с. 100 обращается к 40-летней г-же Арсеневой с вопросом *Co si přejete, slečno?*

Разумеется, эти мелкие огрехи учебника легко корректируются при работе с преподавателем, которому также и в остальном потребуется давать обучаемым разного рода комментарии. Например, хорошо, что уже при введении выражений, употребляемых при знакомстве, форма 1-го л. ед. ч. наст. времени глагола *jmenovat se* приводится с окончаниями *-i* и *-u*, но только в уроке 5 на с. 63 можно прочесть, что формы типа (*já*) *studuji* и (*oni*) *studují* – книжные. Поскольку учащимся – как правило, с запасом языковых знаний из средней школы (большой частью основательно забытых) – вряд ли будет с ходу понятно, что значит «книжная форма» (и какая бывает другая: иными словами, *já studuji* или *jmenuji se Marek* – это формы «некнижные»? т. е. «нормальные»? тогда почему на с. 21 Томаш в ответ представляется «книжно»?), преподавателю здесь с самого начала и дальше по ходу дела предстоит объяснять очень многое. Что, наверное, и неплохо: в конце концов, рецензируемый учебник – не самоучитель...

Трудно придется преподающему и с грамматикой. В книге двадцать уроков, из них грамматика систематически излагается в уроках с 6-го по 19-й (12-й и 20-й уроки – повторительные). При этом уже в уроке 6, например, сразу дается спряжение глаголов – всех типов! – в настоящем времени (хотя спряжение некоторых глаголов было уже в уроке 4). Представлено оно на двух страницах (62–63), а на следующей в трех упражнениях, содержащих по 10 фраз с двадцатью повторяющимися глаголами, предлагается отработать весь пройденный материал. Ясно, что в реальной практике преподавания к отработке типов спряжения понадобится возвращаться вновь и вновь. Аналогично в уроке 7 разбирается склонение существительных мужского и среднего рода твердой разновидности, причем в рамках мужского рода – как неодушевленных, так и одушевленных (в предыдущем уроке на с. 67 сказано, что «грамматический род определяется в зависимости от того, на какую букву /sic!/ оканчивается имя существительное...», а одушевленность иллюстрируется только отдельными словами, среди которых – ни одного названия животного!), и на весь этот материал предлагаются лишь полторы страницы упражнений. Впрочем, к одушевленному существительным авторы учебника возвращаются в уроке 9 (где упражнений больше), следуя в этом испытанному традиционному подходу: вначале – коротко о главном, затем – подробнее о сложном.

Первые пять уроков посвящены фонетике, и ее изложение вызывает наибольшее количество вопросов. Начиная даже еще не с фонетики, а с алфавита на с. 13, где к чешским буквам приводятся русские соответствия – причем непонятно, буквенные или звуковые. Комментарии типа *á – а долгое* или *ě – е, ýе* наводят на мысль, что справа объясняется, как какая буква «читается». Но в таком случае что значит *h – (z, řidč. x)*? И для кого помета *řidč.*, если на задней стороне обложки написано: *Учебник не предполагает предварительного знания чешского языка?* (Автор этих строк знает, что *řidč.* – это *реже*, однако все равно не может догадаться, какие редкие случаи реализации *h* в виде [x] имеются в виду: типа *sníh*? Но тогда это не редкие случаи, а регулярное оглушение! Или здесь подразумеваются буквенные соответствия типа *holocaust – холокост*?) Что значит «расшифровка» *w – дабл ю*: это для какого языка? Как понять транслитерацию (?) *y – ы* и (*ý*) – *ы долгое*, если на с. 20 утверждается, что «звук *i* в чешском языке передается двумя буквами: *i, í* и *y, ý*» (но здесь четыре буквы!), которые «близки по произношению русскому “и”»? На той же с. 20 буквы *i, í* названы «мягкими», а *y, ý* – «твердыми», и формулируется правило, что буква *i, í* (т. е. каждая такая пара трактуется как одна буква?) «пишется после мягких согласных *ž, š, č, ř, dʹ, tʹ, ň, c, j*»: здесь, по-видимому, имеются в виду мягкие согласные звуки, а не буквы, так как ведь не бывает написаний *tʹi, ňi*, однако звук *c*, который «соответствует по произношению русскому *ц*» (с. 42), ни в чешском, ни в русском не является мягким! В плане сравнения двух языков на с. 27 написано, что в чешском, «в отличие от русского языка, звонкие согласные оглушаются и в конце предлогов, когда они употребляются перед словами, начинающимися с гласного или с глухого согласного: *v okně [f okně]* в окне ... *v rokoji [f rokoji]* в комнате» – но разве не так же произносится [f] в русском в случаях типа «оставьте меня в покое»?

Русскоязычного пользователя учебника, возможно, покоробят формулировки заданий в некоторых упражнениях: *Прочитайте двойным способом; Спрашивайте друг друга о том, сколько вам лет* (с. 46); *Присоедините к существительным подходящие прилагательные* (с. 85), *Откройте скобки* (с. 157) и т. п. С лингвистической и просто логической точки зрения неудачна формулировка *Замените модальные глаголы *tuset* и *nesmět* повелительным наклоном* (с. 168) и мн. др.

И все же, несмотря на перечисленные недостатки (а где их нет?), перед нами весьма основательный учебник, богатый – что особо ценно – текстами разных жанров и стилей, на основе которых и происходит обучение языку. Пожалуй, преобладают здесь традиционные описательные тексты, пускай зачастую с несколько искусственными фразами, какие так часто критикуют сторонники коммуникативного подхода (типа *Nataša má malou, ale hezkou kancelář. Vpředu nalevo je psací stůl a židle. Na stole jsou papíry, telefon a fax...* – но неужели умение описать помещение стало уже совсем лишним?); некоторые из них, конечно, слишком нарочито «привязаны» к излагаемой в уроке грамматике, например: *Kdyby měla Nataša dovolenou, určitě by jela domů do Ruska...* (с. 225), но ведь каждый понимает, что это учебный текст на «сослагательное наклонение на-

стоящего времени»; кто-то, может быть, заинтересуется, как выглядит «сослагательное наклонение ненастоящего времени», и тогда преподавателю придется перестроить текст в духе *Kdyby bývala měla Nataša dovolenou...* С такими текстами соседствуют и совсем другие – естественные человеческие рассказы о себе и своей семье (как, например, текст III на с. 313–314 под довольно старобразным, впрочем, заголовком *Rodina Nováková u televize*, начинающийся словами *Nejvíce diskuzí vedeme doma s manželem kvůli televizi*) и, конечно, живые диалоги. Тексты, отражающие современную повседневность (*V bance*, *Dopis obchodní firmě* и т. д.) перемежаются со страноведческими и культурно-информационными: три урока посвящены географии, страницам истории, народонаселению, экономике и культуре ЧР. Приводится даже адаптированный фрагмент одного из произведений чешской художественной литературы (Ota Pavel, *Jak jsem potkal rybu*: правда, этот текст не на с. 334, как обещано в оглавлении, а на с. 307, но это легко вычислить). Многие тексты и упражнения записаны на CD. Учебник содержит ключ к упражнениям и чешско-русский словарь на 50 страницах.

Осенью 2013 г. автор этих строк попробовал использовать два урока из рецензируемого учебника для занятий с продолжающей группой на курсах при Чешском центре в Москве. Мы разбирали формы степеней сравнения прилагательных и наречий – и в уроках 15 и 16 оказался очень выигрышно представленный материал по этим темам, ряд полезных упражнений к ним и как раз очень подходящий текст о рыбах, начинающийся фразой: *Když mi bylo líp, myslel jsem na to, co bylo v životě nejkrásnější*. А если еще рассказать учащимся, кто такой был Ота Павел, о чем писал и каким глотком свободного творчества казались его повести в период «нормализации»...

Но это, как и многое другое, остается за рамками рецензируемого учебника как такового и выпадает на долю преподавателя, который решит с ним работать, для чего эта книга открывает самый широкий простор.

Сергей Скорвид, Россия, Москва

Kubánek, M., Molnár, O., Zehnalová, J. (Eds.): *Teaching Translation and Interpreting Skills in the 21st Century*. Olomouc Modern Language Series, vol. 1. Olomouc: VUP 2012. 219s. ISBN 978-80-244-3252-6

Uvedená publikace dokládá dvě významné události v životě olomoucké anglistiky a translologie. Tou první je založení tradice konání mezinárodní konference Translation and Interpreting Forum (TIFO, www.tifo.upol.cz), která se poprvé uskutečnila v listopadu 2011, poté v roce 2012 a jejíž další ročník se koná v září 2014. Tou druhou je založení nové publikační řady Olomouc Modern Language Series (OMLS), kterou katedra anglistiky a amerikanistiky FF UP koncipuje jako prostor pro publikaci recenzovaných sborníků z vybraných lingvistických, literárněvědných a translologických konferencí konaných na FF UP. Prvním svazkem je právě publikace Teaching Translation and Interpreting

Skills in the 21st Century (OMLS, vol. 1, 2012), druhým svazkem Trends and Tradition in Trans-Language Communication (OMLS, vol. 2, 2013), třetím svazkem Language Use and Linguistic Structure (OMLS, vol. 3, 2014).

Katedra anglistiky a amerikanistiky FF UP tak zdárně navazuje na tradici bádání v oboru translologie, která je v Olomouci spojena s působením Jiřího Levého na Univerzitě Palackého v letech 1950–1963, či s prací jeho žáčky doc. Dagmar Knittlové (srov. D. Knittlová a kol.: *Překlad a překládání*. UP Olomouc 2010). Jak mezinárodní konference TIFO, tak OMLS, vol. 1 se snaží nabídnout otevřený prostor pro širokou a komplexní diskusi o aktuálních otázkách teorie a praxe překladatelství, o potřebách měnícího se trhu jazykových služeb a jejich reflexi ve vysokoškolské přípravě budoucích překladatelů a tlumočnicků. Oběma aktivitám je tak vlastní zájem o současné tendence v překladatelství, kontakt a dialog univerzitního prostředí a reálného trhu překladatelských služeb i odborně fundovaná diskuse.

Recenzovaný sborník je rozdělen na čtyři tematické celky – Překlad (Translation), Metodiku (Methodology), Tlumočení (Interpreting) a Překladatelské technologie (Translation Technology), obsahuje celkem šestnáct anglicky psaných statí od dvaceti tří autorů. Za stěžejní považuji statě věnované metodice výuky překladu a tlumočení, které nabízejí jak moderní a teoreticky dobře argumentované pojetí výuky překladu a tlumočení (např. výuka překladatelských strategií a textové, pragmatické kompetence; kognitivní přístup k modelu tlumočení; aktivizující metody a orientace výuky na studenta atd.), tak celou řadu zamyšlení, praktických rad a ukázek práce s překládaným materiálem ve výuce či v neposlední řadě kvalitní odkazy na aktuální anglojazyčnou i českou odbornou literaturu v oboru. Čtenář se seznámí i s formálním statutem oboru translologie a praktickou koncepcí výuky translologických disciplín v regionu střední Evropy – na Univerzitě Palackého v Olomouci, na Slovensku (Univerzita Konštantína Filosoфа v Nitře) a v Polsku (Varšava, Krakow).

V části věnované překladu (Translation) autoři zkoumají možnosti převodu pragmatické složky komunikace při překladu a jeho výuce. Gabriela Miššíková sleduje na materiálu překladu jednoho současného anglického románu roli pragmatické kompetence překladatele a přístup pragmatické stylistiky k vyhodnocení kvalit a účinku originálu a jeho překladu do slovenštiny. Jitka Zehnalová a Josefina Zubáková pak ve své statí zkoumají, jak překladatelova dovednost komplexního hodnocení pragmatického kontextu ovlivní interpretaci a adekvátní překlad ironie v anglickém řečnickém textu. Autorky zdůrazňují cit pro kontext, textovou a kulturní kompetenci, ke které je nutné studenty překladatelství systematicky vést. Dílčím česko-anglickým mezijazykovým jevům lexikálního plánu se věnují další dva příspěvky. Jiří Rambousek shrnuje lexikografickou praxi dosavadních slovníků česko-anglických mezijazykových homonym a informuje o projektu reedice slovníku Josefa Hladkého (*Zrádná slova v angličtině*, 1990) v elektronické, uživatelsky přívětivé verzi. Václav Řeřicha a David Livingstone ve svém příspěvku analyzují a komentují zrádné případy česko-anglické lexikální (ne)ekvivalence (např. dům – Národní dům, chata, příroda, reprezentativní, u nás atd.), které podle nich vyplývají z jiné kulturně specifické konceptualizace stejného sémantického pole v obou jazycích. Naděžda Salmhoferová ve své statí hodnotí specifickou roli překladatele/tlumočnicka v kontextu soudního diskurzu a přichází s diskutabilní myšlenkou jeho plnohodnotného, aktivního přístupu k jazykové mediaci mezi zúčastněnými stranami.

V metodické části sborníku (Methodology) autoři zdůrazňují při výuce překladu a tlumočení aktivizující metody, techniky a práci zaměřenou na samotného studenta a proces překladu. Michal Kubánek a Ondřej Molnár tak demonstrují na příkladu překladu anglických textů návodů na použití postupy při osvojení překladatelských strategií, konkrétně jevu syntaktické kondenzace (na úrovni jazykové kompetence, kompetence textové i mimojazykové). Renata Kamenická a Jiří Rambousek informují o svých zkušenostech s výukou překladu na FF MU v Brně, kde na seminářích podporují iniciativu a samostatnost studentů (volba témat a textů, vedení seminářů), postupnou zpětnou vazbu a korekturu překladu i online zdroje pro rozšiřující samostudium studentů (elektronická databáze anotovaných textů a jejich překladů). Maria Piotrowska pojednává o úloze a metodologické hodnotě komplexní sebereflexe studenta při výuce překladu a předkládá možné postupy pro její nácvik. Lýdia Čechová a Beáta Ďuračková se věnují výuce překladu idiomů, referují o svém experimentu a navrhuje praktické techniky k osvojení idiomů (např. vizualizace, situační hry, jazyková kreativita atd.). O stávající situaci oboru translatologie na Slovensku a konkrétní koncepci výuky translatologických disciplín na univerzitě v Nitre se můžeme dočíst ve stati Edity Gromové a Daniely Mügllové.

V části věnované tlumočení (Interpreting) se opět studují jak obecné koncepte tlumočení, tak dílčí jevy v didaktice tlumočení. Veronika Prágerová mapuje dosavadní psycholingvistické a kognitivní koncepte tlumočení a navrhuje vlastní velmi zajímavý dynamický model procesu simultánního tlumočení, který při sémantickém utváření cílového textu zohledňuje neustálou interakci, revizi a zpětnou korekturu mezi cílovým a zdrojovým textem a kulturním prostředím. Agnieszka Biernačka popisuje statut komunitního tlumočení v současném Polsku i svoji koncepci jeho výuky na Varšavské univerzitě. Šárka Šimáčková a Václav Jonáš Podlipský studují vliv mateřštiny na anglickou výslovnost českého tlumočnicka a zdůrazňují ve fonetické přípravě budoucích tlumočnicků především obsahovou srozumitelnost projevu a absenci cizího přízvuku. Marie Sanders se zamýšlí nad současným stavem paměťových dovedností studentů tlumočení a referuje o své koncepci aktivizujících paměťových cvičení.

V závěrečné části zabývající se překladatelskými technologiemi (Translation Technology) Pavel Král zevrubně hodnotí a klasifikuje roli těchto technických prostředků v historii i současnosti translatologie obecně. Zdůrazňuje přínos současného statistického strojového překladu a zásadní, nevyhnutelný kvalitativní i kvantitativní posun v procesu překladu, v práci překladatele i ve skladbě jeho dovedností, který překladatelské technologie s sebou přinesly. Martin Mačura pak předkládá kritickou analýzu dostupných nástrojů počítačem podporovaného překladu a strojového překladu s ohledem na jejich přetrvávající nedostatky (např. různá vizualizace segmentů; důraz na technický aspekt, ne na text; nedostatek bezprostředního kontextu překládaných jazykových jevů aj.).

Celý sborník na čtenáře působí velmi uceleným dojmem – je precizně připravený po stránce obsahové i formální a nabízí bohaté, aktuální a inspirativní translatologické „menu“ pro zájemce nejen z řad anglistů.

Jindřiška Kapitánová, Česká republika, Olomouc

ИЛОНА ШПРЦОВА, РОМАН ГУЕР

Коллегия судебных переводчиков Чешской Республики

Чехия, Прага

РУССКИЙ ЯЗЫК В СУДЕБНОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА, ИЛИ АНАБАЗИС ПЕРЕВОДЧИКА РУССКОГО ЯЗЫКА С 90-ЫХ ГОДОВ ПО СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

ABSTRACT:

Court Interpreting and Translations – Theory and Practise, the Anabasis of Russian Interpreters and Translators from 90s to Nowadays

This article tries to depict development in the Russian language translations and interpreting from 1990ies up to now. It describes the growth of demand for Russian translations in the 1990ies, fight for prices and recognition of our work, but also some of the deterioration activities undertaken by certain colleagues undermining the prestige of legal interpreters and translators. It also covers the main obligations of court interpreters and translators as stipulated by law.

KEY WORDS:

Court interpreting – from 1990s up to now – the prestige of legal interpreters and translators.

В 90-ых годах прошлого века в Чешской Республике наблюдался существенный недостаток назначенных судом переводчиков русского языка, способных переводить юридические тексты. До 1989 г. работа судебных переводчиков для частного сектора ограничивалась лишь на переводы метрических документов – свидетельств о рождении, о заключении брака, о разводе, о смерти. После 1989 г. структура переводов начала меняться, в Чехии начали возникать юридические лица с участием русскоязычных граждан. В то время переводчики русского языка часто переводили и с украинского, так как наблюдался абсолютный недостаток переводчиков украинского языка, а спрос на переводы метрических документов был огромным. Именно с того времени отмечается чрезвычайный рост числа судебных переводчиков русского языка. Переводчиками зачастую назначали бывших преподавателей русского языка, которые, хотя и имели представление о грамматике и теории русского языка, но не об-

ладали знанием техники устного перевода, а также знанием специальной юридической терминологии.

До 2002 г., т.е. до последнего повышения тарифов за переводы, многие переводчики отказывались являться в суд и переводить в ходе судебных разбирательств за государством установленные цены. За максимальную ставку 125 крон в час согласны были работать для государственных органов лишь те, кто считал такую работу своего рода призванием и проявлял интерес к судебному разбирательству как таковому. Уголовные дела представляли в то время свыше 90% госзаказов. Судьи часто приводили высокую цифру телефонных звонков, которые они должны были сделать, чтобы найти переводчика, готового явиться в суд. Те переводчики, которые безотказно являлись в суд и в полицию, заслуживают глубокого уважения, так как их работа представляла собой скорее «службу родине». Но именно в ходе такой работы мы приобретали настоящую квалификацию. Переводческая работа была очень интересной. Ведь переводчики вместе с криминалистами раскрывали русскоязычные организованные уголовные группировки, процветавшие в Чехии именно в 90-ых годах. Уголовное делопроизводство было главной составляющей нашей работы. Особенно популярен был так называемый «сокращенный уголовный процесс», когда заседание суда проводилось практически незамедлительно, обвиняемого привел к суду эскорт, так что переводчик имел гарантию, что заседание суда состоится, а также что его работа будет оплачена соответствующим образом. И так как такое делопроизводство чаще всего проходило в рамках 24-часов, переводчики повышали свои доходы и за счет надбавок, начисление которых им позволяет закон.

После внесения поправок в закон о пребывании иностранцев на территории ЧР в 1998 году и после введения визовой обязанности для граждан России и Украины в 1999 году, судебные переводчики расширили свою сферу деятельности также на делопроизводство по предоставлению убежища. Однако оплата за переводческие услуги не всегда была гарантирована. Если человек, просящий предоставления ему убежища, не явился в суд, а такое случалось относительно часто, переводчик был лишен права на возмещение его издержек.

Даже после повышения тарифов в 2002 г. переводчики русского языка сталкивались с тем, что некоторые сотрудники органов госуправления не хотели признавать им даже минимальный уровень новых тарифов. Преобладало мнение, что русский язык, наряду с украинским и другими славянскими языками, является простым языком, и поэтому переводы должны быть дешевыми. Расходы судебных органов на переводы с указанных языков в рамках уголовного судопроизводства, несомненно, превышали все остальные. В конечном итоге, стремления к такой категоризации языков не были успешными, и переводчикам русского языка удалось отстоять свою позицию.

Позвольте остановиться на нескольких положениях закона, в частности на § 25а Правонарушения. Указанный параграф гласит, что «переводчик совершит правонарушение, если а) *осуществляет свою деятельность в противоречие с положениями § 8*»; А § 8 постановляет, что «переводчик обязан осу-

ществлять свою деятельность надлежащим образом, в указанные сроки, на языке, для которого был назначен». Примером тому может служить вышеупомянутая ситуация, когда в связи с недостатком переводчиков украинского языка, а также в связи с низким уровнем осознания разницы между двумя языками, как на стороне госорганов, так и среди физических и юридических лиц, в 90-ых годах переводчики русского языка переводили также с украинского. К счастью, такая ситуация сегодня встречается уже редко.

б) осуществит свою деятельность в противоречии с положениями § 10;

А § 10 гласит, что переводчик обязан осуществлять свою деятельность лично.

В этой области наблюдается сильное расхождение теории правовых норм и практики. Многие переводчики перестали делать переводы сами уже где-то с половины 90-ых годов. Наблюдается очень опасная тенденция развития так называемых «штамповщиков», т.е. переводчиков, которые нанимают дешёвую рабочую силу, чаще всего иноязычных студентов, а сами лишь «штампуют» сделанные переводы. В результате такой практики цены на переводы для частных лиц упали на половину своей предыдущей стоимости. Какие это имеет последствия на качество и репутацию работы судебных переводчиков, можно себе легко представить.

в) нарушит обязанность хранить в тайне факты, которые он узнал в связи со своей деятельностью переводчика.

Данная обязанность остаётся актуальным вопросом в уголовном делопроизводстве перед судами, в полиции, а также в отношении с клиентами и в настоящее время. Русскоязычная среда всегда была, есть и наверняка будет тесно взаимосвязана. Поэтому госорганам нужны надёжные «проверенные» переводчики. В этом смысле очень важную роль играет профилактика, вернее – осторожность правоохранительных органов. Информация в русскоязычной среде распространяется очень быстро. При этом отбор переводчика играет важную роль. Наверняка, неправильно делить переводчиков на носителей языка, коренных русскоязычных и на «нерусскоязычных». Однако, данный критерий также играет роль при выборе переводчика для работы с правоохранительными органами. Для уголовного разбирательства, конечно, идеальным выбором являются те переводчики, которые специализируются чисто на уголовных делах и не имеют клиентов в частном секторе.

В заключение разрешите подчеркнуть, что вышеописанное развитие рыночных механизмов за последние 20 лет в значительной степени увеличило заинтересованность переводчиков русского языка в устных и письменных заказах со стороны государственных органов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Zákon č. 36/1967 Sb., o znalcích a tlumočnících (1967) <http://portal.gov.cz/app/zakony/zakon.jsp?page=0&nr=36~2F1967&grp=15#seznam> (15.10. 2013)

Změna vyhlášky o znalcích a tlumočnících a o nákladech trestního řízení. (č. 432/2002) (2002) <http://portal.gov.cz/app/zakony/zakon.jsp?page=0&fulltext=&nr=432~2F2002&part=&name=&grp=15#seznam> (15.10. 2013)

Международная научная конференция: XXII Оломоуцкие дни русистов 4–6 сентября 2013 г.

В начале сентября в Оломоуце опять состоялась традиционная праздничная встреча русистов из многих стран всего мира. В 2013 г. о своем желании участвовать в конференции заявило почти 160 специалистов из 15 стран мира. Фактически же приняло участие около 115 участников. Самым большим численным составом отличались как всегда делегации Российской Федерации, Чешской Республики и Польши; очное и заочное участие принимали представители Австрии, Германии, Казахстана, Словакии, Белоруси, Украины, Латвии, Венгрии, Хорватии, но и Италии, Франции и Японии.

Торжественное открытие конференции проходило в актовом зале Философского факультета Университета им. Палацкого при участии ректора Университета им. Палацкого проф. Мирослава Машлани и декана Философского факультета доц. Йиржи Лаха. В почетном президиуме заседали и генеральный консул РФ в г. Брно А. Е. Шарашкин, зав. кафедрой славистики Философского факультета проф. З. Пехал и президент Оломоуцких дней русистов д-р Л. Воборил.

После торжественного открытия на пленарном заседании представили итоги своей работы оломоуцкие русисты: Зденек Пехал, литературоведение: *Творческое наследие Н. В. Гоголя*; Людмила Степанова, фразеология: *Словарь Вацлава Флайшганса «Česká přísloví» и современная славянская фразеология*; Ладислав Воборил, лингвистика: *Синкретизм и полифункциональность в языке..*

В дальнейшем работа конференции продолжалась в четырех секциях с объявленными раньше темами и частными подтемами: лингвистической (Тема: **Синкретизм и полифункциональность в языке**. Подтема: *Русский язык в сопоставлении с другими языками.*), переводческой (Тема: **Перевод специальных текстов в теории, дидактике письменного и устного перевода**. Подтема: *Юридический устный перевод в аудитории и практике.*), фразеологической (Тема: **Фразеология и культура**. Подтемы: *Фразеология и материальная культура. Фразеология и духовная культура. Фразеология и реалии. Фразеологическая картина мира.*) и литературоведческой (**Русская литература и Н. В. Гоголь.**).

Первый день конференции **лингвистическая секция** работала в двух параллельных подсекциях, второй день только в одной. Всего был заслушан 41 доклад (29 докладов в секции 1, 12 докладов в секции 2).

В работе секции можно наметить несколько тематических блоков.

Центральной в этом году темой лингвистической секции был синкретизм и полифункциональность. Данной теме было посвящено 8 докладов + один пленарный доклад; были рассмотрены разные аспекты синкретизма и полифункциональности, однако, больше всего говорилось о синкретизме и полифункциональности на лексико-семантическом уровне языка.

Доклады подсекции 2 были посвящены синхронному описанию языка, обсуждались, в частности, вопросы глагольных категорий, аналитизма в морфологии, инфинитива и отрицания.

Следующей крупной темой рассуждений лингвистов были проблемы лексикологии и словообразования; лексика рассматривалась с точки зрения когнитивной лингвистики (вопросы концептуализации мира, языковой картины мира). Много докладов было посвящено и лексическим новациям, неологизации, словообразованию, разным тематическим пластам лексики.

Последний тематический блок можно условно назвать текстуально-стилистическо-дискурсивным, ибо темы докладов затрагивали актуальные проблемы лингвистики текста, рассматривались разные типы текстов, текстовые стратегии, разного типа функциональные языки (язык рекламы, СМИ, публицистики).

Все доклады вызвали оживленный интерес присутствующих, сопровождались плодотворной дискуссией и содействовали решению многих, пока окончательно нерешенных проблем лингвистики в синхронном и диахронном планах.

Транслатологическая секция работала в камерном составе – прозвучало 12 докладов, причем один доклад был прочитан даже по скайпу. В работе секции принимали участие представители Германии, Польши, России и Чехии. Обсуждалась проблематика художественного перевода и перевода специальных текстов, особый тематический блок был посвящен некоторым аспектам устного перевода.

В тематическом блоке по переводу художественной литературы была затронута тема возможностей и границ переводов произведений Богумила Грабала на русский язык, и вообще, на иностранные языки, приводились варианты перевода собственных имен в произведении Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес», слушатели были ознакомлены со студенческим проектом-переводом современной русскоязычной прозы на чешский язык, осуществляемым на кафедре славистики оломоуцкого факультета.

Тематикой большего количества докладов были актуальные проблемы художественного перевода специальных текстов. Была затронута проблематика перевода экономических текстов, в частности, их терминологии; на материале подробной классификации пассажирских ж-д вагонов была продемонстрирована специфика перевода ж-д лексики. Оживленную дискуссию, основанную на собственном переводческом опыте, вызвал доклад, посвященный правилам транскрибирования антропонимов в Чехии, Германии и Евросоюзе.

Лингвистический аспект транслатологической проблематики был акцентирован в докладах о переводе на чешский язык русского местоимения себя и о различиях в порядке слов в русском и чешском языках.

В рамках секции работала подсекция устного перевода, участники которой обсуждали разные аспекты теории, практики и дидактики устного перевода, в частности, злободневные проблемы судебного перевода.

Несмотря на глобализацию современного мира, участники высказали мнение, что перевод не теряет своего значения, наоборот, перевод как форма меж-

культурной коммуникации в новых условиях приобретает новые аспекты; его изучение необходимо развивать в новых направлениях, подчеркнув комплексность подхода к изучению переводческих проблем с учетом не только языковых, а также социологических и культурологических факторов.

Общей темой **фразеологической секции** была «Фразеология и культура». На секцию было заявлено 44 доклада, состоялось 38 докладов. На пленарном заседании проф. Л. Степанова прочитала доклад на тему «Словарь Вацлава Флайшганса «Чешские пословицы» и современная славянская фразеология». Основными направлениями исследований, представленными на секции, были следующие: Культурологические доминанты в русской и славянской крылатологии, Национальные и интернациональные крылатые единицы в русском и других славянских языках, типы внутренних форм фразем, внутрифразовое значение компонентов, фразеологические исследования в синхронии и диахронии. Отдельный блок составили доклады, посвященные паремической и фразеологической картине мира (русской и белорусской, русской и английской и т.д.), в частности – концепту «церковь». Несколько докладчиков исследовало разные метафоры (дендрологическая, железнодорожная и др.) во фразеологии, фразеологизмы с отдельными компонентами (сакральные компоненты, советизмы и др.) в русском и других европейских языках, тематические группы фразеологизмов (красота и уродливость, выражение лица, ложь и др.). По всем докладам велась оживленная дискуссия. Фразеологи также представили новые работы, изданные за последние два года. Была обсуждена также тема докладов на фразеологической секции на следующих Оломоуцких днях русистов. Ею будет тема: Русская и славянская фразеология: новое и старое.

В **литературоведческой части** конференции прозвучало 26 докладов. Первый день особое внимание было уделено проблеме Н. В. Гоголя, амбивалентности, феномену пространства, текстологическим вопросам произведений автора. Докладчики коснулись темы автохтонного и аллохтонного у Гоголя, обратив внимание на анализ художественного гоголевского текста и его структуру, ценности, перевод.

Продемонстрированы были связи поэтики авангарда с гоголевским поэтическим видением и его жанрами. Были обсуждены научные интерпретации Гоголя и намечено его влияние на литературу следующего века. Многие доклады были посвящены Гоголю на современной русской сцене, его влиянию на современную драму, доказывались гоголевские мотивы в современной драматургии. Рассматривались отношения Гоголя к другим видам искусства, напр., к кинотеатру, музыке. Излагались мотивы путешествия, отцов и детей, страха, заколдованного места, жанр гротеска, карнавализма.

Последняя часть докладов была обращена к современности, современной русской литературе, которая во многих аспектах продолжает гоголевскую поэтику и творческое наследие автора.

O vysokém teoretickém úrovni докладов и практической значимости свидетельствовала оживленная дискуссия, продолжавшаяся часто и после окончания работы секций в кулуарах, и, прежде всего, слова самих участников.

Кроме рабочей программы, участникам конференции была предоставлена богатая и интересная культурная программа, включающая кроме традиционного торжественного банкета, на этот раз под джазовую музыку, также концерт органной музыки в соборе св. Маврикия, организованный в рамках ежегодного осеннего фестиваля органной музыки в Оломоуце.

Доклады конференции будут изданы в сборнике *Rossica Olomucensia* LIII. Срок проведения следующих XXIII Оломоуцких дней русистов назначен на 9–11 сентября 2015 г.

Ладислав Воборил, Чехия, Оломоуц

Ukrajinská překladatelská konference – UTIC 2013

Ve dnech 18.–19. května minulého roku se v Kyjevě konal první ročník ukrajinské mezinárodní překladatelské konference UTIC 2013 (Ukrainian Translation Industry Conference, UTIC). Konference, jejímž organizátorem je jedna z největších ukrajinských překladatelských agentur InText, se svým rozsahem zařadila mezi největší události tohoto druhu v Evropě. Programová náplň konference se zaměřovala nejen na překladatelský průmysl, ale i na vysokoškolské vzdělání v oblasti překladatelství a tlumočení. Mezi 369 aktivními i pasivními návštěvníky z 19 zemí (USA, Rusko, Velká Británie, Ukrajina, Itálie, Česká republika, Izrael, Finsko aj.) byli překladatelé a tlumočníci, majitelé a představitelé managementu nadnárodních i lokálních překladatelských agentur, IT specialisté, představitelé překladatelských asociací (např. Elia, ATA či GALA) a v neposlední řadě zástupci a pedagogové 18 vysokých škol. Součástí programu byla burza kontaktů, prodejní výstava a dvě celodenní školení. První vedl marketingový ředitel společnosti Moravia Renato Beninato, specialista na marketingové strategie překladatelských agentur, druhé školení s názvem Keeping Up with Translation Technology zaštil odborník na překladatelské technologie Jost Zetzsche.

Hlavní program konference byl rozdělen na tři paralelní sekce: Umění překlada, Překladatelský byznys a Překladatelské technologie. V sekci Umění překlada zazněly příspěvky o rozvoji překladatelské profese, zvyšující se potřebě využití softwarových nástrojů, možnostech školení pro překladatele na volné noze a podobně. Největší ohlas měly příspěvky překladatele a redaktora Alexandra Poddubného z Ruska na téma Technický překlad a profesora z USA Barryho Olsena na téma Tlumočení v digitálním století. Zajímavý byl také blok přednášek ukrajinského překladatele Olega Rudavina o zkušenostech z tzv. freelancingu – překladatelství na volné noze (Oleg Rudavin vedl v prosinci 2013 na toto téma sérii přednášek pro studenty Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci.). Druhý den konference byl v této sekci věnován diskuznímu bloku na téma Jak vzdělávat „hotové“ překladatele pod taktovkou

Alexandra Bondarenka, šéfa překladatelské agentury Translatel, a Tatjany Struk, pedagožky Národní univerzity „Ostrožská akademie“. Diskutující se shodli na nutnosti spolupráce vysokých škol a překladatelských agentur při přípravě nových překladatelů a na důležitosti zavedení kurzů věnovaných překladatelským technologiím, bez jejichž znalostí jsou absolventi na současném překladatelském trhu předem diskvalifikováni.

Příspěvky v sekci Překladatelský byznys byly věnovány projektovému managementu, marketingu, právním a ekonomickým aspektům vedení překladatelské agentury a diskuzím na téma, jak zvýšit efektivitu práce a zisk společnosti. V této sekci měly největší ohlas příspěvky Gordona Husbandse, viceprezidenta marketingové agentury Wordbank z Velké Británie, Kirilla Fedotova, šéfa překladatelské agentury InText z Ukrajiny, a příspěvek Demida Tišina, generálního ředitele All Correct Language Solutions z Ruska.

V sekci věnované překladatelským technologiím zazněla vystoupení zkušených uživatelů a vývojářů specializovaných překladatelských softwarů, kteří s posluchači sdíleli užitečné informace o široké škále nástrojů a technologií využitelných v překladatelském průmyslu. Zazněly příspěvky Jeleny Kosmatové o SDL Trados, Tarase Tovstiaka o lokalizačních softwarech nové generace, Sergeje Kornienka o lokalizaci aplikací pro mobilní telefony, Josefa Kubovského z české společnosti MemSource a další.

Organizátoři konference pořádají v průběhu celého roku v pravidelných intervalech webináře, kterých se můžou všichni zaregistrovaní zúčastnit. Webináře a příspěvky z konference je také možné sledovat ze záznamu na kanálu YouTube: <http://www.youtube.com/user/UTICConf>.

Na druhý ročník konference se zájemci mohou registrovat od 15. ledna 2014. Program začne již v pátek 16. května workshopem Olega Rudavina, konference bude oficiálně zahájena 17. května příspěvkem „Překlad jako zboží, ne intelektuální služba“, který proslaví zakladatel Translation Automation User Society (TAUS) Jaap van der Meer. Program konference bude pokračovat ve třech sekcích. První den sekce Umění překlada bude věnován metodám výuky překlada na vysokých školách a zkušenostem překladatelského trhu s čerstvými absolventy. Přednášky o přípravě mladých překladatelů, ale i o přípravě pedagogů vyústí v odpoledních hodinách v rozpravu pedagogů a majitelů překladatelských firem u kulatého stolu. Diskuzi opět povedou Tatjana Struk a Alexander Bondarenko. Tento rok je doplní také Kimmo Rossi z Generálního ředitelství pro komunikační sítě, obsah a technologie Evropské komise. Kromě příspěvků věnovaných nejrozličnějším oblastem překlada (od medicínských po překlady reklamních textů v turistickém ruchu) bude v nedělní části programu zajisté stát za pozornost vystoupení Pavla Dunajeva, šéfa organizačního výboru překladatelského oddělení zimních olympijských her v Soči. Jednácím jazykem konference bude angličtina, ruština a ukrajinština. Konference bude simultánně tlumočena do všech jednacích jazyků. Aktuální informace o chystaném ročníku jsou dostupné na internetových stránkách konference: <http://2014.utic.eu/>.

Martina Pálušová, Česká republika, Olomouc

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formáto-

vání se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Knih, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!